

АРИСТЕЙ

ARISTEAS • VOL. III • MMXI • MOSQVAE

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ И АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ

 VOL. III

PHILOGIA CLASSICA ET HISTORIA ANTIQVA

ARISTEAS

Universitas studiorum Dmitrij Požarskij

MOSQVAE

 MMXI

ТОМ III

ВЕСТНИК КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

АРИСТЕЙ

Университет Дмитрия Пожарского

МОСКВА

2011

ISSN: 2220-9050

Журнал издается Университетом Дмитрия Пожарского

Редакционный совет:

Н.В. Брагинская (Москва), А.Ю. Виноградов (Москва), А.В. Коптев
(Хельсинки), А.Е. Кузнецов (Москва), К.Г. Красухин (Москва),
В.Ф. Новодранова (Москва), С.Ю. Сапрыкин (Москва),
О.В. Сидорович (Москва), И.Е. Суриков (Москва),
Г.Р. Цецхладзе (Мельбурн), Ю.А. Шичалин (Москва),
Михаэль фон Альбрехт (Гейдельберг),
Дженнифер Беренсон (Салем)

Editorial council:

Nina Braginskaya (Moscow), Andrey Vinogradov (Moscow), Alexander Koptev
(Helsinki), Alexander Kuznetsov (Moscow), Konstantin Krasukhin (Moscow),
Valentina Novodranova (Moscow), Sergey Saprykin (Moscow), Olga Sidorovitch
(Moscow), Igor Surikov (Moscow), Gocha Tsetskhladze (Melbourne), Yuri Shichalin
(Moscow), Michael von Albrecht (Heidelberg), Jennifer Berenson (Salem)

Редакционная коллегия:

А.В. Подосинов (главный редактор), А.С. Егоров (заместитель главного
редактора), С.А. Степанцов (заместитель главного редактора),
И.А. Макаров, А.В. Мосолкин, В.В. Файер, Д.О. Торшилов,
А.В. Белоусов (ответственный секретарь)

Editorial Board:

Alexander Podossinov (Editor-in-Chief),
Alexander Yegorov (assistant Editor-in-Chief), Sergey Stepantsov (assistant
Editor-in-Chief), Igor Makarov, Alexander Mosolkin, Vladimir Fayer,
Dmitry Torshilov, Alexey Belousov (executive secretary)

На первой странице обложки – Сидящий Дионис с канфаром. Лицевая сторона чернофигурного
блюда. Ок. 520—500 гг. до н. э. Британский музей.

Сайт: www.s-end-e.ru/aristeas

E-mail: aristeas.classics@gmail.com

Информационная поддержка: www.librarius.narod.ru

LECTORI BENEVOLO SALUTEM!

В III томе нашего журнала внимательный читатель увидит некоторые изменения, мы надеемся, к лучшему. Так, нам удалось значительно расширить географию авторов журнала, среди которых, помимо московских и питерских антиковедов, оказались ученые из Ярославля (Е.С. Данилов и А.Г. Следников), Гейдельберга (М. фон Альбрехт), Берлина (А.Г. Жаворонков) и Мельбурна (Г.Р. Цецхладзе). Этот факт отражает стремление журнала стать трибуной для самых разных специалистов из разных научных центров мира.

Кроме того, расширился и круг проблем, обсуждаемых в журнале; в частности, наряду со статьями по классической филологии, опубликованы работы по античной археологии – статья о раскопках Пессинунта, бывшего храмовым городом Кибелы (автор Г.Р. Цецхладзе), а также по палеографии и текстологии древних рукописей – статья, содержащая описание и анализ латинской рукописи XVIII в. из Вильнюса (автор Н.К. Малинаускене). Мы намерены и далее расширять проблематику журнала за счет привлечения специалистов по античной эпиграфике, нумизматике, археологии и истории.

По традиции журнал открывается латиноязычной статьей, которую специально для нашего издания написали ярославские коллеги Е.С. Данилов и А.Г. Следников. Содержание работы вполне соответствует языку – в ней рассматриваются представления о «безмятежности духа» и других нравственных понятиях, бытовавших как в римском обществе в целом, так и у отдельных индивидуумов.

В разделе «Статьи» помещены, помимо упомянутых работ Г.Р. Цецхладзе и Н.К. Малинаускене, статья А.Г. Жаворонкова, где рассматриваются понятия «разум», «знание» и «хитрость» у Гомера на примере колесничных состязаний Антилоха и Менелая, описанных в XXIII песни «Илиады»; статья И.Е. Сурикова, в которой автор впервые в мировой историографии исследует проблему отношения Геродота к известному в Афинах роду Филаидов; продолжение опубликованной в I томе «Аристея» статьи М.В. Шумилина о стихотворных пересказах «Фиваиды» римского эпического поэта Лукана; здесь же публикуется латинский текст некоторых из них и их перевод на русский язык.

В настоящем номере продолжается публикация статей, выросших из докладов, которые были прочитаны на Цветаевских чтениях «Изображение и слово в античной культуре» (РГГУ, 2008 г.). В краткой статье О.В. Осиповой анализируется риторическое понятие «наглядности» в «Истории» Фукидида, позволявшей сделать изображение исторических событий ярким и живым. Л.Ю. Герасимова исследует символику фронтонной композиции западной части храма Зевса в Олимпии – битву лапифов с

кентаврами, связывая ее как с конкретной политической ситуацией этого времени, так и с общими идеями греков, отражающими космический и социальный порядок. В работе Я.Л. Забудской («Алтарь в сценическом пространстве греческой трагедии: иконография и текст») анализируются вазописные сюжеты и тексты классических греческих трагедий, позволяющие говорить о наличии в сценической вертикали еще и, так сказать, подземного уровня. В следующих томах журнала мы намерены продолжить публикацию трудов Цветаевских чтений.

В разделе «Критика и библиография» помещена статья нашего немецкого коллеги Михаэля фон Альбрехта. И хотя поводом для написания статьи была «Антология античной лирики в русских переводах», составленная Я.Э. Голосовкером и изданная в 2004-2006 гг., проблематика работы выходит далеко за рамки рецензии на эту книгу, представляя подробный и очень интересный анализ традиции русского перевода античной лирики. В этом же разделе публикуются рецензия Д.В. Панченко на автобиографическую книгу известного антиковеда Льва Клейна и рецензия А.С. Егорова на недавнее издание «Метаморфоз» Овидия.

В разделе «Хроника» публикуется информация Е.Л. Ермолаевой о «Евроклассике» (всевропейской организации преподавателей древних языков) и о работе недавно образованной «Российской ассоциации школьных преподавателей древних языков», входящей теперь в «Евроклассику».

В ставшем традиционным приложении «Классические языки в России» читатель найдет воспоминания об одном из самых замечательных преподавателей кафедры классической филологии МГУ Валентине Иосифовне Мирошенковой, написанные А.С. Степанцовым (см. в прошлом номере его же воспоминания о К.П. Полонской).

Анонсированное в прошлом номере «Аристея» издание Приложения к журналу в виде монографий благополучно началось, уже вышли первые книги – В.В. Файера «Александрийская филология и гомеровский гекзаметр» и Е.Л. Ермолаевой «Гомер, Илиада, XVIII песнь: “Щит Ахилла”. Текст и комментарий». Ведется редакторская работа над следующими томами Приложения.

Москва, март 2011 года

А.В. Подосинов
Главный редактор журнала

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора	5
CONTENTS	9
ЛАТЫНЬ СЕГОДНЯ	
<i>E.S. Danilov et A.G. Slednikov</i> Quid cives Romani de tranquillitate animi senserint	11
СТАТЬИ	
<i>А.Г. Жаворонков</i> Разум, знание и хитрость в XXIII песни «Илиады»: Нестор, Антилох и Менелай	17
<i>И.Е. Суриков</i> Геродот и Филаиды	30
<i>Г.Р. Цецхладзе</i> Пессинунт: город-храм Великой богини Матери Кибелы	65
<i>М.В. Шумилин</i> Метрические argumenta Лукана: по следам грамматических традиций. Часть II. Argumenta Sidoniana et Laurentiana	78
<i>Н.К. Малинаускене</i> Латинская рукопись начала XVIII века «Дневник Вильнюсской незунтской коллегии» («Diarium Collegii Vilmensis Societatis Jesu»)	97
ЦВЕТАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ	
<i>О.В. Осипова</i> «Наглядность» (enargeia) в «Истории» Фукидида	109
<i>Л.Ю. Герасимова</i> Западный фронтон храма Зевса в Олимпии глазами современников и представителей других эпох: восприятие и интерпретации	115

Я.Л. Забудская

**Алтарь в сценическом пространстве греческой трагедии:
иконография и текст** 125

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. фон Альбрехт

Античная лирика в русских переводах 138

Д.В. Панченко

**Рецензия на книгу: Лев Клейн. Трудно быть Клейном: автобиография
в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История, 2010.** 149

А.С. Егоров

**Рецензия на книгу: P. Ovidi Nasonis Metamorphoses / Ed. R.J. Tarrant.
Oxford: Oxford University Press, 2004** 154

ХРОНИКА

Е.Л. Ермолаева

**Евроклассика и Российская ассоциация
школьных преподавателей древних языков** 157

ПРИЛОЖЕНИЕ: КЛАССИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ В РОССИИ

С.А. Степанцов

Валентина Иосифовна Мирошенкова: что я помню о ней 164

СОКРАЩЕНИЯ 182

НАШИ АВТОРЫ 183

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИСЫЛАЕМЫХ СТАТЕЙ 185

ERRATA 187

CONTENTS

FOREWORD OF EDITOR-IN-CHIEF	5
CONTENTS	9
LATIN TODAY	
<i>E.S. Danilov et A.G. Slednikov</i>	
Quid cives Romani de tranquillitate animi senserint	11
PAPERS	
<i>A.G. Zhavoronkov</i>	
Reason, Knowledge and Cunning in Iliad XXIII: Nestor, Antilochus and Menelaus	17
<i>I.E. Surikov</i>	
Herodotus and the Philaids	30
<i>Gocha R. Tsetshladze</i>	
Pessinus: Temple City of the Great Mother Goddess Cybele.	65
<i>M.V. Shumilin</i>	
The Metrical <i>argumenta</i> of Lucan: On Searching Grammatical Traditions (Part II. <i>Argumenta Sidoniana et Laurentiana</i>)	78
<i>N.K. Malinauskene</i>	
A Latin Manuscript of Early XVIII Century (<i>Diarium Collegii Vilnensis Societatis Jesu</i>)	97
TSVETAYEVIANA	
<i>O.V. Osipova</i>	
Enargeia in the “History” of Thucydides	109
<i>L.Ju. Gerasimova</i>	
The West Pediment of the Temple of Zeus at Olympia through the Eyes of Contemporaries and the Representatives of Other Epochs: Perception and Interpretations.	115

<i>Ya.L. Zabudskaya</i> The Altar in the Scenic Space of Greek Tragedy: Text and Iconography	125
REVIEWS	
<i>M. von Albrecht</i> Ancient Lyrics in Russian Translations	138
<i>D.V. Panchenko</i> Lew Klein. It's Hard to Be a Klein: An Autobiography in Monologues and Dialogues. SPb., 2010	149
<i>A.S. Yegorov</i> P. Ovidi Nasonis Metamorphoses / Ed. R.J. Tarrant. Oxford: Oxford University Press, 2004	154
CHRONICLE	
<i>H.L. Yermolayeva</i> Euroclassica and Russian Association of the Ancient Languages Teachers	157
SUPPLEMENT. CLASSIC LANGUAGES IN RUSSIA	
<i>S.A. Stepantsov</i> Valentina Iosifovna Miroshenkova: What I Remember about Her	164
ABBREVIATIONS	182
OUR AUTHORS	183
INFORMATION	185
ERRATA	187

E.S. Danilov et A.G. Slednikov

QUID CIVES ROMANI DE TRANQUILLITATE ANIMI SENSERINT¹

Multo labore Europae incolae humanitatem suam elaboraverunt, cuius sunt tales partes quae hac aetate universo hominum generi prosint. saecula exierunt, donec cum Europaei tum Russi non tantum summam humanitatis illius dignitatem per ceperunt, sed etiam, quomodo quaedam eius partes cum Romae antiquae usu vivendi atque cum eius imagine per traditionem nobis residua coniuncta sint, intellexerunt². inter talia adepta aeterna *securitatem* dicamus.

Hanc vocem penitus menti Romano infixam esse putamus. libertas a metu amit- tendi vitam ac possessiones cuilibet civi idem erat ac solida et inconcussa securitas (*Vell. Pat.* II. 89. 4; *Sen. De benef.* VI. 28). etsi capitis periclitari militis Romani fuit, tamen eius fortitudinem ratio ac cautio temperabant (*Joseph.* B.J. V. 7. 3). quod ad rem Romanam attinet, omnibus in optatis fuit securitas publica (*Tac. Agr.* 3).

Nos autem non securitatem publicam omnimodis divulgandam³ enarraturi su- mus, sed securitatem animi vero intimam, animum scilicet aequum eiusdemque condiciones et composita. *quae est enim ista securitas* (*Cic. Amic.* 47)?

¹ Статья подготовлена в рамках Госконтракта № 16. 740. 11. 0104 на выполнение научно-ис- следовательских работ по теме «Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование»; при поддержке РФФИ, грант 10-06-00140-а «Системный анализ античной госу- дарственности на основе информационных подходов и создания проблемно-ориентированных баз данных».

Gratias plurimas maximasque agimus *Prof.ri D.ri Alexandro Podosinov*, qui benevole nos in consor- tium admisit, ac *D.ri Alexio Scatebrano Ruteno* (qui et *Solopov*) et *D.rici Irenae Ulianova* ob propitium adiutorium commentationis componendae.

² Кнабе 2010: 6, 89.

³ Vide Hartmann 1921: 1000–1003; Wirszubski 1950: 158–159; Kneppel 1994: 217–281.

Securitas publica sine consensu concentuque fieri non potest (*Cic. Rep. II. 69*), securitas animi quidem caput est ad beate vivendum (*Lucr. II. 1–6; Cic. Amic. 45*)⁴, ac tamen non is securus est, qui nihil negotii habet (*Cic. Nat. D. I. 102; M. Aur. Med. IV. 24*), sed qui contra aegritudinem et metum in praesenti atque in futuro munitus est (*Cic. Tusc. V. 42*), aegritudinem exuere potest, qui animi corporisque virtutibus praeditus est (*Cic. Fin. V. 37*), felicitas enim in sola virtute posita est (*Cic. Par. stoic. I. 3*)⁵, homo inhonestus infirmitatem animi dolet (*Cic. Par. stoic. V. 1*); infirmitas anxietatem cordi gignit (*Lucr. VI. 9–19*), qualicumque tamen anxietate mors liberat.

Spectemus igitur exempla tranquillitatis in Romanorum sepulcris tradita.

Aetate rei publicae etiam exeunte, cum instituta eius moresque corrumpere, vita defunctorum activa sepulcrorum titulis aestimabatur. quo illic instituta rei publicae et mores plus plusque corrumpere, eo magis sensus privati apparebant. sunt tales tituli a saeculis I^o et II° p. Chr. n., quorum scriptores cives modesti et amici certi et patres familiarum pii. de sex inscriptionibus monumentorum⁶ hic disputaturi sumus, in quibus non privatim appellantur defuncti, cum praecipue agatur de beatitudine ac tranquillitate animi.

1. D(is) M(anibus) / Sex(to) Pomponio / Tychiano / filio [dul]cissimo / et pientissimo qui / vixit ann(is) XIII diebus / XXXI Securitas mater (CIL 06, 24648).

2. Eris securitas soporanti<um=ON> / munimen domorum tutela claustrorum disc<u=O>ssor obscurus arbiter / silentiosus cui fallere insidiantes / fas est et decipere gloria (CIL 08, 02297).

3. La[mp]adius / Secu[r]itas / M[arg]arita / fid[eles in p]ace (CIL 08, 13751).

4. Mun/icip(ium) // Pax // Feli/cit(as) // M/ACILI(?) // Secu/rit(as) // Iuve/nt(us) (CIL 09, 06087,1).

5. Fl(avius) Ursus strator / fuisset(!) in re {m}tribu(tione) / vixit an(nos) XXVIII <et=O> m(ense)s VI / in (a)eterno securitas // frater Eraclius fecit (ICUR–06, 15810 = ILCV 01632).

6. Ursus et Securitas parentes fi/lio Achileo b(e)n(e) m(erenti) q(ui) vix(it) ann(os) XIII / pace (ICUR–08, 22305 = ILCV 02700).

⁴ Tranquillitas animi, in qua iam Democritus vitae exemplar posuerat (Diels, A 167 – εὐθυμία), a multis postea philosophorum scholis postea praedicabatur. sic e. g. Hieronymus peripateticus tranquillitatem censebat finem vivendi propositum esse (*Clem. Al. Strom. II. 21* – εὐθαιμονία). Sextus Empiricus deinde temperantiam tranquillitatis partem facere aestimabat (*Sext. Emp. Pyr. I. 10* – ἀταραξία). omnia modice agendo, denique, ex sententia Senecae Stoici, animi magnitudo acquiratur, qua ad securitatem et perpetuam tranquillitatem perveniatur (*Sen. Ep. XCII. 3*).

⁵ Confer quae in hoc conexu Vilhelmus von Humboldt scripsit: “Die alten suchten die Glückseligkeit in der Tugend, die neueren sind nur zu lange diese aus jener zu entwickeln bemüht gewesen”. (Humboldt).

⁶ Vide <http://www.manfredclauss.de>; Epigraphik-Datenbank Claus/Slaby.

Vidimus igitur principales notitias tranquillitatis post mortem adipiscendae gratia coniunctionem deorum manium et phantasma somnorum et pacem animi et in aeterno securitas, scilicet requiem fuisse. sollempnibus funeris deificis celebratis defunctos dis manibus iungebant⁷. natura et mors per se gradus securitatis habebantur⁸. post mortem anima somno purgatorio cum mergetur, ab omni cura ad aeternitatem ducetur⁹.

Mors est extrema via metus vincendi. ut hic etiam in vivendo vincatur, varias sapientes antiqui rationes elaboraverunt, cum cognitioni naturae metus operam dederunt (*Arist. Rh.* 1382a–1383a10). quaerentes ipsi in opinionibus plerumque contrariis fuerunt: aut bonis, aut malis (*omnes timori servimus* – *Macrob. Sat. I.* 11. 9).

1. maxima metus causa est, quod non ad praesentia aptamur, sed cogitationes in longinqua praemittimus (*Sen. Ep. V.* 8).
2. nemo est munitus satis contra inopiam, contra morbum, contra quae per vim potentioris eveniunt (*Phaedr. Fab. II.* 6. 1–3; *Sen. Ep. XIV.* 3).
3. si vis omnem sollicitudinem exuere, quidquid vereris ne eveniat eventurum utique propone (*Sen. Ep. XXIV.* 2). medita mortem (*Sen. Ep. XXVI.* 10).
4. ama tenuitatem, quae est tranquillitatis mater (*Babr. Myth. II.* 160). magnae periculo sunt opes obnoxiae (*Phaedr. Fab. II.* 7. 13–14).
5. vita meliore magis in secessu fruare, quam in promptu (*Sen. Ep. X.* 1; *Tert. De pallio V.* 4).
6. qui in philosophiam recedet, intrepide potest vivere ac secure (*Sen. Ep. XVI.* 3, *CIII.* 4). philosophia viam securitatis et beatitatis dat (*Sen. Ep. XXXVII.* 3).

Securitatis ratio illic habenda cuilibet civi Romano fuit cum dignitate (*Cic. Fam. I.* 7. 10, *III.* 10. 1, *VII.* 3. 1, *XV.* 1. 6; *Att. X.* 8. 5), ne existat discrepantia officii et voluntatis. nam virum in media re publica versantem decuit tranquillitatem suam vivere pro salute patriae (*Cic. Att. IX.* 4. 2), pro amicitia (*Cic. Amic.* 47), pro fama sui optima¹⁰. quilibet vir clarus et honoratus metum opinionis communis atque timorem dedecoris habuit. qua de causa sequendi fuerunt ritus communes moresque patrum.

⁷ Vide Шайд 2006: 82, 168; Kolb, Fugmann 2008: 11.

⁸ Confer *Sen. Ep. XXII.* 16: Percepit sapientiam, si quis tam securus moritur quam nascitur; nunc vero trepidamus cum periculum accessit, non animus nobis, non color constat, lacrimae nihil profuturae cadunt. Quid est turpius quam in ipso limine securitatis esse sollicitum?

⁹ Confer *Cic. Tusc. I.* 92: alteri nulli sunt, alteros non attinget. quam qui leviolem faciunt, somni similimam volunt esse: quasi vero quisquam ita nonaginta annos velit vivere, ut, cum saxaginta confecerit, reliquos dormiat; ne sui quidem id velint, not modo ipse. Endymion vero, si fabulas audire volumus, ut nescio quando in Latmo obdormivit, qui est mons Cariae, nondum, opinor, est experrectus. num igitur eum curare censes, cum Luna labore, a qua consopitus putatur, ut eum dormientem osculetur? quid curet autem, qui ne sentit quidem? habes somnum imaginem mortis eamque cotidie induis: et dubitas quin sansus in morte nullus sit, cum in eius simulacro videas esse nullum sensum? Vide ultra *Cic. Sen.* 81, *Verg. Aen. VI.* 278; *Ovid. Am. II.* 9a. 17.

¹⁰ Vide Немировский 1964: 149–151; plura apud Freyburger 1986.

Est alicuius momenti, quosdam nobiles Romanos se extremo saeculo I^o ante Chr. n. e medio amovisse. Dr. Helgo Breikin in hoc conexu censet talia facta perversitatem morum demonstravisse¹¹. amotio e medio, sicut ait ille, securitati privatae ac otio litterato erant. sed tamen in investigando tria nostra opinione menda vir doctus facit. primum reponendum, neminem civium Romanorum socialium natura e medio se omnino amovere potuisse. deinde dicendum, graviolem dignitatem civilem quam securitatem mentis Romanae fuisse. vita segura, impotentiae, scilicet et exsillii indicium, optimatibus industriis dolorem efficiebat (*Cic. Fam. I. 7. 8, VII. 3. 1, XIV. 3. 3*). postremum addendum, otium non in causa decessus de foro fuisse, sed in consecutione. exemplo Epicureorum doctrinae illiberalis est D.ri Helgoni Breikin vita Titi Pomponii Attici satis tranquilla. non autem animadvertit haec: mens actusque Attici vitioso more civitatis Romanorum extrema aetate rei publicae effici potuerunt. Nepos scribit adulescentulum Atticum propter affinitatem Publii Sulpicii, tribuni plebis interfecti, coactum fuisse, ut Roma decesserit (*Nep. Att. 2*)¹². annis iuvenibus non potuit ad honores adire. itaque complures annos in Athenis moratum, cum, eques genere, et rei familiari tantum operae dederit, quantum non indiligens debuerit pater familias, et omnia reliqua tempora aut litteris aut Atheniensium rei publicae tribuerit. nihilo minus Pomponium et ad comitia amicorum ventitavisse, et, si qua res maior acta sit, non defuisse (*Nep. Att. 4*). pace secuta Romam postremum rediit atque in optimam partem moveri existimabatur, cum multorum consulum praetorumque praefecturas delatas accipiebat (*Nep. Att. 6*). Nepos illic animadvertit Atticum honores non petiisse, quod neque peti more maiorum neque capi potuerit conservatis legibus in tam effusi ambitus largitionibus neque geri e re publica sine periculo corruptis civitatis moribus. ne censeatur igitur Titus Pomponius Atticus in otio 'morem maiorum omnino rupisse', sed putetur plurimorum hominum abscissioni a more maiorum intercessisse. in rebus minimis occupatus nec securitatis suae, nec metus, nec quaestus causa, multum cum pecunias Marco Bruto et aliis nobilibus praestaret, sed officii studiose accurateque faciendi fuit.

Cum de securitate quasi praeferenda agatur, exemplo magis proprio est nobis vita Marci Claudii Marcelli, alterius Ciceroni aequalis consulisque anno LI° ante Chr. n. bello civili ineunte, ut Caesaris adversarius, a Roma fugerat, dum Pharsalico proelio facto Mytilenas habitabat, iisdem in studiis artis rhetoricae atque philosophiae vitam agebat. anno XLVI° frater eius dictatorem exoravit, ut Marcellus in patriam rediret. qui Romam navigando pugione percussus est (*Cic. Fam. IV. 12. 2*). alicuius momenti in hoc conexu sunt Ciceronis verba, quibus esset Marcelli virtutis in minimis suas res ponere, qua de causa opes et dignitatem suam teneret (*Cic. Fam. IV. 9. 3*). si

¹¹ Брейкин 1992: 87.

¹² Confer *Liv. V. 6. 5*: hanc ipsam [tribunitiam] potestatem non in umbra nec in tectis maiores [creaverant].

nobilitates seditionibus civium aetate rei publicae de foro decedere maluerant ac vitam per otium litteratum transmittere solitariam, mirum, ni aetate imperii ut vocant promotioris vitae societas immaculate gerebatur. in opere, quod “Expositio totius mundi et gentium” inscribitur, de Roma saeculo IV° p. Chr. n. sine digressionem a proposito haec narratur: Senatus hic magnus est ex viris illustribus compositus. senatores, si plus quaeruntur, aut in magistratu omnes sunt, aut magistratum capturi; tamen quidam ex senatorum, quibus potestas magisteria est, illam neglegunt, ut copiis potentes otientur (Expositio 55).

Itaque fuit tranquillitas animi non tantum abstractum argumentum, quae plerisque Quiritium deliberanda et cotidie expectanda fuerit, sed etiam effectus religiosae vitae evidens, alternatio fori, comes otii litterati, fortuna mortuorum.

РЕЗЮМЕ

В римском гражданском коллективе существовало понятие о комплексе общественных добродетелей (*Aequitas, Clementia, Fides, Libertas, Pietas, Virtus*). Они служили нравственными ориентирами в политической деятельности. Некоторые общественные добродетели были одновременно и личными качествами. Статья посвящена особенностям понятия *Securitas* как идеала спокойствия, невозмутимости, безмятежности духа.

Ключевые слова: Римское общество, безмятежность духа, страх, досуг

TRANQUILLITY OF THE SOUL IN THE INTERPRETATION OF THE ROMAN CIVILIANS

E.S. DANILOV, A.G. SLEDNIKOV

There was a concept of the complex of public virtues (*Aequitas, Clementia, Fides, Libertas, Pietas, Virtus*) in the Roman civil society. They were moral marks in politics. Simultaneously, some of public virtues served as private traits. The article deals with peculiarities of *Securitas* as an ideal of serenity, calmness, tranquillity of the soul.

Keywords: security, tranquillity of the soul, fear, leisure

ЛИТЕРАТУРА

- Брейкин О.В. 1992: Мораль древнего Рима (VIII–I вв. до н. э.). Саранск.
Кнабе Г.С. 2010: Современная Европа и ее антично-римское наследие. М.
Немировский А.И. 1964: Идеология и культура раннего Рима. Воронеж.

-
- Шайд Дж.* 2006: Религия римлян / Пер. с франц. О.П. Смирновой. М.
- Hartmann L.M.* 1921: *Securitas* // RE. Hb. 3. Rh. 2. Stuttgart.
- Humboldt W.* v.: Ideen zu einem Versuch, die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen <<http://www.dreigliederung.de/gliederung/humboldtsideen.html>>.
- Freyburger G.* 1986: *Fides. Étude sémantique et religieuse depuis les origines jusqu'à l'époque augustéenne.* Paris.
- Kneppel A.* 1994: *Metus temporum: zur Bedeutung von Angst in Politik und Gesellschaft der römischen Kaiserzeit des 1. und 2. Jhdts. n. Chr.* Stuttgart.
- Kolb A., Fugmann J.* 2008: *Tod in Rom. Grabinschriften als Spiegel römischen Lebens.* Mainz am Rhein.
- Wirszubski Ch.* 1950: *Libertas as a political idea at Rome during the late Republic and early Principate.* Cambridge.

А.Г. Жаворонков

РАЗУМ, ЗНАНИЕ И ХИТРОСТЬ В XXIII ПЕСНИ «ИЛИАДЫ»: НЕСТОР, АНТИЛОХ И МЕНЕЛАЙ

Рассказ о состязании лучших возниц (II. XXIII. 262–623) является центральным для XXIII песни «Илиады»: состязание на колесницах проводится первым и описано значительно подробнее остальных. В свою очередь, основное звено этого рассказа – сюжет, разворачивающийся вокруг фигуры Антилоха. Сначала Антилох получает от своего отца (Нестора) совет, касающийся тактики во время предстоящей гонки, – выбора лучшей траектории движения, компенсирующей недостаточную подвижность пилосских коней. Во время самой гонки он с помощью хитрости обходит более быстрого Менелая, но затем – после протестов последнего – выражает готовность отдать ему свою награду. Мы постараемся проанализировать действия Антилоха, понять, как оценивает их он и окружающие его герои, и тем самым описать логику развития событий XXIII песни.

Немногочисленные исследователи¹, специально и подробно разбиравшие эпизод, обращали внимание, в первую очередь, не на содержание совета Нестора или причину и обоснованность (или необоснованность) гнева Менелая на обогнавшего его Антилоха, а на то, *как* (по какой траектории и в каком именно месте) Антилох опередил Менелая: его тактика – обгон соперника на прямой – на первый взгляд отличается от предложенной Нестором (обогнать

¹ Howland 1950–1951; Gagarin 1983; Nagy 1990: 208–221 и др. (см. сноски ниже).

соперника на повороте)². Ханна Ройзман³ пытается продемонстрировать, что совет Нестора как раз и заключался в обгоне на прямой, а не на повороте. Филипп Руссо⁴, напротив, использует весь возможный набор античных схолий к «Одиссее» для доказательства того, что речь идет о повороте на сужающемся участке дороги, где камни находятся очень близко к траектории колесниц, и об обгоне за счет большей точности и аккуратности, позволяющей Антилоху выбрать более опасную (узкую) траекторию, в отличие от более широкой и безопасной, на которую сворачивает Менелай⁵.

С нашей точки зрения, необходимо сначала разобраться в сути совета, данного Антилоху, чтобы в ходе рассуждений понять, какую роль играет несоответствие действий Антилоха инструкциям Нестора.

В состязании на колесницах участвуют пять героев: Диомед, Эвмел, Менелай, Мерион и Антилох. Перед началом состязания к Антилоху подходит Нестор и дает ему подробный совет из области практического знания. Нестор напоминает сыну, что, хотя он обучен Зевсом и Посейдоном (покровителем коневодства) и является хорошим возницей (309: «ты хорошо умеешь оборачивать [коней] вокруг мет»: οἷσθα γὰρ εὖ περὶ τέρμαθ' ἑλισσόμεν), его кони самые медленные (309–310: ἀλλά τοι ἵπποι / βάρδιστοι θεείειν). Затем он говорит о «внутреннем ресурсе», с помощью которого можно компенсировать упомянутый недостаток (311–318):

τῶν δ' ἵπποι μὲν ἕασιν ἀφάρτεροι, οὐδὲ μὲν αὐτοὶ
 πλείονα ἴσασιν σέθεν αὐτοῦ μητίσασθαι.
 ἀλλ' ἄγε δὴ σὺ φίλος μῆτιν ἐμβάλλεο θυμῷ
 παντοίην, ἵνα μὴ σε παρεκπροφύγησιν ἄεθλα.
 μήτι τοι δρυτόμος μέγ' ἀμείνων ἢ ἐ βίηφι
 μήτι δ' αὐτὲ κυβερνήτης ἐνὶ οἴνοπι πόντῳ
 νῆα θοὴν ἰθύνει ἐρεχθομένην ἀνέμοισι
 μήτι δ' ἠνίοχος περιγίγνεται ἠνιόχοιο.

² Единственным значимым исключением является статья М. Дики (Dickie 1984: 12), в которой большое внимание уделяется мотивам поведения Антилоха. Добавить в список Г. Нада не представляется возможным, поскольку он не анализирует эпизод целиком.

³ Roisman 1988.

⁴ Rousseau 1992.

⁵ Rousseau 1992: 180 (выводы). К сожалению, рассуждения Руссо не подкреплены элементарной логикой. Они не объясняют ни отсутствие упоминания о мете для поворота при описании обгона, ни смысл предупреждения Менелая, адресованного Антилоху (получается, будто бы Менелай хитрил сам: не считая себя способным проехать по более узкой траектории, он советует Антилоху свернуть на более широкую траекторию вслед за ним), ни роль примирительной речи Антилоха, ни многих других очевидных и важных элементов эпизода.

У них быстрее кони, но они не столь сильны умом, как ты. Так давай же, дорогой [мой сын], вложи в себя многообразные замыслы, дабы награды от тебя не ускользнули. Ведь лесоруб лучший не силой, а разумом, и благодаря разуму кормчий управляет быстрым кораблем, швыряемым ветрами, в виноцветном море. Так и возница превосходит возницу разумом.

По мнению Нестора, ключевым фактором не только во время спортивного состязания, но и по отношению к любому практическому занятию, является $\mu\eta\tau\acute{\iota}\varsigma$ ⁶. Иначе говоря, профессия возницы, равно как кормчего, плотника или (что с очевидностью подразумевается) любая другая, зависит от умения пользоваться $\mu\eta\tau\acute{\iota}\varsigma$. Нестор, однако, не говорит о «состязании в $\mu\eta\tau\acute{\iota}\varsigma$ »: он лишь утверждает, что $\mu\eta\tau\acute{\iota}\varsigma$ может служить критерием успешности в работе, связанной со специфическим умением.

$\mu\eta\tau\acute{\iota}\varsigma$ в нашем случае совмещает в себе два основных значения: «план» /«замысел» и «разум». Это совмещение не является уникальным для Гомера. Так, один из наиболее «одаренных» практическим разумом гомеровских героев – Одиссей – регулярно награждается эпитетом πολύμητις (см.: I. 311. 440, III. 200. 216. 268, IV. 329. 349; ii. 173, iv. 763, v. 214 и мн. др.⁷), одновременно указывающим и на чрезвычайную разумность Одиссея, и, конкретнее, на часто выручающее его умение строить планы и находить решения в сложных ситуациях. Зависимость $\mu\eta\tau\acute{\iota}\varsigma$ от наличия у героев способности разумно оценивать ситуацию достаточно очевидна: здесь мы имеем дело со своего рода логической цепочкой, ведущей от процесса мышления или способности трезво мыслить – к планированию.

Формально упоминание о $\mu\eta\tau\acute{\iota}\varsigma$ можно воспринимать как ободрение (напоминание о том, что у Антилоха, как у участника состязания, тоже есть свои сильные стороны) и призыв обратить внимание на следующую (практическую) часть совета Нестора, содержащую детальный план того, как Антилох должен и как не должен действовать и в каком именно месте ему следует обойти своего более быстрого соперника. Но, разумеется, здесь есть и несколько других важных моментов, связанных с темой знания.

Во-первых, Нестор является наиболее мудрым персонажем в «Илиаде». В данном случае он выступает учителем своего молодого сына, передавая ему

⁶ Н. Ричардсон (см.: Richardson 1993: 210) вслед за античными комментаторами Гомера отмечает важность риторического повтора ($\mu\eta\tau\acute{\iota}\sigma\alpha\sigma\theta\alpha\iota$ [...] $\mu\eta\tau\acute{\iota}\nu$ [...] $\mu\eta\tau\acute{\iota}$ [...] $\mu\eta\tau\acute{\iota}$ [...] $\mu\eta\tau\acute{\iota}$) и, учитывая ключевую для данного фрагмента роль $\mu\eta\tau\acute{\iota}\varsigma$, называет речь Приама гномической.

⁷ Дополнительные примеры – в соответствующей статье в Meier-Brügger 2004: 1396–1399.

Прописные римские цифры обозначают здесь и далее песни «Илиады», строчные – «Одиссеи».

накопленное благодаря огромному опыту знание: как известно из текста «Илиады», Нестор – прекрасный наездник⁸ и, несмотря на свой преклонный возраст, сам управляет колесницей на поле боя⁹.

Во-вторых, умение пользоваться μῆτις может становиться предметом знания (312: ἵσασι) и, как и любое другое умение, приобретаться с опытом. Однако эта способность не совсем обычного рода: она относится не к какой-либо конкретной области деятельности (спортивным соревнованиям, обработке дерева, мореплаванию), а сразу ко всем, служа своего рода «допингом», позволяющим улучшить результаты в каждой из них.

В-третьих, как справедливо замечают Ж.-П. Вернан и М. Детьен¹⁰, в речи Нестора доминирует оппозиция знания и силы. Иначе говоря, согласно Нестору, победа может быть достигнута или силой, или благодаря знанию и умению им распорядиться. Однако в этой оппозиции знание-хитрость имеет двойственную форму: можно победить разумной хитростью (честно) или же хитростью-обманом, коварством (нечестно). Именно вторая из двух сторон хитрости позднее проявится в действиях Антилоха.

После вступления и обозначения темы своей речи (необходимости воспользоваться μῆτις) Нестор переходит к основной части – руководству к действию. Объяснение ведется «от противного» и одновременно от абстрактного к конкретному, т. к. сначала Нестор говорит, чего не надо делать, затем – что должен делать разумный возница, а в конце советует «по пунктам». Абстрактная преамбула дается в виде сравнения двух «образцов» – плохого и хорошего возницы (319–325):

ἀλλ' ὃς μὲν θ' ἵπποισι καὶ ἄρμασιν οἷσι πεποιθὼς
ἀφραδέως ἐπὶ πολλὸν ἐλίσσεται ἔνθα καὶ ἔνθα,
ἵπποι δὲ πλανῶνται ἀνὰ δρόμον, οὐδὲ κατίσχει
ὃς δὲ κε κέρδεα εἰδῆ ἐλαύνων ἤσσονας ἵππους,
αἰεὶ τέρμ' ὀρώων στρέφει ἐγγύθεν, οὐδέ ἐ λήθει
ὅπως τὸ πρῶτον τανύσῃ βοέοισιν ἱμᾶσιν,
ἀλλ' ἔχει ἀσφαλέως καὶ τὸν προὔχοντα δοκεύει.

Один, надеясь на коней и колесницу, безрассудно поворачивает их то туда, то сюда; кони мечутся по ристалищу, а он не может

⁸ Его традиционный эпитет у Гомера – Γερήνιος ἵππότης (напр.; в II. 336. 433. 601; IV. 317; VII. 170. 181; VIII. 112. 151 и т. д.).

⁹ См.: например, VIII.116–117.

¹⁰ См.: Vernant, Detienne 1974: 19f. Принимая отдельные важные моменты аргументации авторов, мы, тем не менее, постараемся полностью опровергнуть неверные, на наш взгляд, выводы, сделанные ими на основе анализа поведения Антилоха во время гонки и после нее.

сдержат их. Другой же видит, как извлечь пользу и правя худшими конями. Замечая мету, он всегда поворачивает вплотную к ней, и от него не укрывается, как с самого начала [гонки] натягивать воловьы возжжи: он держит их крепко и присматривается к тому, кто впереди.

Нестор напоминает Антилоху, что нужно держать себя в руках и пристально следить за дорогой и идущими впереди соперниками. Зрение дает нужное знание, а разумный подход позволяет преобразовать это знание на пользу себе (сократить дистанцию за счет более удачного входа в поворот, а быть может, и воспользоваться ошибкой другого).

Следующие слова Нестора продолжают его линию рассуждений. Речь идет о том, чтобы – с помощью зрения и с использованием разума – правильно рассчитать место обгона, после которого Антилох может гарантировать себе лидерство. Ключом к победе должен стать легко распознаваемый¹¹ знак, который не может укрыться от внимания Антилоха (326: σῆμα [...] μάλ' ἀριφραδές· οὐδέ σε λήσει): ствол от засохшего дуба или сосны (327–328: ξύλον αὖθ' [...] ἢ δρυὸς ἢ πεύκης), выступающий из земли на одну оргию, а с обеих сторон от него – два белых камня (329: λαῖ δὲ τοῦ ἐκάτερθεν ἐρηρέδαται δύο λευκῶ). Ствол является метой, возле которой дорога сужается¹². По мнению Нестора, его сын должен забрать влево (336: ἦκ' ἐπ' ἀριστερὰ τοῖν), что, как можно логически заключить, позволит ему зайти в поворот как можно уже и тем самым выиграть расстояние по отношению к соперникам: последние, в случае отсутствия выбора, будут вынуждены поворачивать по более широкой траектории. Нестор подробно описывает технику сложного и потенциально опасного поворота: его сын должен, ослабив поводья, криком подгонять правого (т. е. дальнего) коня (336–337: ἀτὰρ τὸν δεξιὸν ἵππον / κένσαι ὀμοκλήσας,

¹¹ Имеется в виду зрительное распознавание. Ср. два значения φράζομαι – «замечать», «(зрительно) распознавать» (ср.: Frisk 1960 (2): 1038), а также остальные значения – «принимать во внимание», «размышлять»/«замышлять» (см.: II. 14. 31. 68; IV. 14; IX. 112 и др.). Логическая цепочка значений φράζομαι напоминает нам о глаголе νοέω: в обоих случаях в рамках семантики одного глагола мы видим переход от зрительного восприятия, т. е. получения информации, к обработке информации и планированию (иными словами, от первичного знания к вторичному). И хотя ἀριφραδές прямо указывает лишь на сугубо «зрительную» часть семантики, семантика основного глагола дает представление о важности темы разума (в том числе и для понимания данного эпизода). Неслучайно антоним ἀριφραδές – прилагательное ἀφραδής – переводится как «опрометчивый», «безрассудный», «неразумный» т. е. неспособный к серьезному обдумыванию ситуации (ср. употребление прилагательного и его производных в III. 436; IX. 32; XII. 62 и др.).

¹² Евстафий в своем комментарии трактует ἐν ξυνοχησίν ὁδοῦ как место, где сходятся две дороги (ср.: Richardson 1993: 211). Этот вариант не влияет на трактовку задачи Антилоха, которому нужно выбрать лучшую траекторию при повороте.

εἶξαί τέ οἱ ἠνία χερσίν), одновременно ведя левого (ближнего к повороту) коня так, чтобы поверхность камня едва не коснулась колеса (339–340: ὡς ἄν τοι πλήμνη γε δοᾶσεται ἄκρον ἰκέσθαι / κύκλου ποιητοῖο). Нестор уверен, что при выполнении этих условий Антилох гарантирует себе победу: на оставшейся части дистанции его не сможет обогнать даже возница с самыми быстрыми конями.

Итак, фактически Антилоху необходимы две вещи: внимательность, чтобы заметить знак (мету) и вспомнить указания отца, и умение правильно выполнить инструкции (в первую очередь, в повороте). Заметим важную деталь: совет Нестора предполагает лишь маневр, опасный для самого Антилоха и требующий от него тонкости мастерства в управлении конями; о том, чтобы воспользоваться другим местом для обгона, а тем более подвергать опасности других участников гонки, речь не идет.

В начальной стадии гонки терпит неудачу Эвмел, колесницу которого разрушает Афина. В результате боровшийся с Эвмелом Диомед вырывается вперед, оставляя соперников далеко позади. Соревнование за второе место проходит между Антилохом и Менелаем, кони которого не столь быстры, как у Диомеда, но всё же лучше, чем у Антилоха.

Вместо того, чтобы воспользоваться знаком, полученным от отца, Антилох «импровизирует на ходу», безжалостно подгоняя коней (т. е. всё же надеясь на их скорость, на которую его отец полагаться не советовал) и выбирая другое, случайное место для обгона на прямой (вместо обгона на повороте¹³, как учил его отец на примере хорошего возницы, а затем в своих инструкциях): сужение (419: στεῖνος ὁδοῦ) в том месте, где часть дороги размыло водой¹⁴. Несмотря на нечеткость описания маневра Антилоха (по всей видимости, он съезжает с дороги, а затем в какой-то момент снова возвращается в узком месте, буквально выталкивая колесницу Менелая¹⁵), очевидно, что он потенциально опасен

¹³ В отличие от Г. Надя и Ф. Руссо, мы не считаем, что Антилох обгоняет соперника на повороте, поскольку нет ни одного слова, которое бы прямо на это указывало. В то же время совершенно абсурдным представляется предположение Х. Ройзман, будто бы Антилох и в самом деле следовал совету Нестора, поскольку в нем речь также шла об обгоне на прямой. Даже если игнорировать отсутствие лексических доказательств и всё же предположить, что Нестор и в самом деле говорил о мете, стоящей рядом с прямым участком дороги (хотя в этом случае назначение меты непонятно), всё равно не получается обойти явное несоответствие поступков Антилоха совету его отца.

¹⁴ Парадоксально звучит комментарий Н. Ричардсона (Richardson 1993: 217), отмечающий наблюдательность Антилоха, «несмотря на то, что он использует другую хитрость». В этом случае остается непонятным, почему столько наблюдательный Антилох не заметил места, указанного ему отцом. Напротив, вполне очевидно, что Антилоху не хватает наблюдательности и опыта для использования предложенной отцом тактики.

¹⁵ Ср.: Dickie 1984: 12.

не только для самого Антилоха, но и для его оппонента. Осознавая рискованность действия соперника, Менелай пытается урезонить его (426–428):

Ἄντιλοχ' ἀφραδέως ἰππάζεαι, ἀλλ' ἄνεχ' ἵππους:
στεινωπὸς γὰρ ὁδός, τάχα δ' εὐρυτέρη παρελάσσαι:
μή πως ἀμφοτέρους δηλήσειαι ἄρματι κύρσας.

Антилох, ты неразумно правишь конями, придержи их. Путь узок; сейчас же съезжай на более широкую [дорогу], чтобы не навредить нам обоим, врезавшись в [мою] колесницу.

Обращаясь к Антилоху, Менелай употребляет ἀφραδέως, что отсылает нас к словам Нестора о плохом (неразумном) вознице¹⁶, а также, в какой-то степени, к мотиву внимательности как признаку ума и, более конкретно, к знаку Нестора (σῆμα [...] μάλ' ἀφιφραδές), который Антилох так и не заметил (или просто не захотел воспользоваться им). В контексте действий Антилоха упрек Менелая представляется вполне обоснованным¹⁷. Однако Антилох весь во власти момента, и поэтому доводы, вызывающие к разуму, оказываются бесполезными: слишком велико стремление к победе. Он делает вид, что не слышит Менелая, и продолжает маневр. В результате он сохраняет свое преимущество, а рассерженный Менелай ставит под сомнение разум своего соперника (а ведь именно к разуму Антилоха взывал Нестор в своей речи перед гонкой) и говорит, что потребует от него принести клятву перед богами (439–441). Рассказчик комментирует результат Антилоха следующим образом (514–515):

τῷ δ' ἄρ' ἐπ' Ἀντίλοχος Νηλήϊος ἦλασεν ἵππους
κέρδεσιν, οὗ τι τάχει γε, παραφθάμενος Μενέλαον·

¹⁶ Позднее Менелай вновь будет говорить о «временном неразумии» обычно вполне разумного Антилоха, обвиняя его в нечестной тактике.

¹⁷ С нашей точки зрения, выводы Ж.-П. Вернана и М. Детьена, сделанные ими из этих слов и из дальнейшего поведения Менелая (см.: Vernant, Detienne 1974: 30f.), не выдерживают критики. Изображение молодого и недостаточно разумного Антилоха циничным и расчетливым, таким «вторым Одиссеем», симулирующим свою неопытность и неразумие перед Менелаем, не выглядит убедительным: получается, что, несмотря на предполагаемую авторами исключительную хитрость и расчетливость, Антилох не может правильно спланировать свои действия после гонки и после апелляции Менелая терпит неудачу, теряя даже второе место. Можно и в самом деле говорить о том, что в поведении Антилоха проявляется обратная (нечестная) сторона двойственной хитрости, но вряд ли можно серьезно утверждать, что мудрый Нестор в своем совете сыну имел в виду именно такой стиль поведения. Скорее мы видим типичный пример того, как недостаток опыта и излишнее, за гранью разумного, стремление победить (ср. аргументацию в Dickie 1984: 13–14), для которого оказываются хороши любые средства, приводит к «порче» вполне дельного и продуманного совета. Вполне очевиден и негативный тон рассказчика по отношению к действиям Антилоха (см. ниже о стрк. 514–515).

*За ним [Диомедом. – А.Ж.] пригнал коней Антилох Нелеид,
опередив Менелая хитростями, а не скоростью.*

Вместо двойственного по своей семантике μήτις (хитрость может быть как хорошей, так и плохой) рассказчик употребляет столь же двойственное слово κέρδοι, также означающее «хитрости», причем как в положительном, так и в негативном контексте¹⁸. На то, что интересующий нас контекст является именно отрицательным, указывает сходство XXIII. 515 с выражением δόλω, οὔ τι κρατέῃ γε, появляющемся в VII. 135–145, в рассказе о Ликурге, одолевшем Ареифоя (букв.: «быстрого в бою») благодаря своей хитрой тактике. Подобно тому, как Антилох лишает своего соперника Менелая основного «козыря» – скорости лошадей, Ликург отнимает у своего противника его главное преимущество – маневренность, встретившись с ним в узком проходе, в котором копье дает большой перевес по сравнению с булавой оппонента. О δόλος в связи с тактикой Антилоха говорит и Менелай в своей обвинительной речи против него (XXIII. 585)¹⁹. Таким образом, рассказчик указывает на то, что Антилох обошел принятые правила, не позволив сопернику состязаться с собой на равных. Вместо использования разумного плана, который бы позволил учесть эти правила, Антилох в порыве горячности преступает черту дозволенного.

Итак, благодаря своей чрезвычайно рискованной и не вполне честной тактике Антилох не дает Менелая обойти себя. Однако первое место ему так и не достается (победителем гонки оказывается Диомед), а второе место Ахилл, как устроитель и распорядитель состязаний, решает отдать Эвмелу, долгое время боровшемуся за первое место с Диомедом, в компенсацию за постигшее его во время гонки несчастье (его колесница развалилась стараниями Афины). Остальные ахейцы не против этого; лишь неудовлетворенный и разгневанный Антилох пытается оспорить решение. Он напоминает, что Эвмел, несмотря на свои выдающиеся качества, пострадал по воле богов, и предлагает Ахиллу дать Эвмелу другую, утешительную награду (быть может, даже более ценную), при этом категорически отказываясь уступить свою и даже угрожая защищать ее силой. Иными словами, Антилох указывает на то, что награда отмечает его собственные успехи в гонке, которые фактически нивелируются, если приз уходит к кому-то другому.

¹⁸ Ср. xiii. 299 (Афина знаменита μήτις [...] καὶ κέρδεσιν) и ii. 88 (обвинение Антилоха в адрес Пенелопы: ἤ τοι περὶ κέρδεα οἶδεν).

¹⁹ Помимо δόλος, которое при определенной доле интерпретаторского скепсиса еще можно было бы понимать двояко, Менелай в своей обвинительной речи прямо говорит о ψεύδος (XXIII. 576), обмане, обвинения в котором он хочет избежать, доказывая, что его собственные кони были быстрее, а не медленнее коней Антилоха. Таким образом, Менелай намекает, что ситуация была обратной, а ψεύδος как раз совершил Антилох, кони которого были медленнее.

Сцена немного напоминает спор Ахилла с Агамемноном в первой песни: Антилох, как и Ахилл, говорит о том, что не позволит отобрать причитающуюся ему по праву награду, чтобы компенсировать потери другого (вызванные, как и в случае с Агамемноном, божественными причинами)²⁰. Отличия сцен состоят в двух важных нюансах. Во-первых, ситуация дележа добычи отличается от ситуации распределения призов, т. к. добыча делится коллективно, а призы распределяет своим решением их единоличный владелец – Ахилл. Во-вторых, Антилох, в отличие от Ахилла²¹, сам совершает несправедливость (по отношению к Менелая).

Слова Антилоха оказывают действие на его слушателей: Ахилл улыбается, симпатизируя ему (а также, вполне вероятно, вспоминая о собственном упорстве в отстаивании своих прав), и дает Эвмелу другой приз – доспехи Астеропея. Однако протест Антилоха вызывает неожиданную реакцию Менелая, который, возможно, и умолчал бы о своих претензиях²², но теперь, видя, как тот спорит по поводу результатов, уже не может сохранять спокойствие и выступает с серьезным обвинением в адрес своего соперника по гонке. Отдавая определенную дань уважения разуму Антилоха²³, Менелай в то же время говорит, что в данном случае разум покинул его (570: Ἀντίλοχε πρόσθεν πεπνυμένε). По словам Менелая, Антилох нечестно отнял у него славу, обогнав его на более медленных конях. Менелай обращается ко всем присутствующим, а в первую очередь – к членам совета и самому Ахиллу, и просит их быть нейтральными третейскими судьями (574: ἐς μέσον ἀμφότεροισι δικάσατε, μή δ' ἐπ' ἄρωγῆ) в споре между ним и Антилохом. От самого Антилоха Менелай требует, взяв в руки кнут, подойти к своей колеснице и, коснувшись своих коней, поклясться перед самим Посейдоном²⁴ в том, что не по собственной воле (иначе говоря, не сознательно) хитростью задержал колесницу Менелая (585: ὄμνυθι μὴ μὲν ἐκὼν τὸ ἐμὸν δόλω ἄρμα πεδίῃσαι).

Гнев Менелая можно объяснить тем, что действия Антилоха помешали ему в полной мере продемонстрировать свои способности²⁵. Фактически же

²⁰ Ср. комм. Н. Ричардсона (Richardson 1993: 228) со ссылкой на Евстафия.

²¹ Поддерживая предложение отнять у Агамемнона Хрисеиду, Ахилл тем самым соглашается с пророчеством Калханта, который первым говорит о необходимости отпустить ее, чтобы избежать гнева бога.

²² Непосредственным свидетелем маневра Антилоха был именно Менелай, а не кто-либо другой из участников гонки и уж тем более не Ахилл, во время состязания находившийся, как и многие другие зрители, рядом с финишной прямой.

²³ О разумности Антилоха речь идет и ранее: в XIII. 418 он назван δαίφρων (*разумный, рассудительный*).

²⁴ Менелай требует клятвы именно перед Посейдоном, т. к. он покровительствует коневодству.

²⁵ Ср.: Dickie 1984: 14.

нечестная тактика Антилоха помешала обоим соперникам: Менелая пришлось сбавить скорость (т. е. не использовать по максимуму потенциал своих коней), а Антилох не проявил свои лучшие качества (в первую очередь, мудрость и наблюдательность). Иными словами, ситуация с обгоном поставила все с ног на голову: Менелай, вместо того чтобы полагаться только на скорость, выбрал разумный вариант действий, а Антилох, вместо того чтобы воспользоваться предложенным ему разумным советом, полагался на скорость и поспешные, неразумные решения.

Аргументированная речь Менелая загоняет Антилоха в угол, заставляя его забыть о горячности и разумно оценить ситуацию. Он осознает, что не может принести столь серьезную клятву и тем самым избежать ответственности: в противном случае его ждет гнев бога, приводящий, как нам хорошо известно по другим эпизодам «Илиады» и «Одиссеи», к весьма серьезным (гнев Посейдона на Одиссея) и часто летальным (гнев Аполлона на ахейцев, гнев Посейдона на Аякса, гнев Гелиоса на соратников Одиссея) последствиям. Вернувшись к разумному образу мыслей Антилох (неслучайно в 586, т. е. в самом начале своей ответной речи к Менелаяу, рассказчик называет его πεπνυμένος²⁶) готов признать свою ошибку и уступить. Именно тема разума и опыта доминирует в его ответе Менелаяу (587–595). Отдавая должное старшинству Менелая и его более выдающимся качествам (587–588: πολλὸν γὰρ ἔγωγε νεώτερός εἰμι / σεῖο ἄναξ Μενέλαε, σὺ δὲ πρότερος καὶ ἀρείων), Антилох признаёт, что впал в ошибку из-за молодости, опрометчивости и скудости разума (590: κραίπνότερος μὲν γάρ τε νόος, λεπτή δέ τε μῆτις)²⁷. Затем он выражает готовность отдать не только требуемую награду, но и любую другую ценность, какую ни попросит Менелай, лишь бы не потерять его дружбу (ἐκ θυμοῦ πεσέειν) и не провиниться перед богами (595: δαίμονιν εἶναι ἀλιτρός). В конце своей речи Антилох, вернувшийся к разумной позиции и отдавший Менелаяу награду (лошадь)²⁸, удос-

²⁶ Важность этого наблюдения для контекста эпизода подтверждает А. Шмитт (Schmitt 1990: 210), называя ответную речь Антилоха свидетельством победы νοῦς над θυμός. Этот вывод вполне соответствует нашему тезису о более важной роли разума по сравнению с эмоциями и горячностью.

²⁷ Эти слова действительно отражают суть ситуации: Антилох действовал спонтанно, вместо того чтобы проявить терпение, а недостаток μῆτις не позволил ему исполнить указания отца.

²⁸ Н. Ричардсон (Richardson 1993: 233), интерпретация которого во многом близка точке зрения Ж.-П. Вернана и М. Детьена, считает, что речь Антилоха является образцом хитрости: Антилох не упоминает о том, что нарушил правила, и, в то же время, все еще говорит о лошади как о своей собственности. Эти доводы не слишком убедительны: извинения Антилоха и его осознание собственного неразумия, подразумевающие готовность встать на путь исправления, как раз и означают признание неправоты (для этого ему совершенно не нужно пересказывать все события гонки), а фраза «лошадь, которую я получил» (591–592: ἵππον [...] τὴν ἀρόμην) указывает лишь на тот факт, что Ахилл – устроитель игр – официально вручил ее Антилоху в качестве приза.

таивается от рассказчика положительного эпитета как достойный сын своего отважного отца (596: μεγαθύμου Νέστορος υἱός).

Стремление Антилоха к примирению вызвано осознанием собственной неправоты и неразумности поведения, а также необходимости урегулировать ситуацию, тем более что «по ту сторону баррикад» оказывается его хороший друг и соратник, которого он оскорбил, поддавшись влиянию момента. Дополнительным подтверждением такой трактовки эпизода, в отличие от представления об Антилохе как о ловком ораторе, манипулирующим словами, является ответ Менелая, смягченного речью Антилоха. Менелай говорит о том, что Антилох прежде не был безрассуден, но в данном конкретном случае его ум, вероятно, был побежден юношеской горячностью (603–604: χωόμενος, ἐπεὶ οὐ τι παρήγορος οὐδ' ἀεσίφρων / ἦσθα λάρος· νῦν αὖτε νόον νίκησε νεοίη). Менелай также советует Антилоху впредь воздерживаться от попыток обмануть тех, кто лучше него (605: δεύτερον αὖτ' ἀλέασθαι ἀμείνονας ἤπερολεύειν). Наконец, Менелай упоминает о заслугах Антилоха, его отца и брата, сражающихся под Троей ради него (608: εἴνεκ' ἐμεῖο), благодаря которым он готов простить Антилоха и позволить ему оставить награду себе. Таким образом, рассудительная речь Антилоха, а также его слава разумного и смелого воина помогли ему сохранить награду, едва не потерянную из-за безрассудства во время и после гонки.

Логичным завершением эпизода становится награждение Нестора за его былые заслуги. Хваля Ахилла за его решение, Нестор вспоминает не только свои победы, но и поражение в гонке на колесницах из-за нечестной тактики со стороны Акторионов, вдвоем управлявших конями (638–642; один из Акторионов держал вожжи, а другой хлестал коней). Очевидно, что память о нечестной (и, по всей видимости, неопротестованной) победе его соперников, врезавшаяся в память Нестора, контрастирует с тем, как разумно и мирно был разрешен нынешний конфликт, причиной которого также стала нечестная тактика²⁹.

Итак, лейтмотивом эпизода с состязанием возниц является не то, что Антилох следует совету своего мудрого отца (и то, как он это делает), а совершенно обратное: то, что он ему *не* следует (т. е. речь идет о более мягком варианте «негативного примера», в отличие от катастрофических в своих последствиях фактов игнорирования советов – Агамемноном в I песни «Илиады» и Гектором в XVIII). Поддавшись эмоциям, Антилох забывает о важности разумного подхода и, игнорируя ценное знание, переданное ему отцом, пытается решить всё по-своему, что, в конечном счете, приводит к его конфликту с Менелаем

²⁹ Ср. также: Dickie 1984: 15.

и вынужденному признанию собственной неправоты. Иными словами, в этом эпизоде знание Нестора, связанное с почтенным возрастом и богатым опытом, противопоставлено незнанию и юношеской горячности его сына. Наиболее эмоциональной (и, соответственно, лишенной разумного элемента) составляющей оказываются действия Антилоха во время гонки и сразу после нее, а совет Нестора, ответная речь Антилоха к Менелаю и финал эпизода представляют собой образец разумного подхода, гарантирующего благоприятное развитие событий. Приверженность Антилоха позиции разума хорошо укладывается в логику гомеровского текста, в котором разум и опыт героев часто оказываются жизненно важными для них.

РЕЗЮМЕ

В XXIII песни «Илиады» рассказывается о состязании возниц и, в частности, о том, как Антилох хитростью обошел Менелая на более медленных конях, вызвав негодование своего соперника. Основное затруднение для исследователей составляет различие между «тактическим» советом Нестора Антилоху перед гонкой и описанием самого момента обгона. На наш взгляд, несоответствие плана и его реализации лучше всего объясняется горячностью Антилоха: забыв о разуме и о совете мудрого отца, он импровизирует, подвергая риску себя и соперника. В конце эпизода Антилох становится на позицию разума и благодаря этому примиряется с Менелаем.

Ключевые слова: Гомер, «Илиада», XXIII песнь, состязание колесниц, Антилох, Нестор, разум, хитрость

REASON, KNOWLEDGE AND CUNNING IN ILIAD XXIII: NESTOR, ANTILOCHUS AND MENELAUS *A.G. Zhavoronkov*

During the chariot race in Iliad XXIII, Antilochus manages, despite having slower horses, to overtake Menelaus by a cunning stratagem, which makes his opponent angry. The main problem for the commentators represents the gap between the tactical advice given by Nestor to Antilochus before the race and the description of the actual overtaking. From my point of view, the best explanation for the discrepancy between the plan and its realization would be the hotheadedness of Antilochus: ignoring the voice of reason and forgetting the advice of his wise father, he begins to improvise while risking his own life as well as the life of his rival. At the end of the episode Antilochus becomes reasonable again: thanks to that he can reconcile the conflict with Menelaus.

Keywords: Homer, Iliad XXIII, chariot race, Antilochus, Nestor, intelligence, cunning

ЛИТЕРАТУРА

- Надь Г. 2002: Греческая мифология и поэтика. М.
- Donlan W. 1993: Duelling with Gifts in the Iliad: As the Audience saw it // Essays on Homeric Epic / Ed. by Hanna M. Roisman and Joseph Roisman. Waterville. P. 155–172.
- Dickie M. 1984: Fair and Foul Play in the Funeral Games in the Iliad // Journal of Sport History. 11/2. P. 8–17.
- Frisk H. 1960–1970: Griechisches etymologisches Wörterbuch. 2 Bde. Heidelberg.
- Gagarin M. 1983: Antilochus' Strategy: The Chariot Race in Iliad 23 // Classical Philology. 78. P. 35–39.
- Howland R.L. 1950–1951: Nestor and the Chariot-Race (Iliad, XXIII, 638–642) // Proceedings of the Cambridge Philological Society. 181. P. 30.
- Meier-Brügger M. (Red.). 2004: Lexikon des frühgriechischen Epos. Band 3. Göttingen.
- Nagy G. 1990: Greek Mythology and Poetics. Ithaca.
- Parry A. 1972: Language and characterization in Homer // Harvard Studies in Classical Philology. 76. P. 1–22.
- Richardson N. 1993: The Iliad: A Commentary. Volume 6: books 21–24. Cambridge.
- Roisman H. 1988: Nestor's Advice and Antilochus' Tactics // Phoenix. 42/2. P. 114–120.
- Rousseau Ph. 1992: Fragments d'un commentaire antique du récit de la course des chars dans le XXIIIe chant de l'Iliade // Philologus. 136. S. 158–180.
- Schmitt A. 1990: Selbstständigkeit und Abhängigkeit menschlichen Handelns bei Homer. Mainz-Stuttgart.
- Vernant, J.-P., Detienne M. 1974: Les ruses d'intelligence: La mêtis des grecs. Paris.

И.Е. Суриков

ГЕРОДОТ И ФИЛАИДЫ

Связи Геродота с Афинами находятся в числе вещей несомненных¹. Во многих (хотя, разумеется, не всех) отношениях его «История» написана с афинской точки зрения. И именно афинская экклесия выдала «отцу истории» крупную сумму денег в качестве вознаграждения за его работу (или, может быть, скорее в качестве «гранта» на дальнейшие исследования?)². Вспомним и о том, что инициативой Афин было основание Фурий в Южной Италии, города, ставшего новой родиной Геродота.

Обычно считают, что историк являлся членом знаменитого «перикловского кружка деятелей культуры», но в последнее время этот тезис подвергается обоснованной критике³. По материнской линии Перикл происходил из знатного рода Алкмеонидов. И вполне естественно, что отношения Геродота именно с Алкмеонидами часто анализировались учеными⁴. Касательно же характера

¹ По неоднократно рассматривавшейся в исследовательской литературе теме «Геродот и Афины» см., в частности: Strasburger 1955; Harvey 1966; Schwartz 1969; Jordan 1970; Ostwald 1991; Forsdyke 2001; Moles 2002; Fowler 2003.

² *Plut.* Mor. 862b – со ссылкой на свидетельство некоего историка Диилла и, что, пожалуй, более важно, на постановление, предложенное Анитом. Неясно, тот ли это самый Анит, который впоследствии обвинял Сократа. Что касается датировки постановления, в литературе пассаж Плутарха часто связывают с сообщением Евсевия (*Chron. Ol.* 78, 1 = 445/444 г. до н. э.): Ἦρόδοτος ἱστορικὸς ἐτίμηθη παρὰ τῆς Ἀθηναίων βουλῆς ἐπαναγνοῦς αὐτοῖς τὰς βίβλους (хотя, строго говоря, связь эту нельзя считать твердо установленным фактом). Сумма, врученная историку, была действительно невероятно велика: десять талантов серебра. Ср.: Momigliano 1987: 63.

³ Stadter 1991; Will 2003: 315 ff.

⁴ Следующий перечень работ отнюдь не является исчерпывающим: Krawczuk 1968; Fornara

этих отношений единого мнения нет. Мы считаем, что проблема и не может быть удовлетворительно разрешена, пока ее будут рассматривать изолированно, вне контекста круга вопросов о симпатиях/антипатиях Геродота к другим афинским аристократическим родам. Обращение к таким вопросам позволило бы вскрыть важные факты, проливающие свет на тему «Геродот и Алкмеониды», а, кроме того, представляющие самостоятельный интерес.

Однако нам неизвестно специальных исследований, скажем, по теме «Геродот и Филаиды», и похоже, что данная работа будет первой по этому сюжету (или, по крайней мере, одной из первых). Род (γένος)⁵ Филаидов был в Афинах не менее знаменитым и влиятельным, чем Алкмеониды; среди его представителей встречались такие выдающиеся политики и полководцы, как Мильтиад, марафонский победитель, и его сын Кимон⁶.

Перед тем, как обратиться непосредственно к предмету исследования, следует сделать краткое, но необходимое замечание. Строго говоря, такие названия афинских родов, как «Филаиды», «Кодриды» и т. п. – в значительной мере не более, чем условность, принятая в современной историографии. Греческие γένη, в отличие от римских gentes, не имели твердо и однозначно установленных nomina (Алкмеониды здесь – как раз исключение). И уж в любом случае название рода не включалось в официальное имя гражданина (опять же по контрасту с Римом). Во времена Геродота официальное гражданское имя в Афинах включало три элемента: личное имя индивида как таковое, патронимик (отчество) и демотик (указание на дем, к которому имярек принадлежал)⁷. Названия родов, повторим и подчеркнем, не использовались в официальной сфере, хотя, несомненно, в какой-то менее формальной среде общения к ним прибегали. Так, вышеупомянутого Кимона в той или иной частной ситуации могли называть (или не называть) «Кимоном Филаидом», однако, например, на афинских остраконах (черепках, использовавшихся как «бюллетени» для остракизма), памятниках строго официального характера, он всегда будет «Кимоном, сыном Мильтиада, из дема Лакиады» (и никакого «Филаида»!).

Отсюда, кстати, вырастает серьезная сложность в определении принадлежности того или иного конкретного афинянина к тому или иному роду. Тот же Геродот не называет ни Мильтиада, ни Кимона (ни кого бы то ни было

1968; Строецкий 1977; Prontera 1981; Hart 1982: 1 ff.; Develin 1985; Lavelle 1988; Lavelle 1993 passim. Все работы, указанные выше, в примеч. 1, тоже могли бы быть включены в этот список.

⁵ Об афинских родах (γένη) как о знатных семьях, а не «кланах» см., например: Bourriot 1976; Roussel 1976; Dickie 1979.

⁶ О роде Филаидов в целом см.: Schachermeyr 1938: 2113–2121; Davies 1971: 293–312.

⁷ Об эволюции афинского гражданского имени после клисфеновских реформ см.: Brenne 2001: 73 ff.

другого) Филаидом, для него они просто потомки Филея. Не упоминаются в качестве Филаидов вышеназванные лица и у других греческих авторов⁸. Есть только один случай в нарративной традиции, когда афинянин эксплицитно назван Филаидом, да и этот-то пассаж принадлежит позднему, не во всем заслуживающему доверия писателю – Диогену Лаэртскому (X. 1). Кстати, у него в качестве Филаида фигурирует философ Эпикур, чья связь с линией Мильтиада – Кимона неясна⁹.

Поэтому невозможно утверждать с полной уверенностью, что род, о котором идет речь, действительно назывался Филаидами уже в V в. до н. э. Иногда даже предпочитают обозначать этот род (или его главную ветвь) как «Кимониды». Но это название не в меньшей степени, чем традиционное, является условностью. Более того, оно вовсе не упоминается в источниках, и совершенно непонятно, чем оно лучше. В свете всего вышесказанного, конечно, было бы наиболее корректно и нейтрально говорить о «семье Мильтиада – Кимона», а не о «роде Филаидов» (или, скажем, о «семье Каллия – Гиппоника», а не о «роде Кериков» и т. п.). Собственно, ныне это довольно распространенная практика в западной литературе. Мы сохраняем традиционное наименование «Филаиды» просто для краткости, надеясь, что читателям в любом случае будет ясно, какой род имеется в виду. Это – тот род, который возводил свое происхождение к легендарному Филею (сыну Аякса) и уже в архаическую эпоху являлся одним из ведущих в Афинах.

Ко времени Геродота Филаиды имели собственную генеалогическую и историческую традицию, причем весьма развитую. Их родовое древо обнаруживается уже у Ферекида¹⁰ – мифографа и генеалoga, старшего современника Геродота. Этот Ферекид Афинский (не путать с Ферекидом Сиросским¹¹), несомненно, близкий к Филаидам¹², – авторитетный писатель с весьма почтенной репутацией. Ф. Якоби называл его «первым афинским прозаиком»¹³, а Э. Русенбуш полагает даже, что Геродот именно из Ферекида взял в свой труд всю информацию о событиях ранее 500 г. до н. э.¹⁴

⁸ Плутарх (Sol. 10) знает только об аттическом деме под названием Филаиды (из него происходил Писистрат, кстати говоря, к роду Филаидов никак не принадлежавший).

⁹ Эпикур принадлежал к дему Гаргетт, в отличие от Мильтиада и Кимона, чьим демом были Лакиады. Правда, нам недавно удалось выяснить, что одна из ветвей рода Филаидов обитала в Гаргетте уже в V в. до н. э.: Суриков 2009а.

¹⁰ Pherec. FGrHist. 3. F 2 (фрагмент цитируется Маркеллином, работавшим в IV в. до н. э. биографом историка Фукидида). Безусловно, эта генеалогия в своей древнейшей части легендарна, а в части более поздней подверглась порче. В нашу задачу в рамках данной статьи не входят предложение эмендаций к ней и установление точных родственных отношений между различными членами рода Филаидов.

¹¹ К вопросу о носителях имени Ферекид см.: Первалов 2010.

¹² Ср.: Frost 1996: 87.

¹³ Jacoby 1956: 116 ff.

¹⁴ Ruschenbusch 2002.

Это последнее суждение в столь общей и категоричной форме, пожалуй, является преувеличением. Но в любом случае несомненно, что Геродот, работая над «афинскими» частями своего сочинения, активно использовал традицию, восходящую к Филаидам, – не столь важно, через Ферекида или иным путем. Вообще в «Истории» отразились традиции, источник которых – некоторые афинские знатные роды¹⁵, и среди них «филайдская» традиция отнюдь не занимает какого-нибудь малого или второстепенного места.

Кстати, вышесказанное заставляет поставить вопрос: когда Геродот впервые побывал в Афинах? Согласно общепринятому мнению, это произошло в период лидерства Перикла, в 440-х гг. до н. э., когда «История» уже была отчасти написана¹⁶. Но как тогда объяснить столь прекрасное отражение «филайдской» традиции в труде Геродота? Родовая история Филаидов была актуальна в Афинах при Кимоне, члене этого рода, но в «Периклов век» ее популярность могла только уменьшаться. Перикл – в целом отнюдь не союзник Филаидов – никак не был заинтересован в распространении информации, прославлявшей предков Кимона.

Геродот должен был получить свои сведения о роде Филаидов еще до того, как он вошел в «кружок Перикла» (если он в него действительно вошел). Судя по некоторым пассажам из «Истории», у нас есть право предположить более ранний визит (или визиты) Геродота в Афины, – возможно, еще в 460-х гг. до н. э., то есть в период простасии Кимона. Строго говоря, источники об этом не сообщают, но как раз в данном случае аргумент *ex silentio* вообще не может иметь никакой силы. Биографические сведения о Геродоте более чем скудны. Фактически нам известны лишь несколько разрозненных событий из его жизни, да и они-то – только в искаженном и противоречивом виде. Почти невозможно выстроить эти события в правильную хронологическую последовательность.

Гипотеза о ранних поездках Геродота в Афины не может быть опровергнута аргументацией, опирающейся на общий историко-политический контекст. Точное время вступления Галикарнасса, родины Геродота, в Делосский союз остается спорным. Город появляется в списках фороса с 454/453 г. до н. э., то есть с самого момента введения этих списков. Поэтому указанная дата дает только *terminus ante quem*. Наиболее подходящей датировкой предстает приблизительно 468 г. до н. э.¹⁷ – период непосредственно после победы Кимона над персами при Евримедонте. В любом случае хорошо известно, что Геродот в молодости, приняв участие в безуспешной попытке свержения галикарнас-

¹⁵ Barth 1969: 313–316; Murray 1993: 26.

¹⁶ См., например: Lendle 1992: 39.

¹⁷ Mansel 1964.

ского тирана Лигдамида, был вынужден уйти в изгнание и перебрался на Самос. Самос же являлся одним из старейших и сильнейших членов Делосского союза. Он традиционно поддерживал активные связи с фактической столицей симмахии – Афинами. Можно выразиться так: с Самоса была прямая дорога в Афины. И трудно представить, что молодой, энергичный, талантливый и, главное, очень любознательный эллин не воспользовался возможностью посетить «город Паллады» сразу же, как только это оказалось возможным. Афины в период Пентеконтаэтии, подобно некоему магниту, притягивали к себе лучшие интеллектуальные силы со всего греческого мира.

Если Геродот действительно побывал в Афинах уже в 460-х гг. до н. э., в «Кимонов век»¹⁸, то неудивительно, что там он в первую очередь познакомился именно с исторической традицией Филаидов. Традиции других аттических аристократических родов (включая Алкмеонидов), которые он узнал позже, отразились в его труде уже «сквозь призму» филаидской. Конечно, пока это только наша рабочая гипотеза; анализ пассажей Геродота, посвященных Филаидам, который мы намерены далее предпринять, направлен на то, чтобы подтвердить или опровергнуть данную гипотезу.

Самый старший из представителей главной ветви Филаидов, появляющийся в «Истории» (VI. 34–38), – Мильтиад, сын Кипсела, основатель афинской колонии на Херсонесе Фракийском¹⁹ и первый тиран названного полуострова. Этот Мильтиад (Старший) является для Геродота (т. е. для его информаторов) чем-то вроде идеального героя. Согласно «отцу истории», он был очень влиятелен во времена Писистрата; для описания его статуса употреблен даже термин *δυναστεύω*²⁰. Сообщается о его эгинских корнях и о том, что его род позже²¹ перебрался в Афины. Вообще Геродот любит упоминать о неафинском происхождении тех или иных представителей афинской знати.

Мильтиад Старший стал олимпийским победителем в состязании колесниц – в 560 г. до н. э. по датировке Моретти²². Как известно, как раз в том же году Писистрат захватил власть в Афинах. Мильтиада тяготила жизнь под владычеством тирана, и он желал покинуть город²³. Случай вскоре предста-

¹⁸ О «Кимоновом веке» как эпохе культурной истории Афин см.: Delvoye 1978; Shapiro 1992.

¹⁹ Об этой колонии см.: Isaac 1986: 159 ff.; Heskell 1997: 16.

²⁰ *Herod.* VI. 35: ἐν δὲ τῆσι Ἀθήνῃσι τηνικαῦτα εἶχε μὲν τὸ πᾶν κράτος Πεισίστρατος, ἀτὰρ ἔδυναστεύεγε καὶ Μιλτιάδης ὁ Κυψέλου...

²¹ τὰ νεώτερα – не «недавно» (νεωστί), а именно «позже», как противопоставление указанию «первоначально» (τὰ ἀνέκαθεν). Переезд Филя в Афины ко времени Геродота ни в каком смысле не был «недавним».

²² Moretti 1957: 71.

²³ ...ἀχθόμενον τε τῆ Πεισιστράτου ἀρχῇ καὶ βουλόμενον ἐκποδῶν εἶναι.

вился: долонки (херсонесское племя), побужденные Дельфийским оракулом и привлеченные гостеприимством Мильтиада, предложили ему власть над их областью. Афинянин принял предложение, прибыл на полуостров и начал им править. Он пользовался покровительством лидийского царя Креза. Так, когда Мильтиад был захвачен в плен в ходе войны с соседним Лампсаком, Крез заставил лампсакийцев освободить его. Кстати, эпизод с Крезом – а нет серьезных оснований считать его вымыслом – помогает датировать события, о которых идет речь. Если бы не он, могли бы быть сомнения по вопросу, отбыл ли Мильтиад на Херсонес после первого установления Писистратом тирании (560 г. до н. э.) или после его третьего прихода к власти (ок. 546 г. до н. э.). Априорно говоря, последний вариант выглядел бы предпочтительнее, поскольку в краткий период первой тирании Писистрата его владычество над Афинами еще не было таким крепким, как в годы его третьего правления²⁴. Однако после 546 г. до н. э. Крез не был уже царем Лидии.

Таков рассказ Геродота, и из него вырисовывается весьма привлекательная личность. Знатный аристократ, благородный, великодушный и гостеприимный, враг афинского тирана и друг могущественного варварского царя... Образ Мильтиада Старшего в «Истории», несомненно, попал туда из традиции, очень благоприятной по отношению к этому человеку. А кому могла принадлежать такая традиция, кроме как Филаидам?

Но с геродотовым Мильтиадом связаны и серьезные проблемы. Он предстает какой-то изолированной фигурой, вне контекста политической борьбы в Афинах середины VI в. до н. э. Борьба эта имела «регионалистский» характер и развивалась в форме соперничества трех локальных группировок – педиеев, паралиев и диакриев. Из Геродота совершенно неясно, к какой из них принадлежал Мильтиад²⁵. Версию о его принадлежности к паралиям, возглавляемым Алкмеонидами, можно сразу исключить: Алкмеониды и Филаиды почти никогда не находились в дружественных отношениях. Враждебность же между ними прослеживается и в первой половине VI в. до н. э. (Мегакл и Гиппоклид, см. ниже), и в конце того же века (Клисфен и Исагор, также см. ниже), и позже, в следующем столетии (Мильтиад Младший и Ксантпп; Кимон и Перикл).

Гораздо вероятнее связь Мильтиада с группировкой диакриев, «нагорных» (или, что точнее, гиперакриев, «загорных»)²⁶, то есть с группировкой

²⁴ Ср. *Herod.* I. 60 и *Arist. Ath. pol.* 14. 3 с *Herod.* I. 64 и *Arist. Ath. pol.* 15. 3.

²⁵ Nopper 1961: 205–206.

²⁶ Геродотовские «гиперакрии» выглядят более аутентично, чем аристотелевские «диакрии». В целом регионалистский характер политических группировок в архаической Аттике наиболее резко подчеркнут в: Sealey 1960; в несколько смягченной форме см.: Sealey 1976: 95–106. Проблема аттического «регионализма» рассматривалась неоднократно. См. также, в частности: Mossé 1964; Ehrenberg 1968: 48–54, 76–77; Ghinatti 1970: 72; Klüwe 1972; Lévêque 1978; Camp

Писистрата. Прежде всего, род Филаидов происходил именно из области гиперакриев, из местечка Браврон. Как раз там располагался и аттический дем Филаиды. К VI в. до н. э. основная ветвь рода уже перебралась из этой периферийной местности в регион города (дем Лакиады). Но вряд ли забылась и «старая родина».

Но Браврон был также «старой родиной» Писистрата и его рода! Получается, что с этим районом Аттики были связаны одновременно две известных семьи, активных в политическом отношении. Причем обе считались не «автохтонными», а прибывшими позже. Все эти обстоятельства могли порождать как общность интересов, так и соперничество. Соответственно, отношения между Филаидами и Писистратидами были довольно неоднозначными и сложными, содержа в себе предпосылки как для сотрудничества, так и для конкуренции.

В любом случае, Мильтиад Старший, как видим, отнюдь не пострадал от тирании Писистрата, когда она установилась. Он сохранял большое влияние, и сам этот факт – тоже аргумент в пользу его принадлежности к группировке гиперакриев. Но тогда почему он покинул Афины? Причем это вряд ли могло случиться без санкции тирана.

Писистрат был весьма заинтересован в афинском (и, следовательно, своем собственном) контроле над Северной Эгеидой²⁷, особенно над зоной Черноморских проливов, ввиду ее чрезвычайной геополитической и стратегической значимости. Он отнял у лесбосцев Сигей в Троаде, на азиатском берегу Гелеспонта. Естественно, ему было очень удобно, что власть над европейским берегом того же пролива также находилась в руках афинянина – Мильтиада, тирана Херсонеса²⁸.

Последний даже после отбытия из Афин, несомненно, сохранил афинское гражданство наряду со своими родственниками, оставшимися в Аттике. Наиболее вероятно, что он признавал верховенство Писистрата. Позже, после его смерти, Мильтиад Младший был попросту послан афинским тираном Гиппием, сыном Писистрата, перенять власть над Херсонесом (*Herod.* VI. 39). Поведение, вполне типичное для отношений между сюзереном и вассалом...

Естественно, во времена Геродота филаидская историческая традиция пыталась оправдать одного из виднейших членов рода, обвиненного в дружбе с тиранами. Чем больше отдалялось во времени правление Писистратидов – тем

1994; Osborne 1996: 283 ff. Необходимо оговорить, что под «регионализмом» мы имеем в виду соперничество политических группировок, которые возглавлялись знатными родами, влиятельными в различных регионах Аттики.

²⁷ См. подробнее: Суриков 2010.

²⁸ Ср.: Graham 1964: 32–33; Graham 1982: 121.

сильнее «демонизировался» их образ в общественном мнении²⁹ и тем более компрометирующим оказывался любой намек на близкие отношения с ними в прошлом. Все подобные детали аристократы старались скрывать, насколько это было возможно. Разумеется, Филаиды не были исключением.

Однако в целом в «Истории» Геродота мы имеем вполне удовлетворительный портрет Мильтиада Старшего. Это особенно очевидно при сравнении с тем, что о нем писали другие античные авторы. У Непота (Milt. 1–2) он безнадежно спутан со своим племянником, равно как и у Павсания (VI. 19. 6). Элиан (Var. hist. 12. 35), напротив, считает разными лицами Мильтиада, сына Кипсела, и Мильтиада, основателя афинской колонии на Херсонесе, хотя такое разделение беспочвенно. Маркеллин (Vita Thuc. 3) в серьезно испорченном пассаже, насколько можно судить, говорит о двух Мильтиадах: один из них – сын Тисандра, а другой – сын Гиппоклида и ойкист Херсонеса. Ни один из этих двоих не соответствует в полной мере Мильтиаду Старшему. На фоне подобных несообразностей³⁰ источники Геродота о Мильтиаде, какими бы тенденциозными они ни были, стоят на принципиально превосходящем уровне.

Единоутробный брат Мильтиада Старшего – Кимон, сын Стесагора³¹ (Кимон Старший), – следующий видный Филаид, упоминаемый «отцом истории». Судя по своему прозвищу ὁ Κοάλεμος («простак»), он не блистал выдающимися интеллектуальными способностями. По крайней мере, он не был активным политиком, но тем не менее являлся опасным соперником для Писистрата и его сыновей. Кимон был выдающимся мастером колесничных состязаний и самым знаменитым афинским олимпийщиком VI в. до н. э. Он одержал три олимпийские победы, причем, если верить Геродоту, с одной и той же упряжкой лошадей. Моретти датирует эти победы Кимона 536, 532 и 528 гг. до н. э.³², но возможна и другая хронология, – соответственно, 532, 528 и 524 гг. до н. э.³³

Рассказ Геродота о Кимоне (VI. 103) – один из самых интригующих и в то же время один из самых информативных для истории архаических Афин. После захвата Писистратом власти в городе (несомненно, здесь речь идет о его третьей тирании, установившейся ок. 546 г. до н. э.) Кимон ушел в изгнание, по всей видимости, добровольно (как и его единоутробный брат ранее), а не в результате насильственного изгнания тираном³⁴. Находясь за пределами

²⁹ Этот процесс детально проанализирован в: Lavelle 1993.

³⁰ Хотя «удвоение» Мильтиада Старшего можно порой встретить и в современной исследовательской литературе. См., например: Hammond 1956.

³¹ Весьма вероятно также родство между их отцами, Кипселом и Стесагором.

³² Moretti 1957: 72–74.

³³ О победах Кимона см.: Surikov 2004: 195 ff.; Суриков 2009б: 27 сл.

³⁴ Геродот выражается так: Κίμωνα... κατέλαβε φυγεῖν ἐξ Ἀθηνέων Πεισίστρατον, κτλ. Глагол φεύγω в принципе может обозначать как «уйти в изгнание, бежать», так и «быть изгнанным». Но в последнем случае предполагалась бы конструкция ὑπό с генитивом.

родины, он выиграл две Олимпиады, но вторую победу уступил Писистрату, который и был официально провозглашен победителем. За это тиран позволил Кимону возвратиться в Афины. На следующих Олимпийских играх тот опять победил в состязании колесниц. После смерти Писистрата по приказу его сына и наследника Гиппия Кимон был убит.

Возможно, он отказался уступить свою последнюю победу новому тирану. В любом случае ясно, что Писистратиды попросту боялись Кимона, и страх их был небезоснователен. Троекратный олимпионик, как бы далек он ни был от политики, в глазах общественного мнения становился естественным харизматическим лидером. А поскольку он был вдобавок выходцем из очень древнего и уважаемого рода, «аристократом по определению», не так-то уж и трудно было бы ему взять власть, пожелай он это сделать.

Насколько можно судить, Писистратиды болезненно переживали тот факт, что никто из них так и не одержал олимпийскую победу собственными силами. В их роду наблюдалось нечто вроде культа коня; возможно, это связано с их реальным или мнимым происхождением из Пилоса, города Посейдона (конь был священным животным морского бога)³⁵. Несомненно, неслучайно, что у Писистратидов были весьма популярны имена с корнем *ίππ-*, как до первого тирана (его отца звали Гиппократом), так и позже (его двух старших сыновей звали Гиппием и Гиппархом). Учитывая, что такие имена должны были ассоциироваться с состязаниями колесниц, становится понятным, почему Писистратиды так жаждали олимпийских побед. Но им не везло, и можно, пожалуй, даже говорить о некоем их «комплексе неполноценности» в связи с этим. Они пытались поправить ситуацию, насколько это от них зависело. Во всяком случае, как мы видели, Писистрат принял дар Кимона и позволил провозгласить себя победителем. Более того, он ответил добром на добро – возвратил Кимона в Афины. Очевидно, тиран был рад хотя бы и такой «победе».

Заслуживает внимания, что, устранив Кимона, сыновья Писистрата дружественно относились к его сыну Мильтиаду – будущему марафонскому герою (*Herod.* VI. 39). При них он стал эпонимным архонтом 524/523 г. до н. э.³⁶,

³⁵ О пилосском происхождении Писистратидов см.: *Herod.* V. 65. Ср. постоянный эпитет Нестора – царя Пилоса, считавшегося предком Писистрата, – в «Илиаде»: «конник геренский».

³⁶ *Dionys.* Hal. Ant. Rom. 7. 3. 1. Данный факт подтверждается фрагментом афинского списка архонтов, впервые опубликованным: Meritt 1939. Строго говоря, о тождестве Мильтиада Младшего и архонта Мильтиада нигде эксплицитно не говорится, но вряд ли в Афинах рассматриваемого времени был еще какой-то другой (кроме сына Кимона) Мильтиад, имевший настолько высокий статус, чтобы стать архонтом. Ср. также: *Thuc.* VI. 54. 6: Писистратиды всегда устраивали так, чтобы пост архонта занимал кто-то из их сторонников. Таким образом, они воспринимали Мильтиада как «своего человека», несмотря на организованное ими убийство его отца.

а потом тираном Херсонеса, в обоих случаях при их дозволении и содействии. Все-таки уничтожить его и тем самым истребить род, принесший похвалу столько олимпийских побед, означало бы вызвать такой шок в общественном мнении, какого даже правящая фамилия не могла себе позволить. В конце концов, отец Мильтиада (как и его дядя) был реальным олимпийщиком, а отец Гиппия – всего лишь фиктивным.

Возвратимся к Кимону Старшему; в изображении Геродота он не менее привлекателен, чем его брат. Снова благородство и великодушие – доходящее до самоотречения, – снова враждебность к тиранам; более того, он даже стал жертвой тирана! Хотя, строго говоря, нельзя быть безоговорочно уверенными, что именно Гиппий повинен в убийстве Кимона.

Следующий член рода Филаидов, появляющийся на сцене, – это старший сын Кимона Стесагор. Но о нем упоминается только мимоходом. Геродот сообщает, что был еще в раннем возрасте взят своим дядей на Херсонес (VI. 103). Бездетный Мильтиад предназначал юношу себе в наследники. Поэтому Стесагор и стал вторым афинским правителем полуострова. По всей видимости, его пребывание у власти было недолгим: в ходе продолжавшейся войны с Лампсаком его убил лампсакиец, выдавший себя за перебежчика (VI. 38). Ни начало, ни конец тирании Стесагора не поддаются точной датировке. Из Геродота (VI. 103) можно лишь с некоторой долей вероятности заключить, что Мильтиад Старший пережил Кимона Старшего; стало быть, Стесагор стал тираном не ранее 525–524 гг. до н. э. А умер он не позже 515–514 гг. до н. э. (к тому моменту тираном был уже Мильтиад Младший).

К последнему мы сейчас и переходим, хотя он уже упоминался выше – и вполне закономерно, поскольку он занимает очень важное место в труде Геродота. Но информация о нем, сохраненная историком (и, соответственно, филаидской традицией) имеет избирательный характер. Некоторые нюансы, которые могли бы быть опасны для репутации – как его собственной, так и его рода, – пропущены.

Например, Геродот ничего не говорит об эпонимном архонстве Мильтиада в период тирании Гиппия. И это вполне понятно: в те годы быть архонтом – это, безусловно, означало принадлежать к кругу Писистратидов. Далее, отец истории не приводит никаких сведений о первой жене Мильтиада, которая происходила, согласно интересной и достаточно вероятной гипотезе Уэйд-Гери³⁷, из Гиппиева дома. Названный исследователь предполагает также, что развод Мильтиада с первой супругой и женитьба на фракийской царевне Гегесипиле, возможно, означали разрыв с Писистратидами.

³⁷ См. его важную статью «Мильтиад», впервые опубликованную в 1951 г. и перепечатанную в: Wade-Gery 1958: 155–170.

Мильтиад Младший – один из главных героев «Истории». Информация о нем, содержащаяся у Геродота, наиболее важна для реконструкции биографии этого выдающегося военного и политического лидера. Почти вся позднейшая нарративная традиция о Мильтиаде восходит к Геродоту³⁸, а эта традиция со временем превратила марафонского победителя не просто в афинского или эллинского героя, но в одного из прославленных героев всей мировой истории. Очевидно, было в геродотовском Мильтиаде что-то такое, что побуждало многих видеть в нем *εὐεργέτης πρῶτος κοινῆ τῆς Ἑλλάδος* (*Paus.* VIII. 52. 1), хотя сам он вряд ли когда-либо представлял себя в подобной роли. Тем более интересно проследить родовые корни рассматриваемой традиции.

Однако в труде Геродота нет единого и целостного рассказа о Мильтиаде – только ряд отдельных экскурсов. Большая их часть содержится в шестой книге «Истории», кульминация которой – сражение при Марафоне. Исследователям приходится приводить эти разрозненные факты во взаимное соотношение и правильную хронологическую последовательность.

При первом появлении у Геродота (IV. 137–138) Мильтиад характеризуется им просто как «афинянин, бывший полководцем и тираном херсонесцев, что на Геллеспонте» (τοῦ Ἀθηναίου, στρατηγέοντος καὶ τυραννεύοντος Χερσονησιτέων τῶν ἐν Ἑλλησπόντῳ), без дальнейших подробностей. Но описанный в указанном пассаже его поступок говорит сам за себя. Контекст события – скифская экспедиция Дария (ок. 513 г. до н. э.). Персидский царь со своим войском только что перешел Дунай по специально наведенному для этого мосту и углубился в северопричерноморские степи. Вассальные греческие тираны, сопровождавшие его, получили приказ стеречь переправу. Они собираются на совет, и Мильтиад предлагает своим «коллегам» разрушить мост и оставить Дария погибать в Скифии. Но его предложение не принимается, поскольку остальные тираны, побужденные Гистиеем Милетским – главным оппонентом Мильтиада, – заключают, что было бы неразумно губить царя, чья милость является главной опорой их власти в своих городах.

Аутентичен ли весь этот эпизод? Возникают серьезные сомнения. Слишком уж он похож на элемент апологетической традиции о Мильтиаде, уже зародившейся ко времени Геродота. Для сторонников Мильтиада сам тот факт, что их вождь служил в войске Дария, был крайне неудобен. Требовалось смягчающее обстоятельство, и таковым как раз становилось постулируемое предложение разрушить Дариев мост. Возможно, автор сей истории – сам Мильтиад; он, например, мог рассказать ее афинским судьям, когда его обвиняли как тирана после его возвращения на родину в 493 г. до н. э. «Эпизод с мостом»

³⁸ Об эволюции образа Мильтиада в ранней нарративной традиции см.: Vanotti 1991.

был очевидным и прекрасным свидетельством его скрытой оппозиции персам, если этот эпизод соответствовал действительности! Во всяком случае, выглядел он вполне правдоподобно, а главное – в тот момент не было никакой возможности проверить информацию о делах двадцатилетней давности.

Против историчности «эпизода с мостом» говорит также тот факт, что херсонесский тиран не подвергся абсолютно никакому наказанию со стороны Дария, когда тот возвратился из Скифии. Не приходится сомневаться, нашлись бы люди, готовые донести царю о вероломстве одного из его вассалов, если бы такое вероломство действительно имело место.

Правда, вскоре после скифской экспедиции Дария Мильтиад вынужден был бежать с Херсонеса. И Непот (Milt. 3) пишет, что причиной бегства якобы являлся страх царской мести. Но римский биограф здесь путает (это вообще для него характерно) два бегства Мильтиада из своего «княжества», относящиеся к 513 и 493 гг. до н. э. Если некритично принимать мнение Непота, возникают две альтернативных возможности: либо персидская кампания против Афин, окончившаяся Марафоном, началась непосредственно после скифского похода (что явно неверно), либо после «эпизода с мостом» Мильтиад преспокойно правил Херсонесом еще двадцать лет, а затем вдруг испугался гнева Дария и бежал (что явно абсурдно).

Гораздо более достоверно объяснение Геродота (VI. 40): кочевые скифские племена, возмущенные вторжением Дария, предприняли контрнаступление и вторглись на Херсонес. Мильтиад не дожидаясь их прихода, а заблаговременно бежал. Кстати, вот еще один аргумент против аутентичности «эпизода с мостом». Разве стали бы скифы воевать с человеком, который только что зарекомендовал себя их фактическим союзником? И разве стал бы Мильтиад, со своей стороны, обращаться в бегство, если вместо этого он мог просто напомнить скифам о своем недавнем дружественном им поступке?³⁹

Упоминание о временной скифской оккупации Херсонеса содержится уже во втором экскурсе Геродота о Мильтиаде (VI. 34–41). Этот экскурс больше предыдущего; он включает сведения о дяде и брате Мильтиада, рассмотренные выше. Что же касается самого Мильтиада, «отец истории» повествует, что он после гибели Стесагора был послан дружественно относившимися к нему Писистратидами перенять власть над Херсонесом. Они дали ему только одну триеру, так что вряд ли Мильтиаду было так уж просто утвердиться в качестве тирана полуострова. Ему пришлось использовать хитрость и захватить ведущих

³⁹ Скифы рассматриваемого времени вовсе не были какими-то грубыми дикарями, способными вести переговоры и воспринимать разумные доводы. Именно в это же самое время они направили посольство в Спарту для заключения союза против Персии и координации совместных военных действий (*Herod.* VI. 84).

аристократов (οἱ δυναστεύοντες) херсонесских городов – эти лидеры, по всей видимости, не желали видеть его верховным правителем. Он нанял для охраны отряд наемников и женился на Гегесипиле, дочери фракийского царя Олора.

Но главное содержание интересующего нас геродотовского пассажа – второе бегство Мильтиада, на этот раз от финикийского флота Ахеменидов. Оно датируется 493 г. до н. э. – в это время персы завершали подавление Ионийского восстания. Нет никаких сведений – ни у Геродота, ни у какого-либо другого автора – об участии Мильтиада в этом восстании. Скорее всего, он предпочел выжидать до прояснения ситуации и не предпринимал никаких действий. Но он был афинянин, а для персов это очень много значило, поскольку Афины только что оказали поддержку мятежным ионийцам. Похоже, это была главная (если не единственная) причина, по которой персы хотели низложить и арестовать Мильтиада.

Тот, погрузив все свои богатства на пять кораблей, спасся. Лишь одно судно было захвачено персами, но именно на нем был Метиох, старший сын Мильтиада (от первой жены). Как рассказывает Геродот, Дарий не причинил ему никакого зла; он просто поселил его в Персии, дал жену-персиянку, и дети их считались уже персами.

Весь рассмотренный пассаж весьма запутан, даже противоречив. Мильтиад здесь не изображается в столь же однозначно положительном свете, как его дядя или как он сам в «эпизоде с мостом». Он жестоко обманывает херсонесскую знать; он дважды бежит в страхе: он оставляет сына в руках врагов (но Геродот специально подчеркивает, что с сыном ничего плохого не случилось)... В целом – поведение, не слишком подобающее аристократу. На первый взгляд может даже показаться, что здесь у Геродота отразилась какая-то иная традиция – не филиадская, а скорее враждебная по отношению к известнейшему представителю рода. Но только на первый взгляд!

Подойдем чуть более внимательно – и увидим, что всё поведение Мильтиада, как оно описано в данном экскурсе, проникнуто хитроумием (μῆτις). А это качество в Элладе весьма ценилось и считалось похвальным. Героев «в стиле Одиссея» уважали не менее, чем героев «в стиле Ахилла». Стратегемы Мильтиада, его опережающие действия и т. п. – типичные проявления μῆτις. Способность предвидеть события, которую он обнаружил, воспринималась как важное достоинство, а в политическом деятеле – а fortiori⁴⁰.

Интересно, что, как Геродот сообщает именно в рассматриваемом пассаже, старший сын Мильтиада носил имя Метиох – «обладающий хитроумием

⁴⁰ См., например, у Фукидида (I. 138; II. 65) образы его любимых героев – Фемистокла и Перикла.

(μῆτις)». Несомненно, Мильтиад назвал так своего отпрыска вполне сознательно, а не по семейной традиции: это имя нетипично для ономастикона Филаидов⁴¹. Из сказанного очевидно, что сам будущий марафонский победитель ставил μῆτις очень высоко.

Как раз в связи с Марафоном Мильтиад в следующий раз появляется на страницах «Истории» (VI. 103 sq.). Геродот указывает, что он был одним из десяти стратегов, командовавших афинским войском, которое выступило против персов. Далее следует уже знакомое нам отступление о его отце Кимоне, и тут историк сообщает, что Мильтиад был назван в честь своего дяди.

«Дважды ему удалось избежать смерти, – продолжает Геродот. – Первый раз финикийцы преследовали его до Имброса, во что бы то ни стало стараясь захватить и доставить к царю. Затем, избежав преследования финикийцев, он возвратился на родину и чувствовал себя уже в безопасности. Тогда враги схватили его и предали суду по обвинению в тирании на Херсонесе. Однако Мильтиаду удалось оправдаться и от этих обвинений, и он по народному избранию был назначен афинским стратегом».

Эти события – одно из самых малопонятных и загадочных звеньев в карьере Мильтиада. Геродот не сообщает о суде никаких подробностей, не поясняет, кто имеется в виду под «врагами». Среди последних мог быть почти любой видный политик тогдашних Афин, поскольку все эти политики с полным основанием могли считать Мильтиада опасным соперником. Можно, например, думать о Фемистокле, который как раз являлся в тот момент эпонимным архонтом и, соответственно, имел достаточно влияния, чтобы организовать судебный процесс. Другой вариант – Ксантипп, отец Перикла и лидер (или один из лидеров)⁴² группировки Алкмеонидов: несколько лет спустя именно Ксантипп выступал обвинителем на другом суде над Мильтиадом.

Правовой базой для процесса 493 г. до н. э. был, судя по всему, древний афинский закон против тирании, цитируемый Аристотелем (Ath. pol. 16. 10)⁴³. Относительно же органа, который судил Мильтиада, есть представляющееся вероятным мнение, что это был Ареопаг⁴⁴. Но Геродот ничего об этом не говорит.

Как бы то ни было, между оправданием Мильтиада и его командованием при Марафоне – трехлетний временной промежуток. И за это время в жизни Мильтиада случились два события, о которых Геродот умалчивает. Первое –

⁴¹ В Афинах V в. до н. э. известен еще один Метиох, но он был связан с Периклом, а не с Филаидами. Этот Метиох дал свое имя одному из афинских судебных зданий. См. об этом: Voegehold et al. 1995: 5–6, 12, 94, 177–178.

⁴² Schefold 1946: 69; Kagan 1961: 396.

⁴³ Об этом суровом законе см.: Gagarin 1981.

⁴⁴ Carawan 1987: 192 ff. Но есть и мнение, что это была гелия: Welwei 2000: 19.

решение афинского народного собрания о казни персидских послов, прибывших от Дария около 491 г. до н. э., дабы требовать от афинян «земли и воды» (то есть подчинения). Павсаний (III. 12. 7) пишет, что за этот смертный приговор ответствен Мильтиад, и поэтому он со своим домом впоследствии пострадал (единственный из всех афинян, согласно Павсанию) от гнева Талфибия, божественного покровителя послов и глашатаев.

Перед нами – весьма интересный случай, ибо геродотовская интерпретация – совершенно иная. Сам факт казни послов «отцу истории» знаком, как и представление о «гневе Талфибия». Но он в деталях рассказывает только о том, как этот гнев поразил спартанцев (VII. 134–137). Что же касается Афин, он лишь говорит (VII. 133), что послы были там сброшены в пропасть, а затем продолжает: «Какое несчастье постигло афинян за их поступок, я не могу сказать, кроме того, что их земля и сам город были разорены. Впрочем, мне думается, опустошение Аттики произошло не из-за этого».

Как видим, во-первых, в версии Геродота в гибели послов виновно было не какое-то конкретное лицо, а все афиняне, которые, соответственно, и попадали под гнев Талфибия; во-вторых, историк вообще не слишком-то верит в этот гнев. Ведь он считает, что разорение афинской земли персами явилось не божественным наказанием, а следствием каких-то иных причин.

Что за странное преображение благочестивого Геродота! Он здесь, пожалуй, более рационалистичен, чем где-либо на протяжении своего труда, и как будто бы не признает идею божественной кары как таковую. Но это впечатление ложно. Религиозные взгляды Геродота изучались в историографии весьма скрупулезно⁴⁵. Разумеется, в связи с ними остаются спорные вопросы, но, кажется, все согласны в том, что вмешательство богов и героев в дела человеческие – чаще всего в целях мести – занимает видное место в «Истории». Примеров более чем достаточно. Так, сразу же (!) после только что цитированного пассажа следует длинный, великолепный рассказ о том, как спартанцам пришлось искупать гнев Талфибия. Контраст между геродотовским изложением схожих событий в Афинах и Спарте слишком поразителен, чтобы быть случайным. Несомненно, в двух соседствующих частях сочинения «отец истории» опирается на разные традиции. В случае со спартанцами это, скорее всего, спартанская традиция (возможно, официальная спартанская). Что же касается афинского случая, полагаем, не будет ошибкой предположить, что данная рационалистическая традиция, обеляющая прежде всего Мильтиада, исходила от Филаидов.

⁴⁵ Приведем в качестве примера лишь несколько относительно недавних работ: Lachenaud 1978; Shimron 1989; Mikalson 2002; Mikalson 2003; Funke 2004.

Казнь послов (совершенно независимо от того, что это были за послы, от кого и с какими требованиями они пришли) расценивалась как чудовищное нарушение элементарных международно-правовых норм. Любые послы считались лицами неприкосновенными. Конечно, нет никаких оснований ставить под сомнение само их умерщвление: в Афинах конца 490-х гг. до н. э. (канун Марафона!) возбуждение в связи с внутри- и внешнеполитическими проблемами столь возросло, что и не такое было возможно. И, наверное, не было афинянина, более настроенного против персов, чем Мильтиад. Так что версия Павсания, подчеркивающая его инициативы, выглядит вполне аутентично. Но, когда страсти позже улеглись, этот факт стал, мягко говоря, неудобен для рода Мильтиада. Слишком уж он вредил его посмертной славной репутации – а эта репутация, в формирование которой особенно большой вклад внес его сын Кимон, достигла своего пика в период раннего визита (или визитов) Геродота в Афины.

Порой не менее важно, что пропускает автор, нежели то, что он сообщает. Второй факт, отсутствующий у Геродота, – это так называемая псефисма Мильтиада, принятая афинской экклесией опять же по его предложению. Псефисма неоднократно упоминается другими источниками как пример смелой, патриотичной позиции (*Demosth.* XIX. 303; *Arist. Rhet.* 1411a10; *Paus.* VII. 15. 7; ср. *Paus.* X. 20. 2). Насколько можно судить, постановление предполагало максимальный призыв гоплитов в ополчение, включая даже стариков, вышедших из призывного возраста. Более того, предусматривалось освобождение некоторого количества рабов, дабы сделать их воинами. И какие-то рабы действительно сражались при Марафоне в афинских рядах – впервые в истории Эллады, как утверждает тот же Павсаний (I. 32. 3). После битвы погибшие из их числа были погребены не там же, где павшие граждане, а в отдельной могиле, вместе с платейцами⁴⁶ (последние находились в зависимости от Афин).

Следовательно, информация об освобождении части рабов вполне достоверна. Наиболее вероятно и то, что инициатором выступил Мильтиад. А у Геродота ни о чем из этого – ни слова. И ясно почему: в классической Греции не было более одиозной и пугающей меры, чем освобождение рабов. Эта мера обычно считалась (и с полным основанием) как принадлежащая к репертуару тиранов. Мильтиад же *был* тираном (правда, в прошлом). И для авторов, желавших подчеркнуть это, упоминание об освобождении рабов оказывалось весьма подходящим. Но Геродот-то никоим образом не был намерен подчеркивать это тираническое прошлое своего героя, – напротив, затушевывал его. Уточним: не сам Геродот, а его информаторы из Филаидов. Потому-то псефисма в «Истории» и не фигурирует.

⁴⁶ Badian 1993: 117.

Возвращаясь к тексту «Истории», встречаем продолжение рассказа о Марафоне. Битва предстает очередным примером проявленного Мильтиадом хитроумия (μῆτις), принесшего афинянам полную победу. Затем следует известный экскурс о мнимой измене Алкмеонидов, а сразу после этого отступления (запомним на будущее) Мильтиад появляется вновь. Это – последний геродотовский пассаж, связанный с ним (VI. 132–140).

«Хотя Мильтиад и прежде был в почете у афинян, – говорит историк, – теперь же, после поражения персов при Марафоне, приобрел еще больше влияния». В следующем году он возглавил морскую экспедицию на Кикладские острова. Поводом было то, что они помогали персам, но реальной целью похода было, похоже, элементарное ограбление островитян, что не особенно-то и скрывали. Также вполне вероятно, что у Мильтиада в связи с экспедицией были и свои личные цели: казалось не слишком сложным захватить какой-нибудь остров и сделать его своим новым владением взамен утраченного Херсонеса. Тиранические амбиции вряд ли могли быть чужды человеку, который уже побывал тираном⁴⁷.

Однако поход оказался неудачным. Единственный его эпизод, детально описанный Геродотом, – осада афинским стратегом Пароса⁴⁸. Тенденциозность изложения в этом месте весьма усложнена, поскольку контаминированы различные традиции. Из последних в целом преобладает паросская, явно враждебная Мильтиаду.

Далее идет весьма короткий рассказ о втором суде над Мильтиадом. Главным обвинителем эксплицитно назван Ксантипп, а инкриминированное деяние обозначено как «обман афинян». Историк говорит, что Мильтиада судила сама экклесия (заметим, очень редкий случай!), а сам он не мог даже говорить в свою защиту из-за тяжелой травмы, полученной во время паросской кампании. Он лежал на ложе, а за него выступали друзья. Характерно, что они не пытались доказать неправоту обвинения, а вместо того вспоминали о его предыдущих подвигах, таких, как марафонская победа и захват Лемноса. Обвинитель настаивал на смертной казни, но суд постановил иначе. Приговор оставил Мильтиада в живых, но обязал его заплатить штраф в 50 талантов⁴⁹.

⁴⁷ Vanotti 1991: 22.

⁴⁸ Рассмотрение эпизода см.: Link 2000.

⁴⁹ Убедительную реконструкцию хода процесса см.: Carawan 1987: 194 ff.: согласно желанию обвинителя иск должен был иметь форму εἰσαγγελία προδωσίας, а дело, связанное с изменой, неизбежно влекло смертную казнь, если подсудимый признавался виновным. Но в ходе процесса сторонникам Мильтиада удалось несколько улучшить ситуацию: тип иска был сменен на προβολή по обвинению в «обмане народа». Поэтому Мильтиад, хоть и был признан виновным, но не приговорен к смерти. Об исангелии как форме процесса Мильтиада см. также: Hansen 1975: 69; Кудрявцева 2008: 284.

Это огромная сумма – столько денег вряд ли было у какого-нибудь афинского гражданина. По сути, наложение подобного штрафа было чем-то вроде «гражданской смерти» для осужденного. Но Мильтиад вскоре умер от своей травмы, а штраф был заплачен его сыном Кимоном.

Весь приведенный пассаж окрашен в тона печали. Образ Мильтиада почти идеальный: прославленный лидер, оказавшийся в немилости у неблагодарного народа... Это один из самых ранних эпизодов сложившейся в дальнейшем устойчивой традиции обвинять афинян в зависти и мстительности по отношению к своим великим людям⁵⁰. Не приходится сомневаться в том, что источник рассказанной истории – круг Кимона.

Этот последний экскурс о Мильтиаде завершается описанием его военной операции на Лемносе. Событие не поддается точной датировке, но оно явно имело место в период правления Мильтиада на Херсонесе. Захват им острова – для Геродота очередное проявление свойственного полководцу хитроумия (μητις): он воспользовался старинной легендой, чтобы заставить пеласгов, бывших обитателей острова, покинуть его.

О Кимоне Младшем, сыне Мильтиада, выдающемся полководце и политике времен молодости Геродота, в «Истории» почти нет сведений. И это вполне естественно, поскольку пик деятельности Кимона падает уже на годы, оставшиеся вне хронологических рамок геродотовского труда (он доведен, как известно, до 479–478 гг. до н. э.). Строго говоря, весьма вероятно, что Геродот не закончил свое сочинение, а если бы продолжил его, то довел бы до 449 г. до н. э.; в таком случае Кимон обязательно стал бы тоже одним из героев «Истории». Но рассматривать здесь проблему о степени завершенности интересующего нас произведения было бы совершенно неуместно.

В любом случае, Кимон начал свою карьеру влиятельного лидера как раз в 478 г. до н. э.⁵¹, причем буквально в следующий момент после того, на котором прекращается геродотовское повествование. И, в принципе, он вообще не должен бы был появиться в «Истории». Однако появляется, даже дважды.

Первый случай выше уже упоминался: Кимон заплатил штраф за покойного отца (*Herod. VI. 136*). Геродот не разъясняет, как молодой человек сумел это сделать. Только из других источников мы узнаём, что ему удалось это после того, как его сестра Эльпиника была выдана за Каллия, богатейшего из афинян (*Nep. Cim. 1; Plut. Cim. 4; Athen. XIII. 589d*). Каллий, чье состояние оценивалось в 200 талантов (*Lys. XIX. 48*), был одним из тех крайне немногих афинских граждан, которые могли отдать 50 в полисную казну, дабы помочь

⁵⁰ См. об этой традиции: Клох 1985: 132–161.

⁵¹ Хотя известностью среди сограждан он пользовался уже в 480-х гг. до н. э., судя по его весьма частым упоминаниям на остраконах.

Кимону. Ведь до уплаты отцовского штрафа тот считался государственным должником и, соответственно, лишался части политических прав. Опять же филиадская традиция, которой пользовался Геродот, позаботилась о том, чтобы не афишировать подобные детали. Подчеркивается только сам факт, что с долгом Кимон рассчитался, а это, естественно, шло ему в «плюс».

Второе упоминание Геродотом Кимона (VII. 107) встречаем в довольно неожиданном контексте, в связи с осадой и взятием этим полководцем Эйна во Фракии (событие датируется 477 г. до н. э.⁵²). Отнюдь не ясно, для чего бы вообще было включать в «Историю» этот коротенький эпизод – разве что для того, чтобы лишний раз упомянуть о Кимоне. Кстати, в геродотовском рассказе есть нюансы, которые, кажется, исходят от очевидца. Не мог ли быть источником Геродота в данном случае сам Кимон?⁵³

С другой стороны, «отец истории» не упоминает Кимона в контексте, где тот не только мог, но и должен был быть назван. Кимон входил в состав афинского посольства в Спарту в 479 г. до н. э. Именно это посольство повело к решительному выступлению спартанцев против Мардония и к Платейской битве. Само событие – вполне в хронологических рамках труда. Собственно, Геродот говорит об этом афинском посольстве, о ведшихся им переговорах в Спарте. Более того, говорит достаточно подробно (IX. 7–11), но имен послов не называет.

Узнаём мы эти имена только из Плутарха (Aristid. 10), причем последний ссылается на в высшей степени авторитетный текст – саму афинскую псефисму о посольстве. Внес псефисму Аристид. В качестве послов в документе фигурируют Кимон, Ксантипп и Миронид. Сам подобный состав посольства отразил создание примерно в это время (скорее всего, по инициативе того же Аристида) политического альянса, направленного против Фемистокла. В этом союзе объединились Алкмеониды и Филиады, и эта связь, по обычаю, была закреплена брачными узами посредством женитьбы Кимона на Исодике из рода Алкмеонидов⁵⁴. Коалиция не отличалась особой прочностью, поскольку основывалась исключительно на «негативном консенсусе». Вскоре после изгнания Фемистокла соперничество между двумя знатными родами возобновилось: Кимон и Перикл, сын Ксантиппа, стали главными соперниками в афинской политической жизни. Именно эта ситуация и отразилась в труде Геродота. В

⁵² Badian 1993: 99 f.

⁵³ Известно, что Кимон любил рассказывать друзьям о своих приключениях на войне. Один такой случай зафиксирован Ионом Хиосским (FGrHist. 392. F13), лично общавшимся с Кимоном. См.: Badian 1993: 211.

⁵⁴ Об альянсе, его матримониальной составляющей, а также датировке см.: Hignett 1952: 396; Bowra 1971: 23; Davies 1971: 305; Bicknell 1972: 89–95; Littman 1990: 190.

подобных условиях Филаиды не были, конечно, заинтересованы в напоминаниях об их имевшем место в прошлом временном сближении с Алкмеонидами. И особенно смущал тот факт, что Кимону пришлось быть в одном посольстве с человеком, который несколькими годами раньше был обвинителем его отца на суде⁵⁵. Отсюда – и умолчание Геродота о личностях послов.

В «Истории» появляются еще несколько лиц, также принадлежавших к роду Филаида, хотя и не к той же его семье, что Мильтиад и Кимон. Особенно замечен Гиппоклид, сын Тисандра. Об этом политике известно (*Marcellin. Vita Thuc.* 3), что он был в Афинах эпонимным архонтом и именно в его архонтство были учреждены Великие Панафинеи. Датируется это архонтство 566/565 г. до н. э.⁵⁶, но Геродотом оно не упомянуто. Историк описывает лишь событие, имевшее место несколькими годами ранее, в 571 г. до н. э. Речь идет об участии Гиппоклида в состязании, которое Клисфен, тиран сикионский, устроил для женихов своей дочери Агаристы⁵⁷. Геродот специально отмечает, что было много претендентов из разных городов, но только из Афин – сразу двое: Гиппоклид и Алкмеонид Мегакл.

Весь рассказ (*Herod.* VI. 126–130) представляет собой типичную геродотовскую новеллу, имеющую мало отношения к исторической истине. Но нас здесь интересуют не факты, а характеристики. Гиппоклид характеризуется как «самый богатый и красивый человек в Афинах», а его главный соперник Мегакл для Геродота просто «сын Алкмеона, который посетил Креза» (сам визит к лидийскому царю описывался им в юмористических тонах чуть выше).

Затем Геродот заявляет, что сикионскому тирану больше всех понравился именно Гиппоклид, по причине его доблести (*ἀνδραγαθίη*), а также из-за своего родства с Кипселидами, тиранами Коринфа⁵⁸. Но в последний день состязания решение было принято не в пользу Гиппоклида – просто потому, что поведение его на заключительном пиру оказалось чрезмерно экстравагантным: молодой человек исполнил на столе весьма фривольный танец. «О, сын Тисандра,

⁵⁵ Ситуация с составом посольства в некотором отношении напоминает ту, которая сложилась с составом афинского командования Сицилийской экспедицией 415 г. до н. э. (Алкивиад, Никий и Ламах). Как там, так и тут три члена с совпадающими характеристиками: молодой и энергичный Кимон, опытный Ксантип и некий Миронид, на которого падала роль «буфера» между двумя остальными послами, отношения между которыми отнюдь не напоминали дружбу.

⁵⁶ Develin 1989: 41.

⁵⁷ Alexander 1959; Gernet 1968: 344–359; Stahl 1987: 50–51.

⁵⁸ Эти родственные отношения между Кипселидами и Филаидами подтверждаются также ономастическим материалом: отцом Мильтиада Старшего был некий Кипсел, эпонимный архонт 597/596 г. до н. э., см. эпиграфический фрагмент афинского списка архонтов: Bradeen 1964. Практически невозможно, чтобы совпадение имен между основателем династии коринфских тиранов и афинским аристократом было чистой случайностью. Оно явно демонстрирует какие-то матримониальные связи. О Геродоте и Кипселидах см.: Cataudella 1964.

ты, право, проплясал свою свадьбу!»), – воскликнул, согласно «отцу истории», возмущенный Клисфен. Но легкомысленный юноша ответил: «Что за дело до этого Гиппоклиду!». Эти слова стали поговоркой, добавляет Геродот.

Итак, в изображении Гиппоклида мы встречаем вновь одну из главных черт, которые Геродот подчеркивает в его сородичах, – благородство, соединенное с душевной простотой. Ради того, чтобы вволю «повалить дурака», афинянин отказывается от брака, крайне выгодного во всех отношениях, – и это при том, что он был кандидатом-фаворитом, потенциальным победителем. Не так поступает Мегакл: он принимает дар тирана, по сути, отвергнутый другим.

В «Истории» есть еще один представитель Филаидов – но на основании рассказа Геродота невозможно даже догадаться, что он принадлежит к этому роду. Имеем в виду скандально известного Исагора, сына Тисандра, – вначале крупного политика⁵⁹ и главного противника Алкмеонида Клисфена в борьбе группировок после свержения афинской тирании, а затем «врага народа» и государственного преступника, попытавшегося совершить государственный переворот при помощи спартанского царя Клеомена I, но потерпевшего неудачу.

Рассказ об этой борьбе и перевороте прекрасно известен Геродоту, и он передает его в подробностях (V. 66–73), но нигде не упоминает о происхождении Исагора из Филаидов. Более того, он прямо говорит об Исагоре: «Предков его я не могу назвать; его родичи, впрочем, приносят жертвы Зевсу Карийскому». Это – единственное у Геродота сообщение о родовой принадлежности Исагора, и оно скорее запутывает, нежели проясняет что-либо; да еще появляется странное упоминание о «Зевсе Карийском», озадачивавшее многих исследователей.

И всё же Исагор действительно был Филаидом, как убедительно показал П. Бикнелл⁶⁰. Имя его отца в полной мере принадлежит к ономастикону этого рода; Исагор, очевидно, являлся членом семьи Гиппоклида (возможно, его внуком). Весьма интересно, что в «Афинской политике» Аристотеля (20. 1) Исагор назван φίλος τῶν τυράννων – другом или родственником тиранов. Каких тиранов? Афинских Писистратидов следует исключить, поскольку Исагор принял активное участие в их свержении. В 510 г. до н. э. он был гостеприимцем Клеомена I, когда тот осаждал Гиппия на Акрополе, и спартанский царь жил в Исагоровом доме. Но, может быть, вышеприведенный эпитет Исагора – не более

⁵⁹ Он являлся эпонимным архонтом 508/507 г. до н. э., вопреки сомнениям, высказываемым в: McCargar 1974.

⁶⁰ Bicknell 1972: 84–88. Впрочем, совершенно необязательно считать, что загадочный «сагор» (Стезагор? Исагор?), упоминаемый Непотом (Milt. 7) в качестве защитника Мильтиада Младшего на суде, идентичен Исагору – архонту 508/507 г. до н. э., как считал Хэммонд: Hammond 1956: 129. Подобное лицо в качестве защитника только сильно повредило бы Мильтиаду.

чем пропагандистский штамп, придуманный позже, когда подлинные события уже забылись? В принципе, это возможно; однако необходимо заметить, что Филаид Исагор действительно *был* родственником тиранов, но только других тиранов – Филаидов, правивших на Херсонесе; их представитель Мильтиад Младший еще находился у власти во время архонтства Исагора. Последнему этот факт вполне могли припоминать в 508/507 г. до н. э.

После путча Исагора было просто опасно ассоциироваться с ним в глазах общественного мнения. Возможно, положение стало столь серьезным не сразу: один из афинских остраконов показывает, что в начале V в. до н. э. в Афинах жил и действовал некий Тисандр, сын Исагора⁶¹. Безусловно, это сын именно интересующего нас Исагора, и любопытно, что он не разделил судьбу отца и не подвергся никаким репрессиям. Похоже, причина – «кротость» (πραότης) афинского демоса в первые годы демократии, та «кротость», о которой говорит Аристотель (Ath. pol. 22. 4) и благодаря которой даже некоторые члены рода Писистратидов могли остаться в Афинах. Только после Марафона народ «осмелел» (Ibid. 22. 3), и тогда тем афинским аристократам, у которых имелись компрометирующие связи, пришлось озаботиться их «выкорчевкой». Ко времени Геродота эта задача была в целом выполнена. Легко представить, как информаторы «отца истории» из рода Филаидов отвечали на его вопрос о родовой принадлежности Исагора. «Ах, не знаем, – он был, конечно, знатен, а если говорить точно... Не знаем. Как-то связан с Зевсом Карийским». Что оставалось делать нашему честному историку, как не «передавать то, что рассказывают» (λέγειν τὰ λεγόμενα), в соответствии со своим базовым принципом (VII. 152)?

Итак, в «Истории» Геродота, как мы видели, есть «филайдские» пассажи (IV. 137–138; VI. 34–41; VI. 103–104; VI. 109–110; VI. 132–140; VII. 107), так же как и пассажи «алкмеонидские» (I. 59–64; V. 62–73; VI. 121–131). «Филайдские» пассажи в своей совокупности образуют нечто вроде системы. В них создается целостный образ знатного рода, обладающего отличительными чертами, которые свойственны почти всем его представителям (Мильтиаду Старшему, Кимону Старшему, Гиппоклиду). Эти черты – великодушные, прямота, открытость, граничащая с чрезмерной простотой. Лишь Мильтиад Младший в ряде отношений выступает исключением: от своего первого появления в «эпизоде с мостом» до последнего упоминания о нем в экскурсе о Лемносе он отнюдь не прост и не прям; он человек, которому свойственна μῆτις. Между своим отцом Кимоном «Простаком» (ὁ Κοάλεμος) и своим сыном Кимоном Младшим, который, согласно другим античным авторам⁶², отличался таким же

⁶¹ Phillips 1990: 123 ff.

⁶² См. в особенности: *Plut. Cim.* 4.

характером, Мильтиад выглядит в известном смысле чуждой фигурой. Возможно, это объясняется тем фактом, что, рассказывая о марафонском победителе, Геродот опирался не на какую-то одну традицию, а на несколько разных, из которых не все были дружественны по отношению к Мильтиаду.

Что же касается остальных Филаидов в «Истории», они все похожи (во всяком случае, таково впечатление, от которого трудно избавиться) на двойников современника Геродота – Кимона Младшего, который был «и груб, и прост, но в подвигах велик», как говорит Плутарх (Сим. 4). Этому не приходится удивляться: именно во времена Кимона и вряд ли без его личного воздействия филаидская историческая традиция вполне оформилась и была воспринята Геродотом (через Ферекида или каким-либо иным путем). Филаиды стали, так сказать, «родом Кимонов».

Повлияла ли филаидская (кимоновская) традиция на Геродота также в изложении других событий афинской истории, не связанных напрямую с Филаидами? Хорошо известно, что образ Фемистокла в «Истории» нарисован отнюдь не самыми светлыми красками⁶³. Автор труда, конечно, не может совершенно ниспровергнуть Фемистокла с пьедестала великого человека, но он делает для этого всё, что в его силах. Подобный подход особенно ясно виден при сравнении изображения Фемистокла Геродотом и панегирика тому же политику, написанного Фукидидом (I. 138. 2–3). Если «отец истории» может сказать что-нибудь дурное о Фемистокле – он обязательно говорит, и говорит, похоже, с удовольствием. И наоборот: если он может умолчать о каком-нибудь добром поступке Фемистокла – он и умалчивает.

Так, у Геродота мы не встретим ни слова о деятельности Фемистокла в 490-е гг. до н. э., и из-за этого всё изображение политической ситуации тех дней оказывается сильно искаженным. Ведь Фемистокл стал в 493–492 г. до н. э. эпонимным архонтом Афин⁶⁴ и в период своего архонтства начал строить порт в мире – это было первым шагом его знаменитой морской программы. Однако для Геродота всё это неинтересно и даже как бы не существует. Когда Фемистокл впервые появляется на страницах «Истории», он характеризуется как человек, только недавно выдвинувшийся в ряды ведущих политиков (ἀνὴρ ἐς πρῶτος νεωστὶ παρίων), что очевидным образом неверно.

Интересно, что в целом в труде Геродота Фемистоклу систематически отказывается в том самом хитроумии (μῆτις), которое другие античные авторы считали его главным, принципиальным качеством и которое, как мы видели, в «Истории» связано с другим персонажем – Мильтиадом. Фемистокл настаивает

⁶³ Об образе Фемистокла у Геродота см.: Evans 1991: 75 ff.; Blösel 2001.

⁶⁴ Wade-Gery 1958: 171–179; Fornara 1971a.

вает на том, чтобы дать персам морское сражение при Артемисии, не по продуманным стратегическим соображениям, а просто потому, что он подкуплен эвбейцами (*Herod.* VIII. 4–5). Он оставляет на прибрежных скалах надпись, призывающую греков, что были в войске Ксеркса, изменить царю (VIII. 22), но эта уловка не приносит никакого толка (VIII. 85).

Опять же, исторические решение биться с персами при Саламине не было, согласно Геродоту, идеей самого Фемистокла. Ему посоветовал это его друг Мнесифил⁶⁵, а затем Фемистокл пошел к главнокомандующему Еврибиаду и изложил ему данный план как собственный (VIII. 57–58). В описании самой битвы роль Фемистокла преуменьшается: по ходу всего рассказа он упомянут только один раз, да и то лишь в связи с упреком, который сделал ему некий эгинет Поликрит (VIII. 92). Но вот о чём говорится в подробностях – так это о переписке Фемистокла с Ксерксом. Такая переписка и сама-то по себе выглядела достаточно сомнительно с морально-патриотической точки зрения, а Геродот еще и добавляет, что целью Фемистокла в этом случае было обеспечение себе убежища в Персии, «если его постигнет какая-нибудь беда в Афинах» (VIII. 109).

Весь эпизод, о котором здесь идет речь, был особенно нелицеприятным для репутации Фемистокла. На военном совете после Саламинского сражения он вначале предлагает разрушить Ксерксов мост через Геллеспонт, дабы не дать персам отступить в Азию. Но побеждает мнение Еврибиада: врагу лучше позволить уйти, иначе ситуация для эллинов может стать опасной. Фемистокл тут же меняет точку зрения и передает идею Еврибиада афинянам, причем опять выдает чужой план за собственный. Более того, он советует согражданам восстанавливать дома и обрабатывать земли, разоренные Ксерксом. А эта рекомендация оказывается совсем уж неудачной в свете того, что на следующий год Мардоний вторгся в Аттику и вновь опустошил ее.

«Фемистокл же этой речью хотел обмануть афинян, и они послушались его», – утверждает Геродот (VIII. 110). В подобном контексте слова историка: «Ведь и прежде Фемистокла они считали человеком мудрым, а теперь он действительно оказался умным и проницательным советником», – звучат горькой иронией. Ибо геродотовский Фемистокл отнюдь не мудр и даже не хитроумен, как Мильтиад; он просто обманщик.

Напрашивается интересная параллель между двумя «эпизодами с мостом». В жизни Фемистокла, как видим, тоже есть такой эпизод, как и в жизни Мильтиада, и трудно удержаться от сопоставления. Грек, внимательно читавший «Ис-

⁶⁵ О Мнесифиле см.: Frost 1971. Этой малоизвестной личности иногда даже отказывали в реальном существовании, однако ныне имя Мнесифила прочитано на нескольких остраконах, что является решающим аргументом в пользу его историчности.

торию», мог даже посчитать, что совет Фемистокла разрушить мост – прямое подражание совету Мильтиада. Но насколько же разными людьми оказываются эти двое в похожих ситуациях! И насколько разные последствия повлекло бы претворение в жизнь этих советов (на деле оба, как известно, так и остались нереализованными)! Одно дело – предложить запереть вражескую армию в чужой стране, и совсем иное дело – предложить запереть ее в твоей собственной стране. Последнее, в отличие от первого, никак не может быть признано симптомом большого ума.

Далее у Геродота следует пассаж о знаменитой жадности Фемистокла (VIII. 111–112): афинский политик вымогает деньги с жителей некоторых эгейских островов, причем «тайно от прочих военачальников». Одним словом, информация о Фемистокле получена «отцом истории» почти всюду из традиции, резко негативной по отношению к этому герою. Фактически Фемистокл постоянно противопоставляется Филаидам – и сравнение оказывается не в его пользу. Геродотовский Фемистокл, в одном из своих писем Ксерксу представляющийся как «самый доблестный и мудрый (ἄριστος καὶ σοφώτατος) человек среди союзников (членов Эллинского союза. – И.С.)» (Herod. VIII. 110), именно этими-то качествами не обладает: он не доблестен и не мудр. Нет в нем ни благородной прямоты большинства политиков-Филаидов, ни даже хитроумия Мильтиада Младшего. Есть же в нем лишь склонность к лжи да похвальбе.

Лишь однажды у Геродота случайно проступает совершенно другой облик Фемистокла (VIII. 123–125). Это рассказ о трех взаимосвязанных эпизодах. Первый – голосование эллинских полководцев о том, кто из них оказался лучшим в кампании 480 г. до н. э.: «...Каждый из них положил камешки себе, считая себя самым доблестным. Вторую же награду большинство присудило Фемистоклу. Итак, каждый военачальник получил по одному голосу, Фемистокл же далеко превзошел всех по числу голосов, поданных за вторую награду». Геродот считает, что причиной подобного голосования была зависть (φθόνος) к Фемистоклу, поскольку реально-то лучшим был именно он. «Впрочем, – продолжает историк, – слава Фемистокла как мужа, безусловно умнейшего из эллинов, прогремела по всей Элладе».

Сразу после этого Фемистокл отправился в Спарту, «чтобы получить там почести». Там ему был вручен венок из оливковых ветвей в «награду за мудрость и проницательность (σοφίης δὲ καὶ δεξιότητος)», да и в целом он был почтен спартянами так, как никто до него. Третий и последний эпизод, упоминаемый в данном пассаже, – спор Фемистокла с неким Тимодемом. По ходу спора Фемистокл использует действительно тонкий и остроумный аргумент.

Во всем этом экскурсе он предстает фигурой более неоднозначной, чем в остальных. Демонстрируются также и его достоинства, а не только пороки (хотя находится место и для пороков – тщеславия, хвастовства). Здесь, и толь-

ко здесь, у Геродота образ Фемистокла сравнительно близок к реальному. Уж не потому ли это, что тут описываются экстраординарные почести, оказанные Фемистоклу в Спарте? Филаиды традиционно были друзьями лакедемонян.

Подведем итог в связи с Фемистоклом: кажется вероятным, что представление о нем, воспринятое Геродотом, сложилось в рамках филаидской традиции. Безусловно, такое решение проблемы – не единственно возможное. Не исключено и влияние Алкмеонидов, поскольку последние были врагами Фемистокла не в меньшей степени, чем Филаиды. Но тут уместно рассмотреть, какой образ самих Алкмеонидов создает Геродот, и попытаться проверить, как этот образ соотносится со взглядами Филаидов.

Особенно интересен в данной связи пассаж (*Herod. VI. 121 sqq.*), в котором, как считается, историк выступает «адвокатом» Алкмеонидов. Уже было продемонстрировано, что в этой «апологии» нет никакой сознательно проводимой тенденциозности в пользу Алкмеонидов⁶⁶. Более того, высказывалось и противоположное мнение: «апология Алкмеонидов» у Геродота – вообще не апология, а пародия на такие апологии, полная иронией⁶⁷. «Отец истории» говорит о благородном происхождении Алкмеонидов – а сразу после этого добавляет смешную (и, конечно, выдуманную!⁶⁸) историю о том, как Алкмеон разбогател, посетив двор Креза и поведя себя там отнюдь не самым благородным образом (сравнение рассказа о Крезе и Алкмеоне с рассказом о Крезе и Мильтиаде – не в пользу представителя рода Алкмеонидов). Геродот называет Алкмеонидов главными противниками тиранов (μισοτύραννοι) в Афинах и тут же приводит очередную смешную историю о том, как сын Алкмеона Мегакл сватался к дочери сикионского тирана. Противоречия совершенно очевидны; они никак не могли укрыться ни от автора, ни от читателей.

В самом рассказе о сватовстве, как мы уже видели, Мегакл оказывается только вторым по достоинству среди претендентов, а первым – Филаид Гиппоклид. Гиппоклид в конечном счете проигрывает, но автор подчеркивает: он проиграл не потому, что оказался хуже конкурента, а только потому, что вел себя слишком вольно, а Мегакл был более послушен. Послушание же никаким образом не входило в число качеств, ценимых эллинскими аристократами.

Особенно интересно внимательное прочтение завершающей части геродотовской «апологии» (или псевдо-апологии) Алкмеонидов (VI. 131). «От брака же Мегакла с Агаристой родился Клисфен, который ввел филы и установил демократию в Афинах. Назван он был по имени деда по матери, тирана Сикионского. Так вот, этот Клисфен и Гиппократ были родными сыновьями Мегакла.

⁶⁶ Например: Develin 1985.

⁶⁷ Hart 1982: 12 f.

⁶⁸ Когда Крез вступил на престол в 560 г. до н. э., Алкмеона уже не было в живых.

А у Гиппократы был сын – другой Мегакл – и дочь – другая Агариста (названная по Агаристе, дочери Клисфена [Сикионского. – И.С.]). Она вышла замуж за Ксанטיפпа, сына Арифрона. Когда Агариста ожидала ребенка, то имела видение во сне: ей представилось, что она родит льва. Несколько дней спустя она произвела на свет Перикла».

Этот небольшой отрывок полон ценной информации. Геродот освещает некоторые подробности из прошлого Алкмеонидов – и подробности эти таковы, что Алкмеониды, в частности, тот же Перикл, охотно забыли бы их. Во-первых, подчеркиваются семейные связи Клисфена Афинского и Клисфена Сикионского. Кстати, Геродот делает это и ранее в своем труде (V. 67): реформу фил «Клисфен [Афинский. – И.С.], мне думается, произвел, подражая своему деду с материнской стороны, тирану Сикиона». Во времена Геродота, когда само слово «тирания» стало одиозным, было, мягко говоря, не слишком деликатно указывать на чьи-либо связи с тиранами; а в случае с Клисфеном, имевшим репутацию «отца демократии», стойкого и потомственного борца с тиранией, такое указание должно было выглядеть просто-таки скандально.

Далее упоминается Алкмеонид Гиппократ, брат Клисфена. Казалось бы, незначительная подробность – но и тут есть свои «подводные камни». Имя Гиппократы – не алкмеонидское, оно принадлежало к ономастическому фонду Писистратидов. Отца самого Писистрата звали Гиппократом. Есть интересная, весьма вероятная гипотеза, согласно которой Мегакл назвал одного из своих сыновей именно в честь того самого Гиппократы⁶⁹, и это имело место в 550-х гг. до н. э., в период временного союза между Алкмеонидами и Писистратидами.

У Мегакля и Агаристы были, помимо Клисфена и Гиппократы, также другие сыновья, но Геродот о них ничего не говорит. Ему интересны только эти двое: ведь само упоминание их имен заставляло вспомнить читателей о связях Алкмеонидов с тиранией.

А затем идет родословная Перикла. Был ли Геродот в числе его друзей? Если это так, то в данном случае он поступил не так, как подобало бы другу. Периклу меньше всего были нужны напоминания о его семейных связях с «оскверненным» родом Алкмеонидов. Он рад бы был избавиться от подобного «наследия» и делал для этого всё. Еще с молодости его попрекали фамильным сходством с Писистратом⁷⁰, и ясно, что подобные упреки воспринимались им болезненно (*Plut. Pericl. 7*). И вот теперь родство между двумя афинянами подчеркивается Геродотом. Перикл позиционировал себя как чисто публичную фигуру, стремился отказаться от любых личных отношений (*Plut. loc. cit.*), даже развелся

⁶⁹ Raubitschek 1949: 338 ff.

⁷⁰ Писистрат и Перикл действительно состояли в родстве, см.: Bicknell 1974.

с женой, которая, происходя из Алкмеонидов, являлась его родственницей⁷¹; а теперь его личные связи акцентируются Геродотом. Перикл провел закон, фактически запрещающий афинянам жениться на иноземках, поскольку дети от таких смешанных браков отныне теряли гражданские права; а теперь, опять же, в «Истории» каждый мог прочесть, что Перикл имеет смешанное, а не чисто афинское происхождение.

Наконец, обратимся к знаменитому эпизоду со сном Агаристы. На первый взгляд, рождение льва может восприниматься в позитивном свете, как символ благородства и славы: для нас лев прежде всего животное царственное, геральдическое. Так было и в некоторых древних государствах – но отнюдь не в Афинах! Более того, в этом полисе с его развитой демократией царственная символика была, мягко скажем, не самой приемлемой вещью, неизбежно порождала проблемы.

Дж. Харт совершенно прав, настаивая на двойственной природе образа льва⁷², связанного не только с храбростью, но и с хищническим насилием. Точное значение сна Агаристы не ясно из геродотовского текста. Возможно, что историк сознательно ввел эту двусмысленность. Как бы то ни было, львиная символика подразумевала некую скрытую угрозу. «Не надо львенка в городе воспитывать», – говорит Эсхил в «Лягушках» Аристофана (*Aristoph. Ran.* 1431), причем имеется в виду не кто иной, как Алкивиад – родственник и подопечный Перикла.

Интересным и странным выглядит суждение Цицерона в трактате «О дивинации» (I. 121): *et, si mulier leonem peperisse visa esset, fore ut ab exteris gentibus vinceretur ea res publica, in qua id contigisset* – «Если женщине приснилось, что она родила льва, то государство, в котором это произошло, будет покорено внешними племенами». Цицероновские толкования сновидений взяты через посредство Хрисиппа и Антипатра из сонника Антифонта (*Ibid.* I. 39). Этот Антифонт – автор V в. до н. э., и есть веские основания отождествлять его с Антифонтом – оратором и софистом, видным участником афинской интеллектуальной и политической жизни, лидером переворота «Четырехсот» (411 г. до н. э.)⁷³.

В таком случае данное толкование перестает казаться странным и становится осмысленным. На самом деле, Антифонт был младшим современником Перикла и, несомненно, читал Геродота. Он застал еще и значительную часть Пелопоннесской войны, вплоть до катастрофически закончившейся Сицилийской экспедиции. После провала последней конечное поражение Афин каза-

⁷¹ Об этой стороне политического поведения Перикла см.: Humphreys 1983: 24.

⁷² Hart 1982: 13.

⁷³ О тождестве нескольких носителей имени Антифонт и единстве этой личности см. убедительные аргументы в: Gagarin 1990.

лось неминуемым. Было самое время вспомнить об образе льва у Геродота. Перикл стоял у истоков Пелопоннесской войны, – собственно, его обвиняли в её развязывании, равно как и в афинской эпидемии 420-х гг. до н. э., серьезно ослабившей полис. Трудно сказать, были ли в уме у Геродота все указанные импликации, но исключать этого нельзя. Историк совершенно точно был еще жив в первые годы войны. А может быть, и не только в первые: достаточно серьезные аргументы приводились в пользу публикации его труда около 414 г. до н. э.⁷⁴ Можно только гадать, кто первым написал о «сне со львом» – Геродот или Антифонт. Последний никаким образом не относился к сторонникам Перикла и его политики. Есть вероятность, что именно он, используя символический образ, показывал ее опасность для государства, а Геродот использовал эту информацию.

Итак, чего мы не находим в «Истории», так это симпатии к Периклу. Вся «апология Алкмеонидов», рассмотренная выше, оказывается пассажем, ни в малейшей мере не защищающим ни Алкмеонидов, ни Перикла (хоть часто ее и воспринимают именно в этом смысле). Еще менее «про-алкмеонидскими» являются другие экскурсы Геродота об этом роде. В них мы встречаем такие фигуры, как Мегакл, который то дружит, то враждует с тираном и к тому же грубо обманывает народ, или как Клисфен, который подкупает дельфийскую пифию в политических целях⁷⁵, подражает своей реформой фил сикионскому тирану, а также тайно бежит из Афин, страшаясь спартанца Клеомена (кстати, вот опять два симметричных эпизода: бегство Клисфена из Афин и его последующее возвращение афинянами – бегство Мильтиада с Херсонеса и его последующее возвращение долонками). Вообще бросается в глаза уже то, что такой видный деятель, как Клисфен, великий реформатор и «отец демократии», в труде Геродота выступает каким-то очень расплывчатым персонажем⁷⁶ (поэтому таковым он и остался для всей последующей традиции).

В целом, эпизоды с Филаидами в «Истории» выглядят куда более живо и выразительно, чем эпизоды с Алкмеонидами. Члены рода Филаидов изображены с большей детальностью, жизненностью и явно с большей симпатией⁷⁷. Иными словами, родовая традиция Филаидов была для Геродота более значимой и повлияла на него в большей степени. Коль скоро уж определять Геродота как историка «алкмеонидского» или «филайдского» (разумеется, если подоб-

⁷⁴ Fornara 1971b.

⁷⁵ «Как говорят афиняне» (*Herod. V. 63*). Афиняне, которые говорили это Геродоту, уж точно принадлежали не к Алкмеонидам, а к их врагам (скорее всего, опять же к Филаидам).

⁷⁶ См. к проблеме: Mures 1932.

⁷⁷ Нам непонятно поэтому, почему Г. Бенгтсон считает Геродота автором, враждебным Филаидам: Bengtson 1939: 51 f.

ная постановка вопроса вообще может считаться корректной), то верным будет второе. И это неудивительно, если учитывать, например, дружбу Геродота с Софоклом⁷⁸, который отнюдь не относился к числу сторонников Перикла⁷⁹ (скорее уж к сторонникам Кимона)⁸⁰, или тот факт, что «отец истории» принял активное участие в основании Фурий в Южной Италии. Этот последний проект, хотя он обычно и ассоциируется с Периклом, на деле первоначально был выдвинут Фукидидом, сыном Мелесия, – лидером группировки Филаидов после Кимона и главным соперником Перикла в 440-е гг. до н. э.; сам же Перикл лишь перехватил и присвоил инициативу Фукидида⁸¹.

РЕЗЮМЕ

Связи Геродота с Афинами не вызывают никакого сомнения. Его «История» во многих отношениях написана с афинских позиций. Историка часто считают членом знаменитого «кружка интеллектуалов», группировавшегося вокруг Перикла. Перикл по материнской линии принадлежал к знатному роду Алкмеонидов, и многие исследователи видят в Геродоте автора, писавшего в интересах этого рода. Однако в действительности именно симпатии к Периклу мы совсем не находим в «Истории». Так называемая «геродотовская апология Алкмеонидов» на деле ни в малейшей мере не является таковой. Гораздо более живые и выразительные пассажи дает Геродот о другом афинском знатном роде – Филаидах. Члены этого рода обрисованы детальнее, жизненнее и с большим сочувствием. Иными словами, родовая традиция Филаидов значила для «отца истории» больше и повлияла на него в большей степени. Коль скоро уж ставить вопрос, был ли Геродот «алкмеонидским» или «филайдским» историком (разумеется, если этот вопрос вообще корректен), верным ответом будет второй. И это неудивительно, если учитывать, например, дружбу Геродота с Софоклом, не входившим в число сторонников Перикла (скорей уж сторонников Кимона), или тот факт, что Геродот был одним из ведущих участников проекта по основанию Фурий в Южной Италии. Сам этот проект, хоть он и ассоциируется обычно с Периклом, в действительности вначале был связан с Фукидидом, сыном Мелесия, – лидером группировки Филаидов после смерти Кимона и главным соперником Перикла в те годы.

Ключевые слова: Афины, Геродот, историописание, аристократия, устные традиции, Филаиды, Алкмеониды, Мильтиад, Кимон

⁷⁸ Egermann 1962.

⁷⁹ В 411 г. до н. э. Софокл принял участие в олигархическом перевороте Четырехсот. См.: Jameson 1971. Сторонника Перикла нельзя представить в подобной роли.

⁸⁰ Известно, что Кимон благоволил Софоклу в начале карьеры этого драматурга. Проблема «Софокл и Перикл» сама по себе, разумеется, слишком обширна, чтобы можно было ее здесь подробно рассматривать. См.: Macurdy 1942; Ehrenberg 1954; Schachermeyr 1979.

⁸¹ См. великолепную статью Г. Уэйд-Гери «Фукидид, сын Мелесия» в: Wade-Gery 1958: 239–270.

HERODOTUS AND THE PHILAIDS

I. E. Surikov

Herodotus' Athenian connections are beyond any doubt. In many aspects, his "Histories" were written from the Athenian point of view. The historian is often thought to have been a member of the famous "Pericles' circle of intellectuals". From his mother's side Pericles came of the noble Alcmeonid family, and many researchers consider Herodotus a "pro-Alcmeonid" author. However, in fact, what we don't find at all in the "Histories" is sympathy for Pericles. The so-called Herodotus' apology for the Alcmeonids proves to be not in a slightest degree a pro-Alcmeonid and pro-Periclean passage. Much more vivid and expressive are Herodotus' passages on another Athenian aristocratic family, the Philaids. Members of that family are pictured in more detail, livelier and with more sympathy. In other words, the Philaid family tradition meant more for Herodotus and influenced him in a greater degree. If we try to answer a question whether he was an "Alcmeonid" or a "Philaid" historian (surely if this choice is correct at all) the right answer will be the latter. No surprise if we take into account, for instance, Herodotus' friendship with Sophocles who was not among Pericles' supporters (rather among those of Cimon), or the fact that the "Father of History" took a leading part in the foundation of Thurii in South Italy. This latter project, although usually associated with Pericles, in fact belonged initially to Thucydides son of Melesias, the leader of the Philaid faction after Cimon and the main rival of Pericles in those years.

Keywords: Athens, Herodotus, historiography, aristocracy, oral traditions, the Philaids, the Alcmeonids, Miltiades, Cimon

ЛИТЕРАТУРА

- Кудрявцева Т.В.* 2008: Народный суд в демократических Афинах. СПб.
- Первалов С.М.* 2010: Древнейшее упоминание имени «Кавказ» в античной литературе // *Gaudeamus igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова.* М., 2010. С. 310–317.
- Строгецкий В.М.* 1977: Геродот и Алкмеониды // *ВДИ.* № 3. С. 145–155.
- Суриков И.Е.* 2009а: Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // *Вопросы эпиграфики.* Вып. 3. С. 102–127.
- Суриков И.Е.* 2009б: Афинская аристократия и Олимпийские игры (просопографический этюд) // *Норция.* Вып. 6. Воронеж. С. 21–38.
- Суриков И.Е.* 2010: Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин) // *Античный мир и археология.* 14. С. 20–48.
- Alexander J.W.* 1959: The Marriage of Megacles // *Classical Journal.* 55. P. 129–134.
- Badian E.* 1993: From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore; London.

- Barth H.* 1969: Einzelpersönlichkeit und Kollektive im Geschichtswerk des Herodot // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock*. 18. S. 313–316.
- Bengtson H.* 1939: Einzelpersönlichkeit und athenischer Staat zur Zeit des Peisistratos und des Miltiades. München.
- Bicknell P.J.* 1972: *Studies in Athenian Politics and Genealogy*. Wiesbaden.
- Bicknell P.J.* 1974: Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // *Historia*. 23. S. 146–163.
- Blösel W.* 2001: The Herodotean Picture of Themistocles: A Mirror of Fifth-century Athens // *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxford. P. 179–197.
- Boegehold A.L. et al.* 1995: *The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora XXVIII)*. Princeton.
- Bourriot F.* 1976: *Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Periodes archaïque et classique*. Lille; Paris.
- Bowra C.M.* 1971: *Periclean Athens*. New York.
- Bradeen D.* 1964: The Fifth-Century Archon List // *Hesperia*. 32. P. 187–208.
- Brenne S.* 2001: Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien.
- Camp J. M.* 1994: Before Democracy: Alkmaionidai and Peisistratidai // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxford. P. 7–12.
- Carawan E.M.* 1987: Eisangelia and Euthyna: the Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // *GRBS*. 28. P. 167–208.
- Cataudella M.R.* 1964: Erodoto e la cronologia dei Cipselidi // *Maia*. 16. P. 204–225.
- Davies J.K.* 1971: *Athenian Propertied Families, 600–300 B.C.* Oxford.
- Delvoye Ch.* 1978: Art et politique à Athènes à l'époque de Cimon // *Le monde grec: Homages à Claire Préaux*. Bruxelles. P. 801–807.
- Develin R.* 1985: Herodotos and the Alkmeonids // *The Craft of the Ancient Historian*. Lanham. P. 125–139.
- Develin R.* 1989: *Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge.
- Dickie M.W.* 1979: Pindar's Seventh Pythian and the Status of the Alcmaeonids as oikos or genos // *Phoenix*. 33. P. 193–209.
- Egermann F.* 1962: Herodot – Sophokles. Hohe Arete // *Herodot: Eine Auswahl aus der neueren Forschung*. München. S. 249–255.
- Ehrenberg V.* 1954: *Sophocles and Pericles*. Oxford.
- Ehrenberg V.* 1968: *From Solon to Socrates: Greek History and Civilization during the 6th and 5th Centuries B.C.* L.
- Evans J.A.S.* 1991: *Herodotus, Explorer of the Past: Three Essays*. Princeton.
- Fornara Ch. W.* 1968: Hellanicus and an Alcmaeonid Tradition // *Historia*. 17. S. 381–383.
- Fornara Ch. W.* 1971a: Themistocles' Archonship // *Historia*. 20. S. 534–540.
- Fornara Ch. W.* 1971b: Evidence for the Date of Herodotus' Publication // *JHS*. 91. P. 25–34.
- Forsdyke S.* 2001: Athenian Democratic Ideology and Herodotus' Histories // *AJPh*. 122. P. 329–358.

- Fowler R.* 2003: Herodotos and Athens // Herodotus and his World. Oxford. P. 303–318.
- Frost F.J.* 1971: Themistokles and Mnesiphilus // *Historia*. 20. S. 20–25.
- Frost F.J.* 1996: Faith, Authority, and History in Early Athens // Religion and Power in the Ancient Greek World. Uppsala. P. 83–89.
- Funke P.* 2004: Herodotus and the Major Sanctuaries of the Greek World // The World of Herodotus. Nicosia. P. 159–167.
- Gagarin M.* 1981: The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // TAPhA. 111. P. 71–77.
- Gagarin M.* 1990: The Ancient Tradition on the Identity of Antiphon // GRBS. 31. P. 27–44.
- Gernet L.* 1968: Anthropologie de la Grèce antique. Paris.
- Ghinatti F.* 1970: I gruppi politici ateniese fino alle guerre persiane. Roma.
- Graham A.J.* 1964: Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester.
- Graham A.J.* 1982: The Colonial Expansion of Greece // CAHI. Vol. 3. Pt. 3. P. 83–162.
- Hammond N.G.L.* 1956: The Philaids and the Chersonese // Classical Quarterly. 6. P. 113–129.
- Hansen M.H.* 1975: Eisangelia: The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians. Odense.
- Hart J.* 1982: Herodotus and Greek History. London.
- Harvey F.D.* 1966: The Political Sympathies of Herodotus // *Historia*. 15. S. 254–255.
- Heskel J.* 1997: The North Aegean Wars, 371–360 B.C. Stuttgart.
- Hignett C.* 1952: A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B.C. Oxford.
- Hopper R.J.* 1961: "Plain", "Shore" and "Hill" in Early Athens // ABSA. 56. P. 189–219.
- Humphreys S.C.* 1983: The Family, Women and Dead: Comparative Studies. London.
- Isaac B.* 1986: The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden.
- Jacoby F.* 1956: Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung. Leiden.
- Jameson M.H.* 1971: Sophocles and the Four Hundred // *Historia*. 20. S. 541–568.
- Jordan B.* 1970: Herodotos 5. 71. 2 and the Naukraroi of Athens // CSCA. 3. P. 153–175.
- Kagan D.* 1961: The Origin and Purposes of Ostracism // *Hesperia*. 30. P. 393–401.
- Kluwe E.* 1972: Bemerkungen zu den Diskussionen über die drei 'Parteien' in Attika zur Zeit der Machtergreifung des Peisistratos // *Klio*. 54. S. 101–124.
- Knox R.A.* 1985: 'So Mischievous a Beast'? The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians // *Greece & Rome*. 32. P. 132–161.
- Krawczuk A.* 1968: Herodot i Alkmeonidzi // *Przegląd historyczny*. 59. S. 406–415.
- Lachenaud G.* 1978: Mythologies, religion et philosophie de l'histoire dans Hérodote. Lille.
- Lavelle B.M.* 1988: Herodotus and the Tyrant-Slayers // *RhM*. 131. S. 211–215.
- Lavelle B.M.* 1993: The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560–510 B.C. Stuttgart.
- Lendle O.* 1992: Einführung in die griechische Geschichtsschreibung. Darmstadt.
- Lévêque P.* 1978: Formes des contradictions et voies de développement a Athènes de Solon a Clisthène // *Historia*. 27. S. 522–548.

- Link S.* 2000: Das Paros-Abenteuer des Miltiades (Hdt. 6, 132–136) // *Klio*. 82. P. 40–53.
- Littman R.J.* 1990: Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. New York.
- McCargar D.J.* 1974: Isagoras, Son of Teisandros, and Isagoras, Eponymous Archon of 508/7: A Case of Mistaken Identity // *Phoenix*. 28. P. 275–281.
- Macurdy G.H.* 1942: References to Thucydides, Son of Melesias, and to Pericles in Sophocles OT 863–910 // *Classical Philology*. 37. P. 307–310.
- Mansel A.M.* 1964: Halikarnassos // *Der Kleine Pauly*. Bd. 2. Sp. 922–924.
- Meritt B.D.* 1939: An Early Archon List // *Hesperia*. 8. P. 59–65.
- Mikalson J.D.* 2002: Religion in Herodotus // *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden, P. 187–198.
- Mikalson J.D.* 2003: Herodotus and Religion in the Persian Wars. Chapel Hill.
- Moles J.* 2002: Herodotus and Athens // *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden. P. 33–52.
- Momigliano A.* 1987: The Historians of the Classical World and their Audiences: Some Suggestions // *Annali della Scuola normale superiore di Pisa, Classe di lettere e filosofia*. 8. P. 59–75.
- Moretti L.* 1957: Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. Roma.
- Mossé C.* 1964: Classes sociales et régionalisme à Athènes au début du VIe siècle // *L'antiquité classique*. 33. P. 401–413.
- Murray O.* 1993: Early Greece. 2 ed. London.
- Myres J.L.* 1932: Cleisthenes in Herodotus // *Mélanges Gustave Glotz*. Vol. 2. Paris. P. 657–666.
- Osborne R.* 1996: Greece in the Making, 1200–479 B.C. London; New York.
- Ostwald M.* 1991: Herodotus and Athens // *Illinois Classical Studies*. 16. P. 111–124.
- Phillips D.J.* 1990: Observations on some Ostraka from the Athenian Agora // *ZPE*. 83. S. 123–148.
- Prontera F.* 1981: Gli Alcmeonidi a Delfi: un' ipotesi su Erodoto I, 51, 3–4 // *Revue archéologique*. 2. P. 253–258.
- Raubitschek A.E.* 1949: Dedications from the Athenian Akropolis. Cambridge (Mass.).
- Roussel D.* 1976: Tribu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique. Paris.
- Ruschenbusch E.* 2002: Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen // *Klio*. 82. S. 335–343.
- Schachermeyr F.* 1938: Philaidai // *RE*. Bd. 38. Sp. 2113–2121.
- Schachermeyr F.* 1979: Sophokles und die perikleische Politik // *Perikles und seine Zeit*. Darmstadt. S. 359–378.
- Schefold K.* 1946: Kleisthenes: Der Anteil der Kunst an der Gestaltung des jungen attischen Freistaates // *Museum Helveticum*. 3. P. 59–93.
- Schwartz J.* 1969: Hérodote et Périclès // *Historia*. 18. S. 367–370.
- Sealey R.* 1960: Regionalism in Archaic Athens // *Historia*. 9. S. 155–180.
- Sealey R.* 1976: A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley.

-
- Shapiro H.A.* 1992: Theseus in Kimonian Athens: The Iconography of Empire // *Mediterranean Historical Review*. 7. P. 29–49.
- Shimron B.* 1989: Politics and Belief in Herodotus. Stuttgart.
- Stadter Ph. A.* 1991: Pericles among the Intellectuals // *Illinois Classical Studies*. 16. P. 111–124.
- Stahl M.* 1987: Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen. Stuttgart.
- Strasburger H.* 1955: Herodot und das perikleische Athen // *Historia*. 4. S. 1–25.
- Surikov I.E.* 2004: Athenian Nobles and the Olympic Games // *Mésogeios*. 24. P. 185–208.
- Vanotti G.* 1991: L'immagine di Milziade nell'elaborazione propagandistica del V e del IV secolo a.C. // *L'immagine dell'uomo politico: vita pubblica e morale nell'antichità*. Milano. P. 15–31.
- Wade-Gery H.T.* 1958: *Essays in Greek History*. Oxford.
- Welwei K-W.* 2000: Die Entwicklung des Gerichtswesens im antiken Athen: von Solon bis zum Ende des 5. Jahrhunderts v.Chr. // *Große Prozesse im antiken Athen*. München. S. 15–29.
- Will W.* 2003: *Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held*. Bonn.

Г.Р. Цецхладзе

ПЕССИНУНТ: ГОРОД-ХРАМ ВЕЛИКОЙ БОГИНИ МАТЕРИ КИБЕЛЫ

В древнем мире не было более популярного и распространенного культа женского божества, чем культ Великой Богини Матери, известной под именем Кибелы. Первоначально она была фригийской богиней, но также почиталась в Лидии обеими великими империями начала первого тысячелетия до н. э. К V в. до н. э. ее культ, в эллинизированной форме, проникает в Грецию, где она почитается как Великая Богиня Мать, а с 204/205 г. до н. э. культ богини появляется в Риме, где в ее честь воздвигается храм. Из Рима культ Кибелы, почитавшейся здесь под именем МАТЕР МАГНА, распространяется по Римской империи, став со временем одним из самых популярных религиозных культов в античном мире. Беспрецедентную популярность этого культа можно объяснить функциями самого божества: она была царицей, или владычицей своего народа, ответственной за его благополучие как богиня плодородия, кроме того, она была также богиней-целительницей и защитницей во время войны, хозяйкой гор и повелительницей дикой природы. Ее ранние изображения имеют некоторые неохеттские черты.

По-видимому, важной частью этого культа была вера в бессмертие, загробная жизнь толковалась как воссоединение с Матерью-Землей. Как в мифологии, так позднее и в самом культе, имя богини связывалось с ее юным возлюбленным Аттисом, который со временем и сам становится божеством, а вместе с богиней они почитаются как астральные и космические силы. Большей частью в греко-римской иконографии Кибела изображается сидящей на троне, с венцом в виде городской стены, в руках ее кубок и тимпан, по обе стороны ее трона сидят львы (иногда лев помещен на ее коленях).

Где возник этот культ? Каким образом он распространялся по Анатолии, а затем по Средиземноморью? Согласно сведениям, сообщаемым нам греческими и римскими авторами (*Diod. Sic.* 3. 59. 8; *Strabo.* 12. 9. 3; *Cicero.* *Nar. Resp.* 13. 28–29; *Amm. Marc.* 22. 9. 6–7; etc.), источником этого культа был Пессинунт, находящийся в центральной Анатолии, в 150 км на юго-запад от Анкары и примерно в 100 км от Эскишехира (*рис. 1*). Он был основан в VIII в. до н. э. полумифическим царем Фригии Мидасом в качестве священного города культа Кибелы. Здесь построили ее главное святилище, которое стало центром города-храма. Династия пергамских Атталидов, под власть которых попал город, перестроила святилище Кибелы, добавив к нему портики из белого мрамора. В конце III в. до н. э. культовый камень Кибелы, который, как говорили, упал когда-то с неба, был перевезен из Пессинунта в Рим и установлен в храме Виктории на Палатинском холме. К 25 г. до н. э., ко времени, когда Август образовал провинцию Галатию, Пессинунт уже был римским владением. В 362 г. н. э. император Юлиан священнодействовал в Пессинунте.

Таким образом, как священный город Кибелы, Пессинунт имеет ключевое значение для понимания ее культа и того, как он распространялся далее. Французский путешественник Шарль Тексье (*Charles Texier*) в 1834 г. оказался первым, кто посетил деревню Баллихисар (*Ballihisar*) (ок. 150 км на юго-запад от Анкары) и идентифицировал древние руины с Пессинунтом. Он составил карту местности, в которую включил собственные причудливые реконструкции монументальных строений, руины которых он здесь увидел. В 1882 г. К. Гуманн (*Karl Humann*) также посетил эту деревню и сделал зарисовку того, что еще было на поверхности. И до того, и после жители деревни разбирали древние руины на камни для собственных домов – эти камни и сейчас еще можно увидеть во многих деревенских постройках. В 1967 г. Университет Гента начал здесь раскопки с целью локализовать и раскопать знаменитое святилище, позднее известное как храм Кибелы. Это святилище до сих пор не обнаружено. Основная трудность состоит в том, что древний город находится под нынешней деревней, и, следовательно, раскопки возможны только в тех местах, которые еще не застроены и не лежат на пути современных дорог (*рис. 2*).

Раскопки Пессинунта, проводившиеся археологами из Университета Гента (Бельгия) в 1967–1973 гг. под руководством профессора П. Ламбрехтса (*P. Lambrechts*) и в 1987–2008 гг. под руководством профессора И. Деврекера (*J. Devreker*) были сконцентрированы на эллинистическом (кон. IV – кон. I в. до н. э.), римском (втор. пол. I в. до н. э. – втор. пол. V в. н. э.) и ранне-византийском (VI–X/XI вв. н. э.) Пессинунте. Однако практически ничего не известно о городе с момента его основания до IV в. до н. э.

У нас есть более или менее ясная картина Пессинунта в эллинистический, римский и ранневизантийский периоды: результаты, добытые в ходе раскопок бельгийских археологов, подкрепляются надписями, найденными в Пессинунте, и сведениями древних авторов (рис. 3).

Основные результаты работы бельгийской экспедиции концентрировались на «храмовом участке», где раскопаны очень хорошо сохранившиеся остатки храма греческого типа императорской эпохи. Возведение этого храма началось вскоре после смерти Августа и было завершено при Тиберии (14–37 гг. н. э.) (рис. 4–5); так называемый «лестничный театр» (Stairway Theater); «площадь с колоннадой»; «Северовский театр» и др. (рис. 6). Другим достижением бельгийских раскопок было открытие главной улицы города, которая шла вдоль долины р. Галл и, вероятно, служила каналом во время сезона дождей (рис. 7). В некоторых частях современной деревни были раскопаны остатки позднеэллинистических, римских и византийских домов (рис. 8), мастерских, византийского храма и крепости. Во всех этих постройках использовались местный камень и мрамор – мраморная каменоломня обнаружена в 12 км от города. Пессинунт находится в широкой долине в окружении холмов, служивших в античности кладбищем. Идентифицированы и частично раскопаны три или четыре некрополя (рис. 3). Погребения датируются III–II вв. до н. э. и более поздним временем, многие из них помещались в мраморные саркофаги с богатым погребальным инвентарем.

Когда же Пессинунт был впервые заселен? Самое раннее свидетельство его заселения – это фрагмент древнехеттского кувшина, датирующийся ок. 1600 г. до н. э. Он был обнаружен в основном раскопе так называемого «храмового участка». Здесь также присутствует зола. Она датируется методом радиоуглеродного анализа ок. 1500 г. до н. э. Эти данные указывают на то, что местность была заселена, по крайней мере, с середины второго тысячелетия до н. э. В том же раскопе была обнаружена бронзовая фригийская фибула (рис. 9), а также остатки каменных стен и керамика, датирующиеся средне – и позднефригийской эпохой (VI–IV вв. до н. э.) (рис. 10). Главный вопрос состоит в следующем: где искать остатки поселения VIII–VII вв. до н. э. и, не в последнюю очередь, где находилось знаменитое святилище Кибелы, основанное, по свидетельству древних авторов, царем Мидасом? Является ли древним Пессинунтом то поселение, на котором был найден эллинистический, римский и ранневизантийский Пессинунт, или информация о Пессинунте и об основании святилища Кибелы Мидасом, сообщаемая древними писателями, является фикцией? Не следует забывать, что самые ранние сведения о Пессинунте находятся в сочинениях Феопомпа, автора IV века до н. э., чей труд дошел до нас в историческом произведении Аммиана

Марцеллина. Таким образом, множество вопросов относительно фригийского Пессинунта остаются без ответа, и участники проекта Мельбурнского университета надеются найти ответ хотя бы на некоторые из них.

Скальные гробницы, фасады и другие видимые остатки фригийского присутствия были обнаружены в четырех местах, в 8–14 км от Баллихсара (Пессинунт). Самое важное – в деревне Текёрен (Tekören), в 8 км от Пессинунта, фригийская камерная гробница (рис. 11), трехступенчатый алтарь (рис. 12) и цистерна (рис. 13), датирующиеся VIII–VI вв. до н. э.

Границы самого города и внешней территории, находившейся под его контролем, неизвестны. Согласно общему мнению, его территория была весьма обширной, хотя это обстоятельство, возможно, верно только для территории Пессинунта в эллинистическую, римскую и византийскую эпохи. Она была ограничена с севера и востока горой Диндим (Günyüzü Dagi), а с юга и запада – рекой Сангарием и включает в себя Бабе Чесме (Babe Çesme, в 2 км к востоку от Сиврихасара), Истиклалбаги, Динек, Чайкоз (Çaykoz) и Карачаёрен (7–10 км от Баллихисара по дуге с северо-востока на юго-восток). Далее пограничный камень, найденный недалеко от Пессинунта, указывает на то, что Истиклалбаги входил в эту территорию, а фрагмент императорского письма, также обнаруженный недалеко от Пессинунта, свидетельствует о том же относительно Текёрена. Памятники, найденные на вершине горы Диндим, не могут с определенностью быть привязаны к Пессинунту, хотя, должно быть, они и имеют некоторую связь с культом Кибелы. Разысканиями археологической экспедиции Мельбурнского университета 2010 г. установлено, что Пессинунт римской эпохи, включая некрополь, занимал площадь свыше 100 га.

Обычно эллинистическо-римские города в Анатолии и Малой Азии имели городские стены, однако в Пессинунте до сих пор стены не локализованы. Впрочем, наиболее вероятно то, что город был защищен сторожевыми башнями, расположенными в стратегически важных местах по краю глубокой долины, в которой Пессинунт находился (по результатам Мельбурнской экспедиции 2009–2010 гг.).

На северном склоне к востоку от современной деревни находится театр, который, как считается, был построен или перестроен в эпоху римского императора Адриана (117–138 гг. до н. э.) и мог вмещать 8 тысяч зрителей. Мраморные сидения были полностью разобраны местным населением за последние двести лет.

Между археологической базой и Исследовательским центром Пессинунта, которые располагаются на холме, возвышающемся над деревней, обнаружена стена монументальной постройки, которая идентифицируется как

«позднеримское здание» (рис. 14). Это место было частично раскопано в 1960-х гг.

На вершине холма Хамамтепе (1600 м над уровнем моря), расположенном на расстоянии около 8 км от Пессинунта, ясно видны оборонительные стены и остатки монументальных строений. В его центре находится большая вырезанная в скале цистерна. Керамика, собранная с поверхности, датируется от раннего железного века до оттоманской эпохи.

Считается, что с начала II в. до н. э. город подвергся трансформации из города-храма (рис. 15) в *полис* греческого типа, развившись в город греко-римского образца, широко известного по всей Анатолии. Были построены монументальные здания: храмовый комплекс, гимнасий, театры, площадь с колоннадой и т. д. Пессинунт, кроме того, начал чеканку собственной монеты.

После ухода в отставку И. Деврекера раскопки в Пессинунте, начиная с 2009 г., продолжил Университет Мельбурна (Австралия) под руководством Г.Р. Цецхладзе. Мельбурнская экспедиция в Пессинунте привлекает к своей работе исследователей и специалистов из различных областей знания. Наряду с раскопками и археологическими разведками, экспедиция применяет методы геофизических и палеогеографических наук. Важной стороной проекта является участие в нем студентов и аспирантов университетов Австралии, Турции и других стран, которые получают ценнейший опыт полевых археологических работ и поощряются к фундаментальным исследованиям на основе пессинунтского материала.

Университет Мельбурна провел свой первый полевой сезон в 2009 г. В раскопках принимали участие исследователи, студенты и аспиранты из Австралии, Бельгии, Турции, Великобритании и США. Был проведен значительный объем геофизических работ, сконцентрированных главным образом в отдаленных областях Пессинунта и окружающей его территории (Текёрен). находка мраморного римского архитрава с греческой надписью еще раз подтвердила предположение, что в Пессинунте римского времени были монументальные постройки (рис. 16).

Второй полевой сезон Мельбурнского университета 2010 г. был занят раскопками, разведками, геофизическими исследованиями, изучением новых и старых эпиграфических памятников и т. д. В нем участвовали австралийские, турецкие, британские, немецкие и французские ученые, студенты и аспиранты.

(Перевод с англ.: А.В. Белоусов)

РЕЗЮМЕ

В статье дается обзор современного этапа археологических разысканий в Пессинунте (Центральная Анатолия), в городе-святилище Кибелы. Анализируются причины популярности ее культа в Анатолии и факторы, способствовавшие его распространению в Средиземноморье. Автор суммирует главные достижения раскопок, проводившихся в Пессинунте и на окружающей его территории экспедицией Гентского университета в 1967-2008 гг. (с перерывами) и рассказывает о результатах двух сезонов раскопок археологической экспедиции Мельбурнского университета.

Ключевые слова: Анатолия, Кибела, Пессинунт, Фригия, Великая Мать Богиня

PESSINUS: TEMPLE CITY OF THE GREAT MOTHER GODDESS CYBELE

Gocha R. Tsetskhladze

The article introduces Pessinus in Central Anatolia, the site of the temple-city of Cybele. It presents the reasons for the popularity of her cult in Anatolia and for its spreading throughout the Mediterranean. It summarises the main achievements of the Ghent University team, which investigated Pessinus and surrounding territory between 1967 and 2008 (with interruptions), and outlines the results of the first two seasons of the excavations conducted by the University of Melbourne and future plans.

Keywords: Anatolia, Cybele, Pessinus, Phrygia, Great Mother Goddess

ЛИТЕРАТУРА

Ежегодные предварительные археологические отчеты публикуются в *Kazi Sonuçlar Toplantısı* (ежегодно выпускаемые Турецким Министерством Культуры и Туризма) и в *Anatolia Antiqua* (ежегодник Французского Института Анатолийских Исследований в Стамбуле).

Claerhout I. and Devreker J. 2008: Pessinus: An Archaeological Guide. Istanbul.

Devreker J., Thoen H. and Vermeulen F. 1995: The Imperial Sanctuary at Pessinus and its Predecessors: A Revision // *Anatolia Antiqua*. III. P. 125–144.

Devreker J., Thoen H. and Vermeulen F. 2003: Excavations in Pessinus: the so-called Acropolis. From Hellenistic and Roman cemetery to Byzantine castle (Archaeological Reports Ghent University, 1). Ghent.

Devreker J. and Vermeulen F. 1991: Phrygians in the Neighbourhood of Pessinus (Turkey) // *Liber Amicorum A.E. Nenquin (Studia Archaeologica)* / Ed. by H. Thoen et al. Ghent. P. 109–117.

Devreker J. and Waelkens M. 1984: Les Fouilles de la Rijksuniversiteit de Gent a Pessinonte,

- 1967–1973 I, Hommage à Pieter Lambrechts (Dissertationes Archaeologicae Gandenses, XXII). Bruges.
- Strobel K.* 2010: Ist das phrygische Kultzentrum der Matar mit dem hellenistischen und römischen Pessinus identisch? Zur Geographie des Tempelstaates von Pessinus // *Orbis Terrarum*. 9 (2003–2007). P. 207–228.
- Strubbe J. (ed.)* 2005: The Inscriptions of Pessinus (Inscripfen Griechischer Städte aus Kleinasien, 66). Bonn.
- Thoen H.* 2002: Dating the Temple Area: the Evidence of the Finds // *Anatolia Antiqua*. X. P. 145–154.
- Tsetsckhladze G.* 2009: Notes on Phrygian Pessinus // *Studies in Honour of Altan Cilingiroglu: A Life Dedicated to Urartu on the Shores of the Upper Sea* / Ed. by H. Saglamtimur, E. Abay, Z. Derin, A.Ü. Erdem, A. Batmaz, F. Dedeogly, M. Erdalkiran, M.B. Bastrük and E. Konakci. Istanbul. P. 703–717.
- Tsetsckhladze G. (ed.)* Pessinus. Oxford. (в печати)
- Verlinde A.* 2010: Monumental Architecture in Hellenistic and Judo-Claudian Pessinus // *BABESCH*. 85. P. 111–139.
- Vermeulen F., Devreker J. and Demulder G.* 1998: Urban Developments in Early Byzantine Pessinus (Asia Minor) // *Acta XIII Congressus Internationalis Archaeologiae Christianae III*. Vatican City; Split. P. 787–796.
- Waelkens M.* 1986: The Imperial Sanctuary at Pessinus: Epigraphical and Numismatic Evidence for its Date and Identification // *Epigraphica Anatolica*. VII. P. 37–72.

Рис. 1.
Расположение Пессинунта

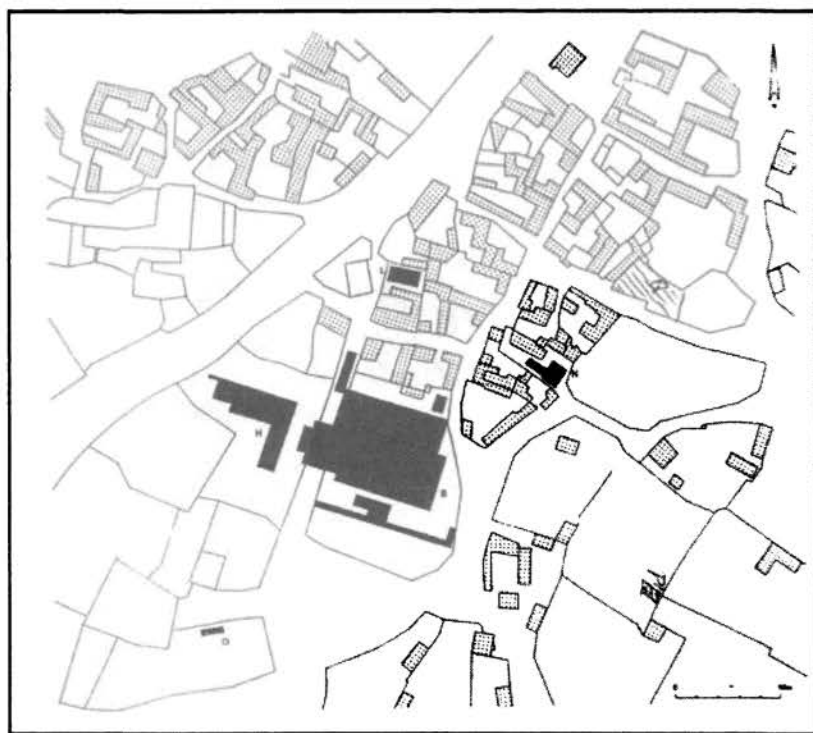

Рис. 2.
Секторы раскопок в центре современной деревни.
Раскопы отмечены черным, современные здания точками

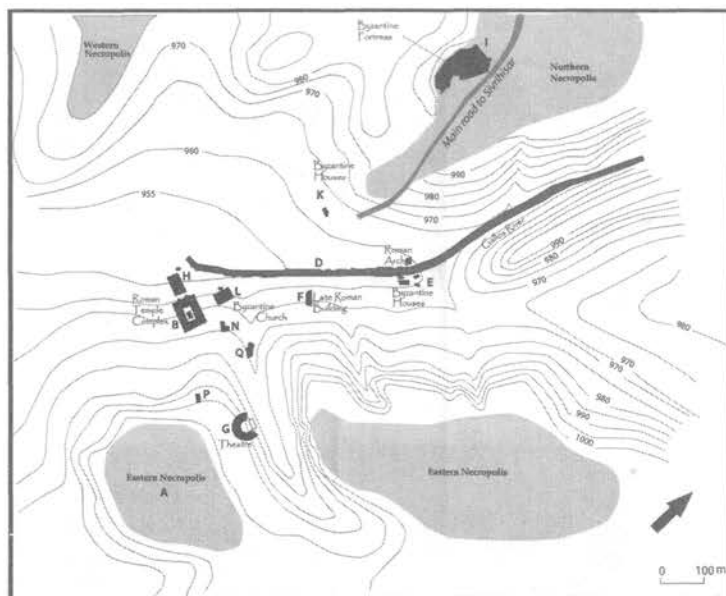

Рис. 3.
Общий план раскапываемых площадей в центре Пессинунта
и в его окрестностях

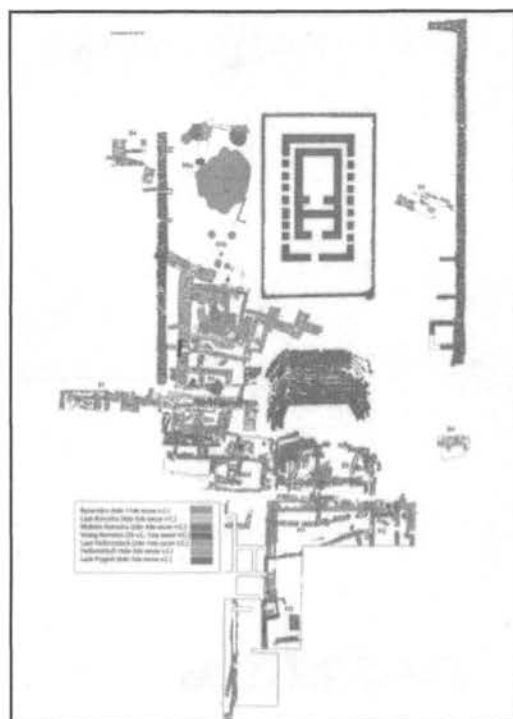

Рис. 4.
Общий план «храмового участка» («Римский
храмовый комплекс»). План ориентрован
на восток

Рис. 5.

Угол храма императорской эпохи

Рис. 6.

*Общий вид на «лестничный театр», «площадь с колоннадой»,
«Северовский театр» и т. д.*

Рис. 7.

Главная улица Пессинунта

Рис. 8.
Руины византийского здания

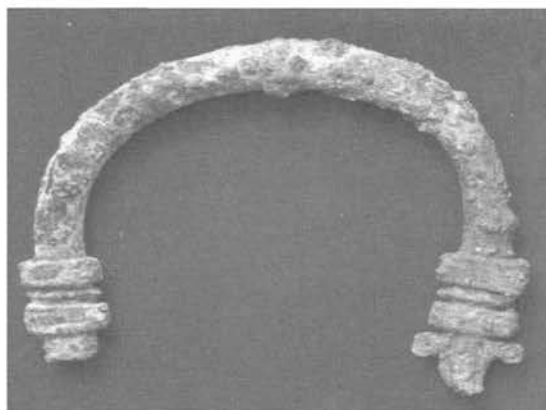

Рис. 9.
Фригийская фибула

Рис. 10. Фригийская керамика

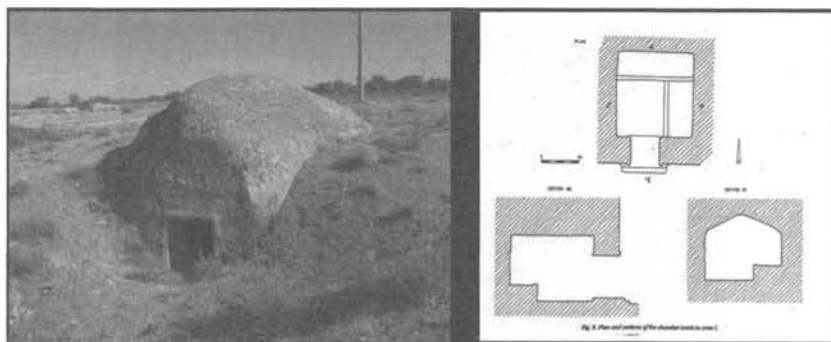

Рис. 11.
Фригийское погребение

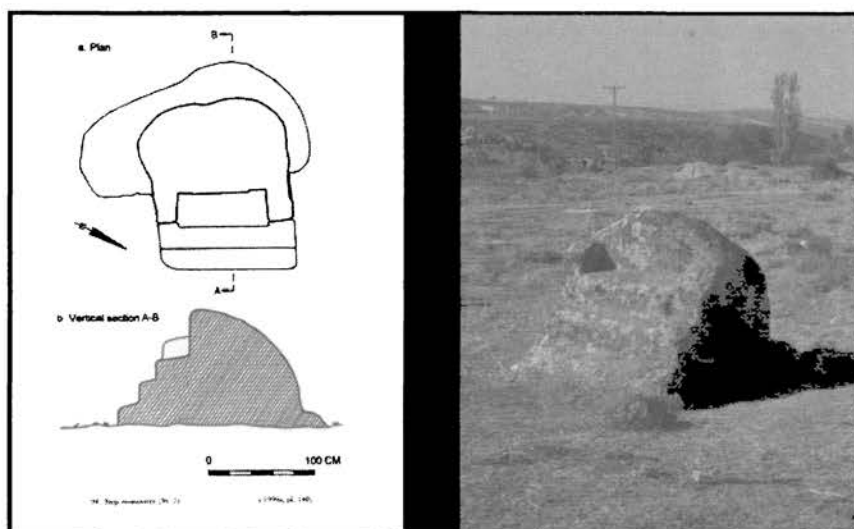

Рис. 12.
Фригийский ступенчатый алтарь

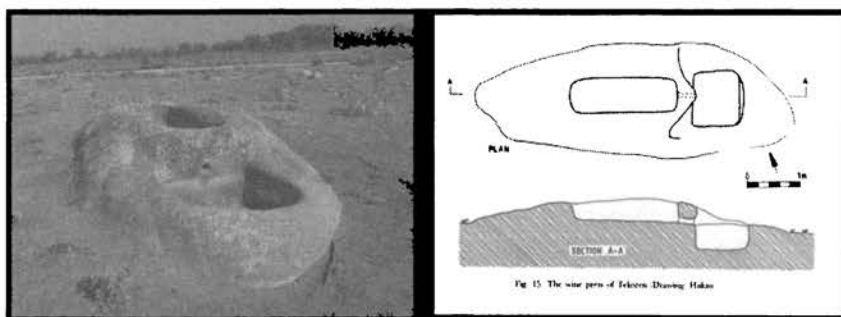

Рис. 13.
Фригийская цистерна

Рис. 14.

Руины «позднеримского здания» между пессинунтской археологической базой и Исследовательским центром

Рис. 15.

Надгробный камень верховного жреца Кибелы с греческой надписью. Конец II в. до н. э.

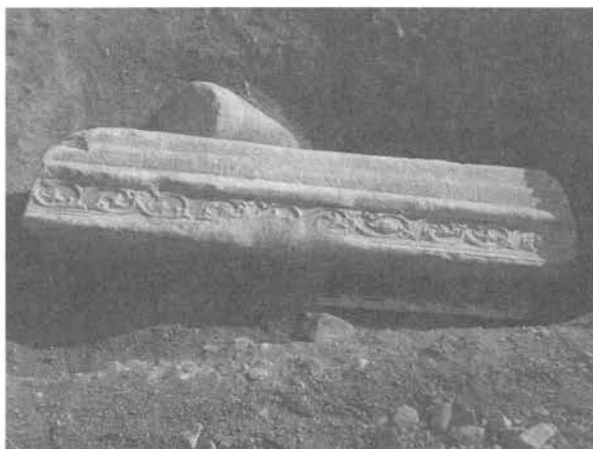

Рис. 16.

Мраморный архитрав с греческой надписью

М.В. Шумилин

МЕТРИЧЕСКИЕ ARGUMENTA ЛУКАНА: ПО СЛЕДАМ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Часть II. Argumenta Sidoniana et Laurentiana¹

Кроме того набора метрических «кратких изложений» Лукана, который был опубликован в предшествующей части настоящей статьи, нам известно еще 5 комплектов, встречающихся в рукописях старше XV в. Каждый из этих 5 комплектов известен нам только по одной рукописи, но по крайней мере в 4 из 5 случаев текст явно испорчен при переписывании, а значит, речь не идет об *argumenta*, написанных специально для соответствующих рукописей. В этой части работы мы рассмотрим еще два комплекта.

¹ Первая часть настоящей работы была опубликована как Шумилин 2010. К сожалению, из-за спешной подготовки той публикации и по техническим причинам было допущено несколько неточностей и был пропущен ряд второстепенных чтений издания R. В текст той работы следует внести следующие изменения: на с. 87, 1 строка сверху, следует читать «Ланскому» вместо «Лаонскому»; ссылку Farenga 2005 на с. 80, прим. 6 следует заменить на Blasio 2005, а соответствующее библиографическое описание на с. 104 должно выглядеть так: *Blasio M. G.* 2005: *I volgarizzamenti dei classici nelle edizioni Romane // Editori ed edizioni a Roma nel Rinascimento / A cura di P. Farenga.* Roma. P. 9–22; в аппарат на с. 90 следует внести следующие дополнения: 8 notat et quod] notantque R 9 cedentibus] insistentibus R 10 vitam tribuit] tribuit vitam R; на с. 96: 18 alter R 19 ivit] fuit R 20 Magnumque notat que R 21 quod] quid A: que EUR 22 sed] se R 23 at] sed AU: acta R | pars] prius R | quod] que R 26 quod] que R; на с. 97: 33 iverat] invenit R 34 quod posita] -que exposita U: que posita R 36 clausisset is] clauseram R 37 hinc] hic R | Thesalam R | que sit] querit T: queque sit R; на с. 98: 40 et om. R 41 et om. R; на с. 99: 45 quid UR: quod T: quod mihi A: om. B: tum Shackleton Bailey 46 cessa R 48 indigena R; на с. 101: 52 multos] per multos R.

II. Argumenta Sidoniana

В отличие от Argumenta Barthiana, набор, о котором пойдет речь далее, был, с одной стороны, достаточно аккуратно издан и датирован; с другой стороны, в нем мало деталей, которые можно связать с комментаторскими традициями. Поэтому мы ограничимся несколькими уточнениями.

Речь идет о тех изложениях II и V книг Лукана, которые сохранились в древнейшей рукописи, содержащей комментарий к Лукану (т. н. commenta Bernensia): Берн, Burgerbibliothek 370, конец IX в., написана в северо-восточной Франции, возможно, в Реймсе². Впервые текст argumenta и комментария был опубликован Германом Узенером в 1869 г.³ Очевидно, что претендовать на принадлежность к античной традиции argumenta этот набор имел гораздо больше оснований, чем Argumenta Barthiana, включенные Александром Ризе уже в первое издание «Латинской антологии»⁴. Ко второму изданию «Антологии» Ризе это заметил и перепечатал узенеровский текст под номером 719с⁵.

Итак, можно ли определить по каким-то признакам, является ли этот текст античным?

Зацепок у нас, по-видимому, две. Во-первых, это титул, которым сопровождается argumentum II книги в рукописи: argumentum libri secundi · Sidonius subdiaconus fecit (*Usener, recte, ut videtur: fuit cod.*) «Содержание второй книги; составил субдиакон Сидоний». Во-вторых, это необычно грубые, особенно учитывая достаточно приличную латынь автора, метрические ошибки:

anxiām interea plebem luctusque dolorque	2.1
quem solita spernit mentis constantiā (<i>Abl.!</i>) Caesar	5.5
Corneliam Magno tutatūr insula Lesbos	5.10

Итого: зияние после m; сокращение гласного в окончании аблатива I склонения; удлинение слога перед буколической цезурой.

Обе зацепки заметил Курт Опитц, датировавший в своей статье 1883 г. наш текст не позже чем VI в. (*terminus post quem* Опитц не называет, но, видимо, имеет в виду, что это III в.) и указавший на его вероятную связь с наиболее распространенным набором argumenta к «Фиваиде» Стация⁶. Обычно эти argumenta Стация печатались⁷ без изложения первой книги, отсутствующего

² Homburger 1962: 16, n. 2.

³ Usener 1869: 47, 151.

⁴ Riese 1870: 344–346; см.: Шумилин 2010.

⁵ Riese 1906: 195–196.

⁶ Opitz 1883: 305–307.

⁷ Например, Klotz 1908: 476–482; на русский язык полный текст (по дополненной Т. Клиннер-

в большинстве рукописей, но в 1963 г. недостающий текст был опубликован П.М. Клоганом по рукописи XIV в. Cambridge University Library II. III. 13 (и похоже, что есть и другие рукописи, содержащие этот текст)⁸. Объединяются два комплекта прежде всего варварской метрикой, ср. в *argumenta* «Фиваиды»:

Tydeos invisi, tunc unus tanta ex caede relictus (гептаметр)	3.3
Hypsipyle monstrat lymphas Langīæ perennes (краткое ае; ср. в St. Theb. 4.782 клаузулу Langīā perennes)	4.12
postquam pulsa sitis membrāque levata fluentis	5.1
Lemnos erat patriā, princeps mihi sanguinis Euhan	5.5
tigriūm interitus partes pugnare coegit	7.10
postquām alterno ceciderunt vulnere fratres	12.1
?Thesea Euadne constanti voce precatur	12.9

Плюс три случая, в которых скорее всего следует видеть зияния, хотя это зависит от метрической трактовки имени Этеокла⁹:

armari in fratrem dirum Eteoclea perurget	2.6
at contra Eteocles Thebanos instruit omnes	4.9
repperit; Antigone Eteoclis funera quaerens	12.6

По крайней мере в двух примерах (7.10 и 12.1) зияние после *m* точно происходит в той же позиции, что и у субдиакона Сидония в 2.1 (причем предшествующий слог скорее всего трактуется при этом по-разному), а в одном случае

том перепечатке издания Клотца) перевел Ю.А. Шичалин без всяких пояснений под названием «Содержание “Фиваиды” Стация в стихах, составленных древними»: Шичалин 1991: 222–225.

⁸ См.: Jakobi 1989: 241–243. Десятую строку этого текста, которую издатели печатают в кривых (*et fovet hospitaio te nox, Phebe, necando*), на самом деле, кажется, не так уж сложно исправить: мы написали бы *et fovet hospitaio te nox, <o> Phoebe, vocando* «и тепло принимает (их) как гостей, после того призвав тебя, о Феб»; переход *v/n* и *o/e* очень легко совершается в латинском минускуле, и ср. подразумеваемое место у Стация, *St. Theb. 1. 552–553*: *hanc undante mero fundens vocat ordine cunctos / caelicolas, Phoebum ante alios* «Наполняя ее (эту чашу) бурлящим вином, он по очереди призывает всех богов, и прежде прочих Феба». Ученых, видимо, заставило колебаться, что Ночь (ср. в рукописях *te nox, Phebe, necando*) тоже призывается Адрастом в конце I книги (*St. Theb. 1. 498*), но обращение к Фебу важнее с сюжетной точки зрения (через него вводится история о Коребе), и соединить с явно присутствующим в тексте именем Феба еще и имя Ночи удачным образом вряд ли получится (напр., если написать *Nox <et> Phoebe* «Ночь и Феб», то неуклюже будет выглядеть те «тебя» в единственном числе).

⁹ Наиболее привлекательный (поскольку он не противоречит метрической практике Стация) способ трактовать просодию имени Этеокла в этих строках единообразно – это считать, что первая и вторая *e* (как и *o*) в нем краткие, и имени всегда предшествует зияние. При этом в первом и третьем случае *muta cum liquida cl* создает долготу, а во втором случае нет, и в первом случае имеет место синицеца *ea*, а во втором случае – синицеца *eo*, причем в обоих случаях синицецы дают краткий слог.

автор *argumenta* Стация (4.12) явно сокращает гласный звук, который сокращаться никак не может, как и Сидоний в 5.5¹⁰. Естественно предположить, что это вообще тексты одного автора; в *argumenta* «Фиваиды» по 12 строк, а в *argumenta* Сидония – по 10, но это может объясняться тем, что в «Фиваиде» 12 книг, а в поэме Лукана – 10. Опитц все же не решился приписать тексты одному автору из-за того, что автор *argumenta* «Фиваиды» часто пользуется синалефами, а у Сидония их совсем нет. Может быть, следует скорее говорить о чем-то вроде общей традиции.

Почему же именно IV–VI века? Опитц ссылается на датировку рукописи (видимо, логика в том, что, раз к девятому – Опитц считал, десятому – веку сохранились только *argumenta* двух книг, значит, нужно отсчитать назад какое-то время, за которое эта порча текста могла произойти), на то, что автор должен быть христианским субдиаконом, и на метрику. Можно было еще попробовать построить аргументацию на имени: имя Сидоний было достаточно распространено на латинском западе в поздней античности (знаменитый Сидоний Аполлинарий жил в V в., у Венанция Фортуната в VI в. упоминается епископ Сидоний), а в раннее средневековье скорее выходит из употребления. Но это будет не очень надежное соображение: все-таки имя Сидоний после VI в. встречается, кажется, чуть ли не всегда как латинский вариант ирландского имени Сетна (в т. ч. Сетной/Сидонием звали и аббата VII в., от которого получило свое имя аббатство Сен-Санс под Руаном¹¹; другой св. Сетна/Сидоний жил, видимо, на рубеже VI и VII вв.¹²; еще один Сетна/Сидоний, аббат из Дривь-мак-Увла, тоже был современником св. Патрика¹³).

Точно так же и другие аргументы на самом деле не доказывают безусловно утверждение Опитца, что текст написан «не позже VI века»; по крайней мере, VII в. тоже, кажется, вполне возможен. Более конкретный контекст можно попробовать найти, опираясь на метрику. Когда бы мы скорее ожидали таких аномалий?

В позднеантичной поэзии, с одной стороны, конечно, довольно часто встречаются метрические ошибки. Сами поэты, по-видимому, вполне сознают их именно как ошибки; в число самоуничижительных топосов христианской поэзии в какой-то момент попадает оговорка о неправильности метрики, на-

¹⁰ Опитц отмечает, что в принципе в обоих случаях можно считать, что происходит синицеца со спондеем в пятой стопе, однако против такой интерпретации говорят: параллель из Стация, возможность метрической трактовки дифтонга *ae* как краткого *e* в позднеантичной латыни (по крайней мере, в корне слова) и, в особенности, тот факт, что в обоих рассматриваемых нами текстах спондеи в предпоследней стопе больше нигде не встречаются.

¹¹ Lanigan 1822: 114.

¹² Baring-Gould, Fisher 1913: 199–201.

¹³ Kelly 1857: 90.

пример, в V в. Клавдий Марий Викторий пишет (кажется, играя на христианском значении слова *рессо* «грешить» – «лучше грех против метрики, чем грех против веры») в «Молитве», предворяющей поэму «Алетейя» (119–122):

quod si lege metri quicquam peccaverit ordo,
 peccarit sermo inproprius sensusque vacillans –
 incauto passim liceat decurrere versu, –
 ne fidei hinc ullum subeat mensura periculum.

«Ведь если где погрешит относительно закона строй метра, если где погрешит неправильно употребленное слово и нечеткий смысл – да будет мне позволено порой нестись вперед неосмотрительным стихом, – пусть не подвергнется из-за этого сомнению глубина веры».

В VI в. Корипп пишет в прологе к «Иоанниде» (27–28):

forsitan et fracto ponetur syllaba versu,
 confiteor: Musa est rustica namque mea.

«Может быть, и слог где будет поставлен так, что разрушит размер, признаю: ведь муза моя неученая».

Но с другой стороны, можно все же посомневаться, насколько эти ошибки являются ошибками. Дело в том, что обычно эти ошибки можно в значительной степени свести в систему, общую для разных авторов, т. е., по сути, образуются новые метрические правила. Поскольку релевантный для нашего настоящего исследования момент – скорее всего рубеж VI в. (странности метрики *Argumenta Sidoniana* в целом, конечно, указывают скорее на конец названного Опитцом отрезка, чем на его начало), то мы рассмотрели для дальнейшего описания несколько гекзаметрических и элегических текстов, надежно датированных VI в.: содержащиеся в корпусе Венанция Фортуната (кроме *dubia*) «Иоанниду» Кориппа¹⁴, «Деяния апостолов» и послания Аратора и «Об удовлетворении покаяния» Верекунда из Юнки. В соответствии с нашей проблемой, нас будут интересовать прежде всего отклонения в трактовке границ слов и долготы финальных слогов.

Классическая метрика, в общем, тоже подразумевала, что «ошибки» на самом деле можно и даже полезно допускать, если только соблюдать при

¹⁴ Кориппову «Похвалу Юстину» мы не стали включать в рассмотрение, потому что для нее есть удобный метрический анализ в издании Э. Кэмерон: Cameron 1976: 17–20. Метрика этого сочинения устроена в целом так же, как и метрика рассмотренных нами текстов.

этом особые принципы допущения ошибок, прежде всего принцип функциональности ошибки¹⁵. Например, в принципе в классической латинской поэзии иногда употребляются и спондеические строки, и, скажем, односложные слова в конце гексаметра, но употребление их обычно чем-то оправдано – аллюзией ли, желанием ли придать стиху греческое звучание, изобразительным эффектом или чем-то еще. Или – более близкий к позднеантичной системе пример – есть определенные правила для постановки зияния: чаще всего зияние можно встретить в гексаметре на пентэмимерической или гептэмимерической цезуре (а в пентаметре в середине стиха); на других позициях оно скорее всего нуждается в каком-то дополнительном объяснении – например, участием греческих слов или стандартной комбинацией вроде *o | utinam*.

Последний пример хорошо показывает, что система метрических аномалий VI в., конечно, ориентируется на классическую систему метрических аномалий: зияние в комбинации *o | utinam* встречается у всех рассматриваемых нами поздних поэтов. Однако в остальном они используют зияния по несколько иным правилам. Во-первых, сама природа зияния несколько отличается, правильнее было бы называть это явление как-то иначе: практически по одним и тем же правилам определяется место для любых явлений, «как если бы здесь был конец строки». Реализацией этого явления может быть обычное зияние, но может также быть удлинение финального слога предшествующего слова (заканчивающегося на согласный) или – совсем необычная для классической метрики вещь¹⁶ – зияние после *-m* (как, например, *Ven. Fort. Mart. 4.170 ille Iovem stolidum, | hic se testatur Anubem, Ven. Fort. App. 1.148 atque iterum | hostes fratre iacente tuli, Cor. Iust. 3. 369 cognoscant Avars, quoniam deus omnium | hic est*). Желательные позиции для этого явления (в совокупности, во всех возможных проявлениях) – те же самые, что и для классического зияния: пентэмимерическая или гептэмимерическая цезура в гексаметре и середина пентаметра. Однако, если оно встречается на других позициях, у него обычно появляется другое объяснение – следующее далее слово должно начинаться с *h*-. Есть искушение просто предположить, что *h* (иногда, потому что это остается аномалией) начинает трактоваться как согласный¹⁷. Однако этой гипотезе несколько мешает следующая закономерность: хотя *h* может создавать позднеантичное «зияние» в любой позиции, он тяготеет к тому, чтобы делать это на одной из

¹⁵ Иногда пишут, что на этом принципе основывалась античная риторическая практика в целом: см.: May 2002: 51–52.

¹⁶ Исключения в гексаметре и пентаметре есть, но очень редкие, в основном архаические и почти всегда в случае, когда на *-m* заканчивается односложное слово: см.: Mueller 1894: 370–371.

¹⁷ Mueller 1894: 382. Часто также *h* ведет себя совсем как согласный в середине слова: например, он делает первый слог долгим в словах *inhabitare* (*Ven. Fort. 8. 3. 88*), *adhuc* (*Ven. Fort. 9. 2. 39*; *10. 6. 115* – однако первый слог остается кратким в *Ven. Fort. 10. 8. 17*; *10. 19. 7*).

стандартных цезур; и наоборот, хотя цезуры могут создавать позднеантичное «зияние» и сами по себе, они тяготеют к тому, чтобы сопровождать это явление придыханием в начале следующего далее слова (причем в рассмотренных нами позднеантичных текстах зияние после -m без идущего далее h вообще не встречается, даже на цезуре). Вот таблица, показывающая количественное соотношение разных объяснений позднеантичного варианта «зияния» у рассмотренных нами авторов¹⁸:

	цезура + h	только цезура	только h
Venantius Fortunatus	202	19	64
Verecundus	1	1	0
Corippus (Ioh.)	7	5	5
Arator	4	1	0

Т. е. есть два объяснения для «зияния», желательно, чтобы присутствовали оба, но в крайнем случае нужно хотя бы одно из двух. Видимо, причину нужно видеть в употребляемых грамматиками примерах¹⁹, где зияние на цезуре сопровождается придыханием. Хороший пример такого текста – *Diom.* 1. 430. 18–26 Keil:

septimus est (*sc. modus communium syllabarum*), cum correpta vocalis in unam desinit consonantem sequente h, quae plerisque aspirationis videtur nota, ut

terga fatigamus hasta,

item

Aeneam (*cod. Diomedis A, recipit Mueller 1894: 14; Aenean codd. Vergilii, codd. Diomedis B et M (? nisi -ā habent), recipit Keil*) hominum quisquam.

sed modus superior quibusdam superfluous visus est, cum sufficiat finitam esse partem orationis. ex his omnibus modis uno uti dumtaxat admittunt qui metrorum rationis sunt admodum perspicaces.

¹⁸ Подсчеты выполнены вручную и могут быть неточными; причем текст Венанция Фортуната и Аратора на порядок надежнее, чем текст Верекунда и Кориппа, и соответственно цифры для Венанция Фортуната и Аратора надежнее, поскольку в рукописях Верекунда и Кориппа есть много порченных стихов, о метрике которых сложно судить точно. С каждым таким случаем надо разбираться отдельно, и мы для настоящих подсчетов почти всегда опираемся на решения издателей.

¹⁹ Что позднеантичные грамматические сочинения о классической метрике являются источником правил позднеантичной метрики, указывает уже Mueller 1894: 382.

«А седьмой тип слогов переменной долготы – это когда после краткого гласного следует один согласный, а затем буква *h*, которую обычно считают знаком придыхания, например:

terga fatigamūs hasta (Verg. Aen. 9. 610), –

и еще:

Aeneām | *hominum quisquam* (Verg. Aen. 10. 65).

Но тот тип, который в первом примере, некоторым кажется избыточным, поскольку там и так достаточно того, что оканчивается отрезок речи (речь о цезуре – ср.: *Diom.* 1. 429. 19–27 Keil, – причем стоит обратить внимание, что в рассматриваемом примере она даже не соответствует смысловому делению текста. – М.Ш.). Те, кто уж очень внимательно относятся к метрике, допускают изменение долготы слогов, если есть признаки хотя бы одного из этих типов».

Во втором примере чтение *Aeneam*, во-первых, следует, вероятно, считать *lectio difficilior*, а во-вторых, оно предпочтительно еще и тем, что создает «классический» прецедент для непонятого иначе зияния после *m*. Кроме того, прецедентом для зияния на цезуре перед *h* мог служить еще, например, стих Verg. Aen. 1. 16 (который мы, правда, не находим у дошедших до нас грамматиков в таком контексте):

posthabita coluisse Samo. | *hic illius arma.*

Случаи, когда позднеантичный вариант «зияния» не сопровождается ни одним из объяснений, крайне редки и, видимо, большую их часть можно как-то устранить (некоторые достаточно убедительно устраняются текстологически; Корипп, может быть, еще считает «концом отрезка речи» буколическую цезуру, – кажется, в отличие от Венанция Фортуната – ср. особенно: *Cor. Ioh.* 6. 127; 6. 640; 8. 13). Достаточно надежные примеры все-таки остающихся отклонений – *Ven. Fort.* 2. 1. 13 *nullum urēt aestus sub frondibus arboris huius*, 5. 6. 29 (в фигурном стихотворении, так что текст особенно надежен; удлинение перед буколической цезурой, которую Венанций Фортунат вроде бы обычно не считает цезурой) *sero vera data est vitalis emptio morte*.

В любом случае, в позднеантичной поэзии такие случаи хотя и есть, но очень редки. В наших же *argumenta*, если вернуться к ним, мы находим очень густую концентрацию таких же аномальных случаев. Часть «зияний» в тексте Сидония и в *argumenta* «Фиваиды» можно объяснить цезурами (Arg. Theb. 2. 6; 5. 5; 12. 6; Arg. Sid. 5. 10 – буколическая?). «Зияний» перед *h* вообще нет. Но

более чем часты случаи, в которых вообще нет никаких объяснений: Arg. Sid. 2. 1; Arg. Theb. 4. 9; 7. 10; 12. 1; 12. 9. Впечатление такое, как будто кто-то перетолковал на этот раз уже не приводимые грамматиками примеры из Вергилия, а саму практику позднеантичных поэтов, не заметив, что после «зияния» не на цезуре должно идти придыхание. Можно, кстати, попробовать как-то связать этот факт с отмеченным нами фактом, что в конце VI–VII в. носители имени Сидоний все чаще оказываются ирландцами, поскольку ирландцы, по-видимому, латинское *h* фонетически вообще никак не передавали²⁰.

Другие аномалии, встречаемые в двух наборах *argumenta*, также в основном можно как-то связать с позднеантичной метрической практикой. Хорошо засвидетельствовано явление, которое мы встречаем в Arg. Theb. 5. 1 *membrāque*: комбинация *qu*, видимо, тоже стала иногда трактоваться как два согласных²¹, особенно в энклитике *-que*, ср., например, в V в. *Vict. Aleth.* 3. 658: *pura sacerdotis clarāque occurrit imago*, *Paul. Petric. Mart.* 6. 443: *conpererat, plenāque piis miracula gestis*, в VII в. *Eug. Tolet. Carm.* 36. 3 Vollmer: *vivescunt sensus bello litēque repressi*. Сложнее объяснить сокращение долгих гласных в окончаниях (Arg. Sid. 5. 5; Arg. Theb. 4. 12). Но изредка что-то похожее, видимо, можно найти в позднеантичной поэзии. Обычно там допускается сокращение только определенных окончаний (в основном, разных глагольных окончаний второго лица и *-us* в генитиве IV склонения), но бывают и исключения. Ср. *Iuven.* 1194 *Pitra* (фалекийский одиннадцатисложник) *parcit subditīs et pios reservat*. Но сокращение *-a* в аблативе и *-ae* в генитиве – это, конечно, даже на этом фоне очень смело. Можно также увидеть здесь продолжение логики свободного удлинения финальных слогов – если можно удлинить «слог переменной долготы» (*communis syllaba*), то почему бы и не сокращать его произвольным образом.

В этом рассмотрении метрики мы надеялись показать, что *Argumenta Sidoniana* и *argumenta* «Фиваиды» – образец скорее всего не просто позднеантичной литературной поэзии, а какой-то вторичной по отношению к ней традиции. Конечно, если брать вообще все поэтические тексты – какие-нибудь надписи – то там можно будет найти чуть не любую метрическую вольность чуть не в любое время. То, что мы рассматриваем только литературную традицию, сужает материал, но можно предположить, что ученый составитель метрических пересказов классических поэм все-таки скорее примыкает к такой традиции, а не к тем людям, которые сочиняют стихи для стен или могильных плит. Если

²⁰ Thurneysen 1909: 17. Н в древнеирландском, вероятно, просто графический знак, сам по себе фонетического значения не имеющий; например, может писаться *huile* вместо *uile* просто для того, чтобы никто не прочел это слово как *vile*, и т. п.

²¹ Mueller 1894: 382.

эта мысль верна, то наши два текста скорее должны быть написаны позже, чем раньше. Мы бы предпочли говорить о VI–VII вв. Если вообще говорить о месте, то можно допустить, что автор был из Ирландии. Это явно не та традиция метрических *argumenta*, к которой принадлежат *argumenta* Вергилия; и если можно включать текст Сидония в «Латинскую Антологию», то там, по крайней мере, тогда также должны быть *argumenta* «Фиваиды» (не включенные Ризе).

— — —

Итак, текст *Argumenta Lucani Sidoniana*.

II

anxiam interea plebem luctusque dolorque
 inpellunt maestas in caelum fundere voces.
 consilium capiunt una Brutusque Catoque
 Caesaris an partes an Magni signa sequantur.
 sed Caesar veniens adversos proterit armis. 5
 interea Magnus Campanam *tendit* ad urbem
 hortaturque suas veneranda voce cohortes
 destinat et natum, reges ut cogat in arma.
 Brundusii portum Caesar munimine claudit,
 Pompeiusque fugit perruptis nocte catenis. 10

1 *anxius Usener in apparatu* (*def. Opitz cl. Arg. Theb. 8.5 anxius Inachidas vatis dolor angit amis-*
si): *anxiam at Riese 5 poterit cod. ante correctionem 6 tendit Usener: tandit cod. 7 suas scripsi:*
suos impessit Usener (fort. errore typographico?), quem secutus est et Riese

Между тем траур и боль заставляют тревожный народ / обращать к небу горестные речи (1–233). / Брут и Катон вместе принимают решение, / выступить ли им на стороне Цезаря или под знаменами Помпея (234–391). / Но Цезарь, придя, сокрушает противников боями (439–525). / Между тем Помпей устремляется к кампанскому городу (392–438) / и почтенным гласом воодушевляет свои когорты (526–609), / а также поручает сыну призвать к оружию царей (628–649). / Цезарь окружает порт Брундизия осадными башнями (650–679), / и Помпей бежит, разорвав цепи посреди ночи (680–736).

V

Lentulus affatur maerentem voce senatum.
 consulitur dubio Phoebi de marte sacerdos.
 interea multo fessus iam membra labore

miles deposcit modicae sibi tempora vitae.
 quem solita spernit mentis constantia Caesar, 5
 inde *petiturus* desertae moenia Romae
 Brundisiumque celer, tenuitque Ceraunia velis.
 hinc fatis fretus parvam conscendere puppem
 ausus per noctem solo comitatus *Amicla*.
 Corneliam Magno tutatur insula Lesbos. 10

4 *fort. possis et modica* 6 *petiturus scripsi: pediturus cod.: petit tutus Usener, fort. recte (cf. Luc. 5.381)* 9 *Amicla Usener: Amiclam cod.* 10 *tutatast Usener in apparatu*

Лентул обращает речь к горестному сенату (1–64). / У жрицы Феба вопрошают о битве, исход которой не ясен (64–236). / Между тем солдаты, тело которых уже утомлено долгими трудами, / просят себе немножко времени пожить (237–299); / но Цезарь презрел их просьбы со свойственной ему непреклонностью разума (300–373), / а затем он отправится в укрепления оставленного Рима (381–402) / и, стремительно двигаясь, в Брундизий (403–408), и он прибыл на корабле к Керавнским горам (409–475). / Затем он, положившись на судьбу, отважился ночью вступить на утлое суденышко / в сопровождении одного только Амиклы (476–721). / Корнелию укрывает для Помпея остров Лесбос (722–815).

II. Argumenta Laurentiana

Мы опубликуем еще один (не публиковавшийся ранее) набор *argumenta*, известный нам только по одной рукописи XIV в. (*Biblioteca Medicea Laurentiana Plut. 35. 16, 1370e–1380e* гг.²², написана в Италии, fol. 125r–126r). *Argumenta* приписаны в конце книги рукой переписчика, которого Р. Блэк обозначает как «первого» (того, который переписал в той же рукописи fol. 2r–3v и 5r–122v)²³. Однако текст явно содержит некоторые ошибки, возникшие при переписывании, так что вряд ли он был написан специально для этой рукописи.

Текст этот сложно связать с какими-то комментаторскими традициями, но у него есть одна очень яркая черта – фантастический латинский синтаксис. Вряд ли возможно поправить текст так, чтобы синтаксис пришел в норму. Мы уже

²² Black 2001: 208; 396, n. 35. В самой рукописи рукой XVI в. подписано (fol. 124v), что она завершена Джованни Веттори в 1319 г., но такая ранняя датировка, как разумно отмечает Блэк, исключается шрифтом обоих переписчиков (курсивная *bastarda* конца XIV в.) и скорее всего придумана в качестве антикварной мистификации семьей Веттори (как отмечено на той же странице рукописи, в XVI в. она действительно принадлежала Пьеру Веттори).

²³ Black 2001: 396, n. 35.

II

femineos planctus Marii Silleque secundus
 pandit et antiquas referentes ordine cedes,
 colloquium Bruti rigidi simul atque Catonis;
 ut repetat primi pia Martia iura mariti
 scribit, Apenninum <... 5a
 ...> depellens arce, Domiti; 5b
 Brundusiique situm signat; Sextumque petentem
 reges; sic magnis conclusum molibus equor,
 interrupta tamen fugiatque per equora Magnus.

5 lacunam suspicor 8 fugiatque] possis fugitque vel fugit atque, sed cf. 3.2 mittatur, 9.8 petat

Вторая книга открывает женские плачи (1–42) / и то, как люди по порядку рассказывали о древних боях Мария и Суллы (64–233), / а также разговор Брута и аскетичного Катона (234–325); / пишет, как благочестивая Марция захотела возобновить брак с первым мужем (326–391), / об Апеннине (394–438) <...> выбив из крепости <тебя>, Домиций (478–525); / указывает также расположение Брундизия (610–627); и как Секст отправился / за царями (628–649); также (?) как море было перегорожено огромными глыбами (650–679), / и как Помпей бежал по морю, в которое он все-таки прорвался (680–736).

III

tertius ut patrios intret cum milite muros
 Cesar habet; cerere Siculos mittatur in horas
 Curio Sardinie; patuere templa iubenti;
 utque venit toto narrat gens conscita mundo,
 Massilie portas clausitque animosa iuventus, 5
 succubuit tandem fatis inimica secundis.

4 ut que que cod. ante correctionem

В третьей книге излагается, как Цезарь вступил с войсками в отчие стены (71–112); / как Курион был отправлен в сицилийские земли / Сардинии за провизией (46–70), как отворились двери храма приказывающему (112–168); / книга рассказывает также, как собирается народ, созванный по всему миру (169–297), / и как мужественная молодежь Массилии закрыла ворота (298–374), / однако в конце концов склонила голову, не поладив с удачей (375–762).

IV

quartus bella tenet pluviisque natantia castra,
 atque iter ereptum profugis cedemque cruentam,
 Illirico captumque ducem portuque retentum,
 mutua fata virum, Libicis fera prelia campis.

3 retenptum *cod. ante correctionem*

В четвертой книге содержатся сражения (1–47), и как лагеря были затоплены дождями (48–143) /, и как беглецы были перехвачены (143–167), и кровавую резню (235–262), / и как полководец был захвачен и зажат в иллирийской гавани (402–473), / и как мужи убили друг друга (474–581), и яростные битвы на полях Ливии (581–824).

V

quintus: in Epirrum Magnum totumque senatum
 elicit et patrie patribus *te*, Magne, remisit
 Lentulus; ambiguis Cyrreaque consulit antra
 Appius; exoritur dubiis seditio castris,
 Brundusium milesque petit, Cesar patriasque 5
 arces, Albano complensque in monte Latinas.
 omnia fit Cesar; repetit tunc menia ductor
 Epirri; modica vehitur tum deinde carina
 per freta; turbantur, tandem que castra revisit
 Antonii. Lesbo remanet servanda remota 10
 coniunx, Magne, tibi bellorum turbine longe.

1 Epirum *cod. ante correctionem* 2 et] -que *cod. ante correctionem* | *te scripsi: in cod. 3 ambiguis cod. post correctionem?*

Пятая книга²⁵: Лентул выманивает в Эпир Помпея и весь сенат (1–14) / и препоручает тебя, Помпей, отцам отечества (15–64); / также Анний получа-

²⁵ Что сказуемое *elicit* относится не к *quintus*, а к *Lentulus*, видно из *Luc.* 5. 8–9: *consul uterque vagos belli per munia patres / elicit Epirum* «Оба консула (один из которых Лентул. – М. Ш.) выманивают сенаторов, рассеянных по разным связанным с войной делам, в Эпир». Предполагать, что наш автор понимал слово *elicio* каким-то особым образом, так что оно могло относиться к книге в буквальном смысле, вряд ли есть основания (в нашей рукописи, fol. 51r, слово *elicit* в *Luc.* 5. 9 глоссировано рукой второго переписчика как *gruocat* «вызывает» – если допустить, что глоссы переписаны из того же источника, откуда и *argumenta*, то текст Лукана автор *argumenta* мог читать с теми же пояснениями).

ет непонятное пророчество от Киррейских пещер (65–236); / в колеблющемся лагере происходит мятеж (237–373), / и солдаты отправляются в Брундизий (374–380), а Цезарь – в отчие / твердыни (381–382), также справляя на Альбанской горе Латинские празднества (400–402). / Цезарь занимает все высшие должности (382–399). Тогда вождь отправляется к твердыням / Эпира (403–475); затем он плывет по морю на скромном суденышке (476–671); / лагерь Антония, к которому он в конце концов прибывает, приходит в замешательство (672–702). / У тебя, Помпей, жена остается под охраной далекого Лесбоса / вдали от бури войны (722–815).

VI

sextus Durachium describit, castraque peste
 ingenti vexata, fame nimiumque nefanda;
 ut longum perduxit opus Cesar quoque vallo,
 Scevaque Pompeium generoso marte subegit.
 Thessaliamque facit, sic flumina cunctaque, 5
 queritur atque Eritho, magico tunc carmine pandens
 fata virum dubium bellique, venefica, finem.

3 quoque scripsi: que cod. 5 cunctaque cod. ante correctionem

Шестая книга описывает Диррахий (1–28), и как лагеря были терзаемы ужасной эпидемией / и совершенно чудовищным голодом (80–117); / также, как Цезарь выстроил вал, длинное укрепление²⁶ (29–79), / а Сцева одолел Помпея в доблестной битве (118–262); / также книга описывает Фессалию, и также (?) все фессалийские реки, народы (333–506); / и отыскивают Эрихто, которая затем, чародейка, при помощи магических заклинаний открывает / судьбы мужей и неясный исход сражения (507–830).

VII

septimus et miseri reserat tibi somnia Magni
 militis et questus, prodigia multa ducumque
 procintum, bellumque ferum, flammisque negatas.

А седьмая книга открывает тебе сны несчастного Помпея (1–44) / и жалобы солдат (45–85), множество пророчеств (151–213) и подготовку полководцев / к бою (214–384), и яростную битву (385–646), и как мертвым было отказано в погребальном костре (728–872).

²⁶ Букв.: валом.

VIII

octavus Magnumque refert, sed marte fugatum;
 mictitur auxilium petiturus regna ducesque
 Deiotarusque, fidem temptant; victum quoque Magni
 propositum, Phario caput atque in gurgite cesum
 Pompeii, furtimque rogis data corpora Codro. 5

3 fort. temptat

А восьмая книга рассказывает, как <Помпей, хоть и> Великий, все же был обращен в бегство в результате боя (1–209); / а Дейотар посылается за подкреплениями к возглавляемым царями державам и к вождям, / испытывают верность (209–243); и предложение Помпея не было одобрено (256–455), / а голова Помпея была отрублена в фаросских водах (456–711), / и тело тайком предал огню Кодр (712–872).

IX

nonus et advectam miseram Magnoque solutam
 Corneliamque Utice tribuit, Sextique, Catonis
 fletus, et alloquitur pavidas Cato tumque cohortes
 Cirrenasque capit, sed naufraga Syrtibus errat
 turba ducis, Libiamque tenet squalentiaque arva; 5
 Gorgonaque et natos stillantis tabe Meduse
 serpentes signat, sic nomina cuntaque pestes;
 Egyptumque petat Cesar, sibi tradita colla,
 effudit lacrimas simulato pectore mestas.

4 errat scripsi: arnat cod. (sc. ex illo arva versus sequentis?)

А девятая книга передает Утике привезенную Корнелию, несчастную и лишившуюся Помпея (51–116); / также плачи Секста и Катона (117–217); / и тогда Катон обращается к напуганным когортам (217–293) / и захватывает Кирену (294–299), но отряды полководца блуждают по Сиртам, / потерпев кораблекрушение (300–347), и оказываются в Ливии и на иссушенных полях (348–618). / Также книга сообщает о Горгоне и о змеях, детях Медузы, из головы которой капала жижга (619–703), / и также (?) обо всех названиях, обо всех погибелях (700–838); / и как Цезарь отправился в Египет, как ему была передана отрубленная голова, / а он пролил горестные слезы, лживо изобразив эмоции (1004–1108).

X

decimus, ut castris, perhibet, seditio vulgi
 orta fuit; Cesar Phario temploque verendum
 corpus Alexandri spectetque ut *cunta* revelet.
 thesauros Cleopatra suos ita templa domosque
 utque ducis ponat mensas regina superbas 5
 ante oculos, noctemque trahat sermonibus aptam.
 lanigerum templis Athorea consulit, unde
 conmeat et tepidus septeno gurgite Nilus.
 clauditur exigua Cesar statione Photini
 armis; heu demensque iterum Ganimede resu<rgit>. 10
 insiluit tandemque rati sub nocte sopora
 Cesar et equorei subiit tunc menia vatis.

3 *cunta scripsi* (cf. 1.4, 6.5, 9.7): *compta cod.* 10 *resu<rgit> explevi*

Десятая книга сообщает, как в лагере случилось волнение народа (1–14); / и как Цезарь смотрит на тело Александра, почтительно хранимое в фаросском храме, / чтобы снять покров со всего сокрытого (15–52); / и как царица Клеопатра представила очам вождя свои богатства, и также (?) храмы, и дома, / и великолепные яства, / и провела с ним (?) ночь, удобную для бесед (53–175). / Также он спрашивает храмового жреца Ахорея, откуда / течет теплый Нил с семью устьями (176–331). / Цезаря с небольшим отрядом осаждает войсками Потин (332–529). / Увы! и снова восстает безумный Ганимед (529–546). / И тогда наконец Цезарь посреди наводящей сон ночи вскочил на лодку / и вступил в стены морского прорицателя (505–512).

РЕЗЮМЕ

В статье обсуждаются датировка и текст двух комплектов метрических *argumenta* Лукана (первый – Anth. Lat. 719c Riese², второй публикуется впервые по рукописи Biblioteca Medicea Laurenziana Plut. 35. 16). Первый комплект предлагается датировать (в основном, на основании метрики) VI–VII вв.; высказывается предположение, что автор мог быть ирландцем. Второй комплект предположительно был написан в Италии в XIV в.

Ключевые слова: метрика, текстология, рукописи, грамматические традиции Средневековья и Ренессанса

THE METRICAL ARGUMENTA OF LUCAN: ON SEARCHING GRAMMATICAL TRADITIONS
(PART II. ARGUMENTA SIDONIANA ET LAURENTIANA)

M.V. Shumilin

The article deals with the problems of date and text of two sets of Lucan's metrical *argumenta* (the first one is *Anth. Lat. 719c Riese*², the second being first published from the MS Biblioteca Medicea Laurenziana Plut. 35. 16). The suggested date for the first set is the 6th or the 7th century (the argument is based first of all on metrics), the author being possibly an Irishman. Another set was probably written in Italy in the 14th century.

Keywords: *argumenta*, metrics, textual criticism, manuscripts, traditions of Medieval and Renaissance *grammatici*

ЛИТЕРАТУРА

- Шичалин Ю.А. 1991: Публий Папиний Стаций. Фиваида / Изд. подг. С.В. Шервинский, Ю.А. Шичалин, Е.Ф. Шичалина. М.
- Шумилин М.В. 2010: Метрические *argumenta* Лукана: По следам грамматических традиций (Часть I. *Argumenta Barthiana*) // *Аристей*. Т. I. С. 78–105.
- Baring-Gould S., Fisher J. 1913: *The Lives of the British Saints: The Saints of Wales and Cornwall and Such Irish Saints as Have Dedications in Britain*. Vol. IV. London.
- Black R. 2001: *Humanism and Education in Medieval and Renaissance Italy: Tradition and Innovation in Latin Schools from the Twelfth to the Fifteenth Century*. Cambridge.
- Cameron A. 1976: *Flavius Cresconius Corippus. In laudem Iustini Augusti minoris libri IV*. London.
- Homburger O. 1962: *Die illustrierten Handschriften der Burgerbibliothek Bern: Die vor-karolingischen und karolingischen Handschriften*. Bern.
- Jakobi R. 1989: *Alte und Neue Metrische Argumente zum Ersten Buch von Statius' Thebais* // *Hermes*. Bd. 117. S. 241–244.
- Kelly M. 1857: *Calendar of Irish Saints, the Martyrology of Tallagh, with Notices of the Patron Saints of Ireland, and Select Poems and Hymns*. Dublin.
- Klotz A. 1908: *P. Papini Stati Thebais* / Ed. A. Klotz. Lipsiae.
- Lanigan J. 1822: *An Ecclesiastical History of Ireland, from the First Introduction of Christianity among the Irish to the Beginning of the Thirteenth Century*. Vol. III. Dublin.
- May J.M. 2002: *Ciceronian Oratory in Context* // *Brill's Companion to Cicero: Oratory and Rhetoric* / Ed. by J.M. May. Leiden; Boston; Köln. P. 49–70.
- Mueller L. 1894: *Luciani Muelleri De re metrica poetarum Latinorum praeter Plautum et Terentium libri septem*. Petropoli et Lipsiae.
- Opitz C.R. 1883: *De argumentorum metricorum Latinorum arte et origine* // *Leipziger Studien zur Classischen Philologie*. Bd. 6. S. 195–311.

Riese A. 1870: *Anthologia Latina sive Poesis Latinae supplementum. Pars I / Rec. A. Riese. Fasc. II. Lipsiae.*

Riese A. 1906: *Anthologia Latina sive Poesis Latinae supplementum. Pars I / Rec. A. Riese. Fasc. II. Lipsiae.*

Thurneysen R. 1909: *Handbuch des Alt-Irischen: Grammatik, Texte und Wörterbuch. Teil I. Heidelberg.*

Usener H. 1869: *Marci Annaei Lucani Commenta Bernensia / Ed. H. Usener. Lipsiae.*

Н.К. Малинаускаене

ЛАТИНСКАЯ РУКОПИСЬ НАЧАЛА XVIII ВЕКА
«ДНЕВНИК ВИЛЬНЮССКОЙ ИЕЗУИТСКОЙ КОЛЛЕГИИ»
(«*Diarium Collegii Vilmensis Societatis Jesu*»)

Памяти Витаутаса Богушиса

В отделе рукописей Научной библиотеки Вильнюсского университета хранится латинская рукопись начала XVIII в. «*Diarium Collegii Vilmensis Societatis Jesu ab anno MDCCX ad anni 1723 Septembrem exclusive*» (шифр F2–DC4). Это дневник Вильнюсской коллегии, своего рода подготовительного факультета при Вильнюсском университете (академии), который в рассматриваемый период принадлежал Ордену иезуитов. В коллегии «обстоятельно изучались классические языки и давались элементарные знания по многим другим предметам»¹. И коллегия, и академия имели общее управление, одного общего ректора, лекции там читали одни и те же профессора, и вообще коллегия мыслилась неотъемлемой частью университета. Записи дневника отражают жизнь всего этого сложного коллектива старейшего высшего учебного заведения на территории бывшего Советского Союза, которому в 1979 г. исполнилось 400 лет.

К этому юбилею Вильнюсского университета и подготовлено предлагаемое ниже описание рукописи, которое тогда не было опубликовано. На литовском языке были напечатаны тезисы доклада на юбилейной конференции, составленные мной в соавторстве с заведующим отделом рукописей и инициатором проекта Витаутасом Богушисом и моей коллегой из этого же отдела,

¹ См. например: Лазутка 1979: 14.

выпускницей классического отделения Вильнюсского университета, также работавшей над текстом рукописи, Бируте Жинджюте: «Историко-лингвистическая характеристика дневника Вильнюсского университета»².

Первоочередной нашей задачей было расшифровать латинский текст рукописи, переведя его в машинопись. Впоследствии мы подготовили перевод дневника на литовский язык, который хранился в отделе рукописей Научной библиотеки Вильнюсского университета. Работа была возобновлена в 1999 г. по инициативе новой заведующей Нийоле Шульгене. В 2004 г. рукопись издали в Вильнюсе отдельной книгой с параллельными латинским и литовским текстами в серии источников по истории университета «*Fontes historiae Universitatis Vilnensis*» при поддержке Министерства культуры Литовской республики³.

Окончательно подготовила материалы к печати выпускница классического отделения Вильнюсского университета Ирена Катилене, заново сверив с латинским текстом, пересмотрев и отредактировав перевод, а также снабдив издание примечаниями, терминологическим словарем и указателями. В издании помещены и ее замечания относительно рукописи дневника и принципов публикации, а также предисловие Эугении Ульчинайте на литовском и английском языках «Между повседневностью и вечностью». В книгу включены в качестве иллюстраций семь факсимильных страниц оригинала.

При подготовке к печати рукописи дневника во время моих стажировок в Институте истории АН Литовской ССР (1979, 1981, 1984) ход работы обсуждался на заседаниях Сектора истории феодализма, которым руководил академик Юозас Юргинис. Научный сотрудник этого сектора Зигмас Кяупа высказал ряд конструктивных предложений по комплексному изучению памятника с точки зрения историка, «с максималистскими пожеланиями» и пониманием, что некоторые аспекты и невозможно выяснить до конца. Думается, что имеет смысл привести здесь основные задачи, намеченные тогда для будущих исследователей рукописи.

1. Коллегия. Ее место в структуре университета, ее задачи. Структура самой коллегии, ее члены, их обязанности.
2. Дневники. Когда начаты записи, постоянно ли они велись и до какого времени. Характер дневников – хроника. Цензура со стороны руководства. Кто вел записи: случайное ли лицо или был постоянный писец, назначался ли он на определенный срок в связи с обязанностями членов коллегии. Сколько дневников сохранилось,

² Bogušis, Malinauskienė, Žindžiūtė 1979.

³ Vilniaus jėzuitų kolegijos dienoraštis 2004.

к каким периодам они относятся, место исследуемого дневника среди них.

3. Данный дневник: авторство и хронология. Сколько людей писали, как часто и насколько регулярно менялись (устанавливается по почерку). Кто именно вел дневник. Пути установления могут быть следующие: а) в связи с обязанностями членов коллегии; б) сравнение почерка писца с имеющимися в университете или в его окружении рукописями того же периода, авторство которых известно. История дневника: где хранился и хранится теперь (коллегия – собрание Чарторыйского – Краков – Вильнюс, место хранения в настоящий момент). Когда введен в научный оборот, его использование. Следует изложить в хронологическом порядке наиболее важные события, затем упомянуть остальные.
4. Данный дневник: характеристика содержания. Следовало бы систематизировать имеющиеся в записях сведения, сгруппировав их тематически. Такими группами могли бы быть: а) организационные события жизни университета (выборы ректора, праздники, службы и т. д.); б) научная жизнь (защиты диссертаций, присуждение ученых степеней и др.); в) учебный процесс (что и как преподавалось, экзамены); г) хозяйство, в том числе и строительство в университете; д) быт студентов и преподавателей; е) события в городе, так или иначе связанные с жизнью университета (эпидемия, наводнения, пожары, праздники и т. п.).
5. Характеристика рукописи. Объем, внешний вид, обложка, бумага и водяные знаки, графика записей, разновидности почерка, сокращения, язык и его особенности.

Частично ответы на эти вопросы даны Э. Ульчиной в указанном предисловии к изданию дневника. Она подробно характеризует место этого рукописного памятника среди других источников по истории Вильнюсского университета (как опубликованных, так и неизданных), останавливается на основных событиях, отраженных в дневнике, политическом контексте, академической деятельности, театральных постановках, бытовых реалиях.

Ниже, кроме необходимых общих сведений, предлагается характеристика рукописи прежде всего с палеографической, текстологической и лингвистической точек зрения. Отметим также, что лингвистический аспект особенно интересовал заведующего кафедрой литовского языка Вильнюсского университета профессора Зигмаса Зинквичюса.

Дневник составлен в Вильнюсе, столице Великого Княжества Литовского, в начале XVIII в⁴. К этому времени в литовском государстве создалась сложная языковая ситуация с переплетением старобелорусского (славянского канцелярского), польского, литовского, латинского и других языков⁵. Для нужд науки в основном использовался латинский язык. На нем читались лекции, велись занятия, по-латыни писали учебники, вели документацию, в том числе и дневник.

Дневник содержит краткие ежедневные записи наиболее важных и интересных событий из жизни университета за 13 лет. Записи обычно краткие: 3–4 строки, самые длинные – до 10 строк, бывают и в одну строку. Если ничего существенного за день не произошло, то так и указывается: *Nihil occurrit ничего не случилось*, *Nihil speciale*, *Nihil singulare ничего особенного* и т. д. В дневнике отражаются разные стороны жизни университета: выборы ректора, защиты диссертаций, экзамены, государственные и религиозные праздники, повседневные службы, проповеди. Записывается, где и как отдыхали студенты и преподаватели, откуда привезли провизию и в каком количестве, кто был в гостях, чем угощали, как прошли похороны. Выбор описываемых событий часто зависит от писца. Отражены драматические события 1710 г. – эпидемия в Вильнюсе. Отмечены пожары, строительство новых зданий университета, ливни и многое другое из жизни академии и коллегии.

Наша рукопись не была единственной в истории Вильнюсского университета. Записи, по-видимому, велись постоянно. Наблюдается связь с предшествующей книгой дневниковых записей, которую, вероятно, заканчивал тот же писец, который начал и эту. Ибо в записи от 7 мая 1710 г. говорится о настоятеле костела, о котором, по словам писца, уже упоминалось ранее. Однако на предыдущих страницах нашей рукописи такого упоминания нет. Кроме того, в Центральном государственном историческом архиве Литвы хранится дневник Вильнюсского университета за 1752–1761 гг.: *Diarium Collegii Academici Vilnensis Societatis Jesu* (шифр F1135, оп. 20, № 303).

Дневник неоднократно упоминался в научной литературе, особенно в связи с вопросом о роли литовского языка в общественной жизни Вильнюса начала XVIII в⁶. Так, было установлено, что в университетском костеле обычно по воскресеньям и в праздники читали проповеди как на литовском, так и на польском языке, а во время пяти больших праздников проповеди читались почти исключительно по-литовски. Видимо, это зависело от состава прихожан. Во

⁴ Подробнее об историческом контексте см.: Пашуто 1959.

⁵ Zinkevičius 1977: 12–33.

⁶ См., например: Basanavičius 1913: 5, 7; Rukša 1961; Lebedys 1976; Vilniaus universiteto istorija 1976: 202–203.

время праздников в костел сплывались толпы народа, *populus*. Для них и читались, в основном, литовские проповеди. Для знати же проповеди читались на польском языке, в особо торжественных случаях – по-латыни. Таким образом, хотя вильнюсская знать в рассматриваемый период отказывалась от родного языка, переходила к польской культуре и языку, все же для большинства жителей Вильнюса и его окрестностей литовский язык был более близок и понятен⁷. Материалами дневника воспользовался также проф. Романас Плечкайтис при подготовке книги о философии эпохи феодализма в Литве⁸.

Дневник представляет собой однотомную рукопись в 142 листа. Нумерация страниц карандашом начинается со второго листа и содержит указание 281 страницы. Формат листа: 312 мм x 198 мм. Размер полей меняется в зависимости от манеры писца. Обычно левое поле больше (15–20 мм), чем правое (0–5 мм), нижнее – до 30 мм, верхнее – от 0 до 10 мм. Рукопись состоит из 15 тетрадей с неравным количеством листов: 1⁶, 2¹², 3⁸, 4¹², 5⁸, 6¹⁰, 7⁸, 8¹², 9⁸, 10¹², 11⁸, 12¹², 13⁸, 14¹², 15⁶. Иногда встречаются кустоды, то есть внизу страницы указывается первое слово следующей страницы (например, с. 61–73).

Переплет (315 мм x 205 мм) из картона, с прямыми линиями, проведенными по краям, потрепанный, с утраченным нижним правым углом, не реставрированный. Изготовлен, очевидно, одновременно с рукописью. На переплете сверху надпись крупными печатными буквами: DIARIUM. Переплет имел по две кожаные завязки сверху и снизу. Сохранилась одна – сверху сзади. Все это, а также потрепанные нижние углы последних 16 листов рукописи, свидетельствует о том, что дневник побывал во многих руках.

На внутренней стороне обложки имеется оттиск печати с надписью: *Depozyt XX. Czartoryskich № 4* – свидетельство о хранении рукописи в библиотеке университета, ибо Чарторыйские долгое время были его покровителями. Других данных о судьбе дневника у нас нет. Вели его члены коллегии, но точно сказать, кто именно, нет возможности, поскольку о себе писцы не оставили никаких заметок.

Материал – бумага с филигранью «Мадонна» № 2443 по атласу Э. Лауцявичюса⁹. Этот знак представляет собой изображение Мадонны с младенцем, стоящей на полумесяце. Фигура заключена в овал с исходящими из него язычками пламени. Имеется и вторичный знак: две мужские фигурки с саблями, несущие на плечах палку, на которой подвешена большая виноградная гроздь.

Бумага с «Мадонной» была широко распространена в Европе, особенно в католических странах: в Литве и Польше – в течение всего XVIII в. и начале

⁷ Rukša 1961: 412–414, 422–423.

⁸ Plečkaitis 1975.

⁹ Laucevičius 1967: 333.

XIX в. Производили такую бумагу на экспорт в основном мастерские Пруссии, а также Силезии и другие немецкие бумажные мастерские¹⁰. Филигрань № 2443 в работе польской исследовательницы Я. Синярской-Чаплицкой¹¹ рассматривается среди водяных знаков, употреблявшихся в мастерских мазуров. Она считает эти филигранные имитациями прусских мадонн, характерными для бумажных мастерских Бреслау, Швейдница и Оливы. Э. Лауцявичюс указывает, что пока точно не установлено, в какой именно мастерской применялся водяной знак № 2443¹². Он находит бумагу с такой филигранью в документе 1711 г., хранящемся в Центральном государственном историческом архиве Литвы в Вильнюсе под шифром SA 55¹³.

В составлении рукописи дневника участвовало несколько писцов с разными почерками. Первые страницы исписаны четким, аккуратным, почти прямым почерком, другие почерки имеют более размашистый, небрежный характер, иногда плохо разборчивы. Бывает, что почерки повторяются. Рукопись не разноязычна. Чернила черные.

Страницы исписаны в один столбец с неравным количеством строк в зависимости от почерка: в среднем 50–60. На внутреннем поле нечетных страниц и нижнем поле четных идет регулярная нумерация дней месяца (Dies 1ma, 2da, 3tia, 4ta, 5ta...). Иногда писец выносит нумерацию на нечетных страницах на внешнее поле (например, с. 79–103), но потом отказывается от этого менее удобного способа. Нумерация дней недели (например: Dominica Resurrectionis, Feria 2da, Feria 3tia, Feria 4ta, Feria 5ta, Feria 6ta, Sabbatho) сначала выдерживается строго, но затем некоторые писцы отмечают только праздничные дни (например, Dominica 5 post Pentecosten, Festum S. Marij Magdalenj, Festum S. Georgij).

Заголовки – обозначения года и месяцев. Вверху страницы почти всегда стоит крестик, обычно указан и текущий год. Иногда среди месячных записей вклинивается запись о проверке дневника. Например, на с. 65, 92, 137, 165, 220 и др. есть пометка: *Visum est hucusque diarium Дневник просмотрен до этого места*. Видимо, дневниковые записи регулярно проверялись, что до известной степени ограничивало свободу писцов. В конце рукописи (с. 280), а также в конце записей за 1716 г. (с.106) помещены посвящения Господу и Деве Марии: *AdMDTOMG. B.V.M. nec non S.P.P. Venerationem = Ad Magni Dei Trinitatis omnis maiorem gloriam Beatae Virginis Mariae nec non Sanctorum Patrum Venerationem* (с. 280); *Ad M D.T.O M.G.B.V.M. Honorem = Ad Magni Dei Trinitatis omnis maiorem gloriam Beatae Virginis Mariae Honorem* (с. 106).

¹⁰ Ibidem: 133.

¹¹ Siniarska-Czaplicka 1960: 24.

¹² Laucevičius 1967: 134.

¹³ Ibidem: 208.

Встречаются исправления, зачеркивания, пометки (особенно на с. 58–77). Никаких украшений, миниатюр, заставок рукопись не имеет. Пометы на полях встречаются редко (например, на с. 101). Иногда появляются более поздние приписки – вставки другой рукой (например, к записи от 12 апреля 1710 г.).

Среди графических особенностей можно выделить как характерные черты, присущие всей рукописи, так и особенности отдельных страниц (писцов). Остановимся кратко на общих графических особенностях текста.

Под влиянием графики других известных писцам языков в латинский текст рукописи проникли обозначения носовых звуков (ą, ę). Иногда ставится знак долготы в виде крышечки $\grave{}$ (в родительном падеже единственного числа существительного IV склонения *Domūs*, например в записи от 16 мая 1710 г.), видимо, для того, чтобы отличить эту форму от формы именительного падежа *Domus* (например, в записи от 10 апреля 1710 г.), однако это не выдерживается регулярно даже у одного писца (ср. в записи от 1 апреля 1710 г. форму *Domus* в родительном падеже).

Над предлогом *a* часто ставится черточка с наклоном влево (наподобие *accentus gravis* – $\grave{}$), например, в записи от 17 мая и 3 июня 1710 г.). Такой же знак иногда появляется и в других словах: *verò* (21 июня 1710), *manè* (7 и 23 июня 1710), наряду с *manē* (21 мая 1710). Для передачи *e* закрытого употребляется сочетание *ie* (*Niemenczupo* – 23 апреля 1710). В немецких именах собственных сохраняются умлауты (например, *Möller* – 23 августа 1710, *Krüger* – 29 июня 1716). Обращает на себя внимание небрежная постановка точки над *i*. Если же встречаются два *i* подряд, то второе имеет удлиненную форму (например, *alij* – 7 апреля 1710).

В именах собственных встречаются буквы *k*, *w*, не свойственные классической латыни (*Kwek*), обозначения шипящих с использованием сочетаний букв, принятых в польской графике: *sz* *ш*, *cz* *ч* (*Bartoszewicz*), *szcz* *щ* (*Dworzyszcze*), а также *ż* *ж* (*Żodisci*), *ń* для передачи мягкого *n* (*Jeleński*) и *ł* для передачи твердого *l* (*Myszygoła*). Буква *g* имеет только прямую форму. Буква *s* имеет две формы *s* и *ſ* (обычно в начале или конце слова либо в сочетании *sſ*, но иногда может встретиться и в середине слова).

Надо отметить обилие заглавных букв, причем не только в словах, связанных с религиозным культом (*Ecclesia Cathedralis*, *Sacra Communio*), но и в других случаях. Это можно объяснить тем, что каждая должность, каждый институт и учреждение мыслились как нечто единственное, как имя собственное (*Rector*, *Professor*, *Alumnatus*, *Congregatio*). Но иногда даже заведомо нарицательные имена тоже пишутся с большой буквы (например, *Noctis* – 6 IV 1710, *Sine* 10 IV 1710, *in Prandio* 5 IV 1710). В таком случае мож-

но говорить и об эстетической стороне письма: на сравнительно аккуратно написанных первых страницах дневника именно заглавные буквы выписываются особенно тщательно, с росчерками и завитками (ср. М, А в записи от 12 апреля 1710).

Знак переноса обозначается или двумя точками (:), или черточкой (-).

Разные писцы используют сокращения в разной степени. Из наиболее характерных отметим следующие их группы.

Специальные знаки используются для конечных -us (например, в формах Professoribus, 25 IV 1710; Alumnatus, 26 IV 1710 и др.), -que (например, 10 IV 1710), -um (например, Scholarum, 19, 21 V 1710); для начального con- (например, concionatus, 2 IV 1710). Используется надстрочный знак для обозначения удвоенной согласной над буквой или после нее (например, 9 IV 1710), а также специальный знак для сокращения предлога per (22 VII 1710).

Через всю рукопись проходят контракции: Pr = Pater, Pre = Patre, Dnus = Dominus, Illmus = Illustrissimus, Mgnfco = Magnifico, Dnica = Dominica, Chmus = Carissimus, tn = tamen и др. Встречаются и суспенсии: P. = Pater (чаще, чем контракция), RP = Reverendus Pater, S = Sanctus, SS = Sancti, MD = Magnificus Dominus, e = est, n = non. Повсеместно – лигатуры æ = ae, oe, & = et.

Дать характеристику всех индивидуальных почерков дневника (их было до десяти) – задача специального исследования. Ограничимся сравнением особенностей манеры письма первых двух писцов.

Первый писец заполнил страницы 1–6 (записи с 1 по 24 апреля 1710 г.). Аккуратные округлые мелкие буквы. Перо тонкое, чернила неяркие. Указаны и дни недели, и числа. Число может быть обозначено цифрой с окончанием (25-ta), подчеркнутым (18) или с точкой (14.). Сокращений немного, характерны суспенсии (MD, RD, RP, Ch, P), иногда контракции (Pr). На первой странице есть вставка другой рукой (12 апреля).

Записи второго писца начинаются с 24 июня 1710 г. и заканчиваются 15 июля 1713 г. Почерк более размашистый, с большим наклоном вправо и с большей длиной выносных линий, буквы то мельче, то крупнее. Чернила темнее, перо толще. Записи короче. Дни месяца без точки, но подчеркнуты. С марта 1712 г. писец перестает указывать дни недели. Встречаются кустоды, больше сокращений. По сравнению с записями первого писца больше контракций, но не суспенсий: не MD, но Mgfco Dnus, чаще указано рядом с фамилией и имя. Иначе передана немецкая фамилия Siberch, ср. у первого писца Ziberk (Officialis Livoniae).

Латинский язык рукописи имеет особенности как фонетического, морфологического, так и лексического и стилистического характера, которые связаны с местом и временем написания дневника.

Прежде всего надо отметить фонетические (отраженные в рукописи графически) особенности. Это некоторые звуки литовского и польского языков, для передачи которых в латинском языке не было своих знаков, встречающиеся преимущественно в именах собственных (антропонимы, топонимы). Очевидно, все эти звуки до известной степени сохранялись и в латинской речи членов академии и коллегии, а именно, в морфологически (но не фонетически!) оформленных по латинским правилам именах собственных.

Можно говорить и о некоторой специфике в морфологии, особенно в отдельных формах глагола. Так, у глагола *eo, i(v)i, itum, ire идти* постоянно употребляются формы перфекта от основы *iv-* (например, *iverunt* – 15 IV 1710; *ivit* – 24 IV 1710). Однако в приставочных глаголах возможны формы и от основы *i-* (*abiit* – 2 VIII 1710, *abierunt* 30 VIII 1712, *redierunt* – 1 XII 1715).

Часто опускается глагол-связка. Можно сравнить записи от 1 и 10 апреля 1711 г.: *Nihil speciale ничего особенного* и *Nihil speciale erat не было ничего особенного*, в первой из которых опущена форма глагола *esse*. В аналитических формах глаголов наблюдается то же явление: *Pro prandio invitati hospites На обед были приглашены гости*, где опущена связка *sunt* в форме 3 лица множественного числа Perf. ind. pass. (3 IV 1710). А в записи от 17 IV 1710 г. тот же глагол дан в полной форме: *invitati sunt*.

Наиболее интересна лексика дневника. Здесь нужно обратить внимание на обилие специальных терминов, обозначающих должности, институты, подразделения академии (*Rector, Infirmarius, Domus Professa, Ordinarius, Procurator, Minister, Capitulum, Congregatio, Alumnatus*). Представлено также множество слов из религиозного обихода (*concionor проповедовать, communio причастие, matutinum заутреня, vesperae вечерня*). В издании дневника помещен специальный словарь, разъясняющий литовские церковные, литургические и административные, связанные с Орденом иезуитов термины, имеющие латинское происхождение.

Текст изобилует именами собственными: антропонимами, пришедшими из разных языков (*Borkowski, Sawicki, Sapieha, Rudomina, Bucholc, Kulesza, Rymza, Reyter, Scipion del Campo*), и разного происхождения топонимами (*Janisci, Łukisci, Kamienolog, Dworysci, Myszygoła, Grodno, Minscum, Vilia, Regnum Poloniae*). Их передача по-латыни у писцов может варьироваться (например: *Alba Russia, BiałoRussia; Kamienolog, Kamiennyj Łóg, Kamienny Łoh, Kamienołok, Camienołogum*). Иногда различное написание встречается даже у одного писца (например *Myszygoła* 16 мая 1710 и *Myszogoła* 18 мая 1710). В изданной книге все это отражено в указателях: «Иезуиты Вильнюсской коллегии 1710–1723» с приведением их статуса по годам, «Именной указатель» более широкого характера, включающий все упомянутые в тексте имена, и «Географический указатель».

Некоторые слова употребляются только в специальном значении. Глагол *trasto тащить, тянуть, влечь* здесь имеет смысл *угощать, услаждать*, чаще всего вином (например, 4 апреля, 2 и 12 мая 1710 г.). Интересны оформленные по-латыни варваризмы (например, *Макарон макароны, Carevicij царевица* – 1 апреля 1710).

Язык записей отличается краткостью, наличием формульных выражений, переходящих со страницы на страницу. Однако авторы стремятся иногда высказывать и свою оценку происходящего. Так, подчеркиваются места, где говорится об особо важных с точки зрения пишущего событиях (19 сентября 1716 г., где на полях даже стоит NB, ср. 1 августа 1713 г.). Сообщая, откуда доставили провизию, добавляют, что ее было мало (например, 11 апреля 1710 г.). Или дается оценка тому, как была прочитана проповедь (17 мая 1723 г.). Описывая голод нищих, автор возносит хвалу Господу, что в коллегии хлеба достаточно и для себя, и для помощи голодным (10 апреля 1710 г.). О членах коллегии всегда говорится *наши*. Стиль зависит во многом от писца, хотя можно отметить и общие черты стиля рукописи: краткость, даже формульность записей, обязательное и подробное перечисление рядом с именем всех титулов данного лица.

Публикация рукописи открывает новые возможности для исторических и лингвистических исследований. Регулярные дневниковые записи помогут расширить представление о самых различных сторонах жизни университета: экономической, учебно-научной, религиозной, культурной, бытовой. Представленные указатели дают богатый материал по антропонимике и топонимике латинского и литовского языков. Публикация рукописного памятника имеет большое значение для изучения истории Вильнюсского университета и традиций европейского образования вообще.

В заключение я хочу поблагодарить заместителя директора Научной библиотеки Вильнюсского университета Бируте Буткявичене, приславшую мне роскошное издание дневника, и своих коллег Бируте Синочкину и Далю Сташкявичене, способствовавших этому.

РЕЗЮМЕ

В отделе рукописей Научной библиотеки Вильнюсского университета хранится латинская рукопись начала XVIII в. «*Diarium Collegii Vilnensis Societatis Jesu ab anno MDCCX ad anni 1723 Septembrem exclusive*» (шифр F 2–DC 4). Это дневник Вильнюсской коллегии, своего рода подготовительного факультета при Вильнюсском университете (академии). В 2004 г. рукопись была издана в Вильнюсе отдельной книгой с параллельными латинским и литовским текстами. В издании помещены примечания,

терминологический словарь и указатели, а также предисловие, которое определяет место этого рукописного памятника среди других источников по истории Вильнюсского университета. Предлагаемая статья дает характеристику рукописи с палеографической, текстологической и лингвистической точек зрения.

Ключевые слова: дневник Вильнюсской коллегии начала XVIII в., латинская палеография, текстология

A LATIN MANUSCRIPT OF EARLY XVIII CENTURY
(DIARIUM COLLEGII VILNENSIS SOCIETATIS JESU)

N.K. Malinauskene

In the department of manuscripts of the Scientific library of Vilnius University there is a Latin manuscript of the beginning of the 18th century named “*Diarium Collegii Vilnensis Societatis Jesu ab anno 1710 ad anni 1723 septembrem exclusive*” (F 2 – DC 4). The manuscript is a diary of the Vilnius *collegium*, i.e. a kind of preparatory faculty of the Vilnius University (Academy). In 2004 the manuscript was edited in Vilnius as a separate book with parallel Latin and Lithuanian text. The edition is supplied with commentaries, indices, dictionary of terms and a preface which describes the place of this handwritten monument among other sources about the history of Vilnius University. The present paper is an attempt to characterize the manuscript from palaeographic, textological and linguistic point of view.

Keywords: diary of Vilnius collegium of early XVIII century, latin palaeography, textual criticism

ЛИТЕРАТУРА

- Лазутка С.* 1979: Основание Вильнюсского университета и его деятельность до начала буржуазных реформ (1579–1773) // История Вильнюсского университета. Вильнюс. С. 9–42.
- Паушто В.Т.* 1959: Образование Литовского государства. М.
- Basanavičius J.* 1913: Švento Jono bažnyčia ir lietuvių kalba Vilniuje. Vilnius.
- Bogušis V., Malinauskienė N., Žindžiūtė B.* 1979: Vilniaus Universiteto dienoraščio istorinė-lingvistinė charakteristika // Aktualiosios kalbotyros problemos. Mokslinės konferencijos pakvietimas-programa ir tezės. P. 19–21.
- Laucevičius E.* 1967: Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Vilnius.
- Lebedys J.* 1976: Lietuvių kalba XVII–XVIII a. viešame gyvenime. Vilnius.
- Plečkaitis R.* 1975: Feodalizmo laikotarpio filosofija Lietuvoje. Vilnius.
- Rukša A.* 1961: Diarium Societatis Jesu ir lietuvių kalba Vilniuje (1710–1723) // Tautos praeitis. T. 1. Kn. 3.

Siniarska-Czaplicka J. 1960: Znaki wodne papierni Mazowsza. Łódź.

Vilniaus jėzuitų kolegijos dienoraštis 2004: Vilniaus jėzuitų kolegijos dienoraštis 1710–1723 metai. Diarium Collegii Societatis Jesu ab anno 1710 ad anni 1723 septembrem exclusive.

Vilniaus universiteto istorija 1976: Vilniaus universiteto istorija. 1579–1803. Vilnius.

Zinkevičius Z. 1977: Lietuvių antroponimika: Vilniaus lietuvių asmenvardžiai XVII a. pradžioje. Vilnius.

О.В. Осипова

«НАГЛЯДНОСТЬ» (ENARGEIA) В «ИСТОРИИ» ФУКИДИДА

Одним из достоинств стиля (ἀρεταὶ λέξεως), которые античные критики отмечают при анализе и оценке исторических сочинений как произведений художественной литературы, является «живость», или «наглядность» (ἐνάργεια, *evidentia*). Наряду с просопопеей и этопеей, «наглядность» принадлежит к числу аффективных фигур мысли, которые уточняют отношение к предмету, подчеркивают его важность. Она представляет собой подробное, детализированное описание какого-либо предмета или события по частям в форме перечисления, так что целостная картина складывается из последовательного описания частей¹. «Наглядность» достигается благодаря полноте и тщательности изображения (ἀκριβολογία), которая подразумевает передачу визуальных деталей и звуковых эффектов, так что читатель становится очевидцем события, как будто оно происходит у него перед глазами².

К событиям, которые могут быть «наглядно» описаны в исторических сочинениях, античные риторы относят военные действия, бедствия (землетрясения, эпидемии), а также сцены из мирной жизни (например, праздники)³.

Эта статья посвящена «наглядности» в «Истории» Фукидида (ок. 460 – ок. 396 г. до н. э.). Фукидид излагает в основном события современной ему Пелопоннесской войны (431–404 г. до н. э.), участником и свидетелем которых был

¹ Определение термина «наглядность» дается в работах: Гаспаров 1997: 571–572; Lausberg 1960: 399–407. Философское содержание термина анализируется в статье: Zanker 1981: 247–252.

² Средства достижения «наглядности» рассматриваются в книге: Mejerling 1987: 39–44.

³ Примеры см. в работе: Nicolai 1992: 139.

он сам⁴. Детализированных описаний в его произведении немного: основной интерес Фукидида направлен на мысли и чувства людей, на объяснение мотивов их поступков, на причины происходящих событий. Однако в его «Истории» можно найти подробные, «наглядные» описания сражений, что отмечают античные авторы последующих веков.

Так, Дионисий Галикарнасский указывает, что в «наглядности», первом из дополнительных достоинств стиля (ἐπίθετοι ἀρεταί), Фукидид преуспел так же, как и Геродот⁵. По замечанию Плутарха, Фукидид благодаря «наглядности» в описании некоторых сражений: у Пилоса, морской битвы в гавани Сиракуз – «может сделать слушателя зрителем» (οἷον θεατὴν ποιῆσαι τὸν ἀκροατὴν)⁶. Описание этой же битвы у Сиракуз Дионисий Галикарнасский считает достойным образцом для подражания (ἄξια ζήλου τε καὶ μιμήσεως ἐφάνη)⁷.

Среди детализированных описаний сражений в «Истории» Фукидида следует отметить прежде всего разгром фиванцев в Платеях в 431 г. до н. э.⁸. Фукидид точно указывает время года (конец месяца анфестериона, то есть начало апреля), погоду (проливной дождь – ὑετοῦ ἄμα διὰ νυκτὸς πολλοῦ ἐπιγενομένου), время суток (раннее утро, когда еще темно), место действия (город внутри крепостных стен). Он перечисляет, что делали платейцы: вступали в рукопашный бой, женщины и слуги кидали во врагов черепицу и камни с сильным шумом и криками (κραυγῆ τε καὶ ὄλολυγῆ); упоминает о том, что делали фиванцы: одни забрались на стену, другие ушли, отперев ворота, третьи рассеялись по городу, а большинство случайно оказались в здании, дверь которого была открыта, и затем сдались платейцам. Таким образом, изображение разбивается на отдельные фрагменты – перечисление разнонаправленных движений, которые складываются в описание сражения, данное глазами автора – Фукидида. При этом историк обращает внимание не столько на визуальные детали, сколько на звуки и создает звуковую картину сражения.

«Наглядность» в художественном произведении связана с проблемой точки зрения, которую определяют как «образуемый внешними и внутренними факторами узел условий, влияющих на восприятие и передачу событий»⁹. Различия в восприятии какого-либо события зависят от пространственной точки зрения наблюдателя, а также от перцептивной точки зрения – чьими глазами повествователь, в данном случае Фукидид, смотрит на события¹⁰. Точка зрения

⁴ *Thuc.* 1. 22. 4.

⁵ *Dion. Halic. Pomp.* 3. 17.

⁶ *Thuc.* 4. 11. 4–12. 1; 4. 14. 1–3; 7. 71. *Plut. De glor. Athen.* 347a – c4.

⁷ *Dion. Halic. De Thuc.* 27.

⁸ *Thuc.* 2.4.

⁹ Шмид 2003: 121.

¹⁰ Планы точки зрения рассматриваются в работе: Шмид 2003: 122–127.

может проявляться в различных планах, в том числе психологическом¹¹. Фукидид неоднократно отмечает связь между зрительным восприятием и чувствами наблюдателей: понятно, что их чувства обусловлены тем, что они увидели.

Так, описание морского сражения у Пилоса (424 г. до н. э.)¹² дано глазами не только Фукидида, но и действующих лиц. Афиняне захватывают спартанские корабли, что, конечно, огорчает спартанцев на берегу¹³. Дальнейшие их действия объясняются увиденным: спартанцы в полном вооружении устремляются с берега на помощь и начинают тащить корабли назад, ухватившись за них, так что ведут морскую битву с суши (ἐκ γῆς ἐναυμάχου), а афиняне – сухопутную с кораблей (ἀπὸ νεῶν ἐπεζομάχου).

Яркие примеры детализированных описаний, составленных из отдельных фрагментов, можно найти в рассказе о разгроме сицилийской экспедиции афинян (413 г. до н. э.) в седьмой книге «Истории». Рассказывая о сухопутном ночном сражении при Эпиполах (νυκτομαχία¹⁴), Фукидид описывает разнонаправленные движения афинского войска на небольшом пространстве (ἐν στενοχωρίᾳ) при ярком свете луны (ἦν μὲν γὰρ σελήνη λαμπρά): одни терпели поражение, другие двигались вперед, затем началось беспорядочное отступление. Как и в описании разгрома фиванцев в Платее, историк дает звуковую картину сражения: сиракузяне и союзники поощряют друг друга громкими криками (κραυγῆ οὐκ ὀλίγη χρώμενοι), афиняне ищут своих, при этом каждое войско поет свой пеан. Сражение заканчивается разгромом афинского войска: одни афиняне бросаются с обрыва и гибнут, другие бегут в лагерь, третьи сбиваются с пути, и их убивают сиракузяне.

Изображение разбивается на отдельные фрагменты и при описании переправы афинского войска через реку Ассинар¹⁵. Отступая безо всякого порядка (οὐδενὶ κόσμῳ), одни афиняне гибнут сразу, других уносит течением, сиракузяне убивают тех, кто в реке, а оставшиеся в живых афиняне пьют речную воду, смешанную с кровью (τῷ πληρῷ ἡματωμένον).

Решающую морскую битву в гавани Сиракуз Фукидид описывает с разных точек зрения¹⁶. Сначала он показывает сражение «изнутри», давая звуковую картину: шум сталкивающихся кораблей (τὸν κτύπον μέγαν ἀπὸ πολλῶν νεῶν ζυμμιπτοῦσῶν), приказы полководцев¹⁷. Затем сражение описывается с

¹¹ Примеры из древнегреческой историографии см. в статье: Walker 1993: 353–377.

¹² *Thuc.* 4. 14. 1–3.

¹³ ἃ ὀρῶντες οἱ Λακεδαιμόνιοι καὶ περιαλοῦντες τῷ πάθει... παρεβοήθουν – «Видя это и переживая из-за несчастья, лакедемоняне устремились на помощь» (*Thuc.* 4. 14. 2).

¹⁴ *Thuc.* 7. 44.

¹⁵ *Thuc.* 7. 84. 3–5.

¹⁶ *Thuc.* 7. 70–71.

¹⁷ πολλὴ γὰρ δὴ ἡ παρακέλευσις καὶ βοή ἀφ' ἑκατέρων ... ἐγίγνετο – «Многочисленные воззвания

точки зрения афинских воинов, наблюдающих за ним с суши. В данном случае можно говорить о пространственной точке зрения наблюдателя: несколько наблюдателей, находясь в разных местах, видят разные части одного и того же события. Исход битвы неясен (ισορρόπου τῆς ναυμαχίας καθεστηκυίας), и Фукидид показывает связь эмоций и зрительного восприятия; пластический контраст выражается словесными средствами. Одни воины видят побежденных афинян и радуются, другие видят их поражение и стонут, третьи выражают страх жестикуляцией; все эти звуки сливаются вместе¹⁸. После победы сиракузян всех зрителей охватывает общее неприятное удивление и испуг (ἀπὸ μιᾶς ὀρμῆς οἰμωγῇ τε καὶ στόνῳ πάντες δυσανασχετοῦντες τὰ γινόμενα). Фукидид сравнивает это общее отчаяние с чувствами спартанцев, противников афинян, после поражения у Пилоса¹⁹.

В «Истории» Фукидида можно найти пример временной точки зрения наблюдателя, которая обозначает расстояние между первоначальным и более поздним восприятием одного и того же события, предполагающим процесс обработки, осмысления и переоценки первого впечатления²⁰. Временная точка зрения наблюдателя – и автора, и действующих лиц – проявляется в описании отступления афинян после разгрома сицилийской экспедиции²¹. Описание военного лагеря дано глазами покидающих его афинян: он представлял «горестное для каждого зрелище» (τῇ τε ὄψει ἐκάστῳ ἀλγεινὰ). Там оставались брошенные раненые и убитые, а отступающее войско напоминало убегающее население взятого осадой города (οὐδὲν γὰρ ἄλλο ἢ πόλει ἐκπεπολιорκημένη ἐώκεσαν ὑποφευγούσῃ), что весьма сильно отличалось (μέγιστον γὰρ δὴ τὸ διάφορον) от афинского войска, некогда отплывавшего на Сицилию²².

Описание начала экспедиции дано глазами многочисленных горожан, пришедших увидеть зрелище (κατὰ θέαν) – отплытие блестящего флота, «славного великолепием вида» (ὄψεως λαμπρότητι περιβόητος). В описании подчеркивается блеск и сияние: возлияния совершают из золотых и серебряных чаш. Можно заметить противопоставление звуков: отплытие сопровождают молитвы и пеаны, которые при отступлении меняются на противоположные – проклятия и стоны²³.

и крики раздавались с обеих сторон» (*Thuc.* 7. 70. 7).

¹⁸ ἦν τε ἐν τῷ αὐτῷ στρατεύματι τῶν Ἀθηναίων, ἕως ἀγχώμαλα ἐναυμάχουν, πάντα ὁμοῦ ἀκοῦσαι, ὁλοφύρμῳ βοῇ, νικῶντες κρατούμενοι – «Пока силы в морской битве были равны, в одном и том же афинском войске можно было услышать одновременно все: жалобы и боевые крики, [голоса] победителей и побежденных» (*Thuc.* 7. 71. 4).

¹⁹ *Thuc.* 7. 71. 7 – ср. 4. 14. 4.

²⁰ Шмид 2003: 124.

²¹ *Thuc.* 7. 75.

²² *Thuc.* 6. 31–32.

²³ *Thuc.* 7. 75. 6.

Таким образом, «наглядность» в «Истории» Фукидида заключена прежде всего в представлении звуковой картины события. Эта риторическая фигура служит для объяснения чувств и мотивировки действий людей. Также она используется для доказательства грандиозности и значительности Пелопоннесской войны, во время которой произошли величайшие несчастья (παθήματα)²⁴. «Наглядность» (ἐνάργεια) присутствует и в произведениях Ксенофонта²⁵; особенно важной она становится в эллинистической историографии²⁶, необходимым элементом которой являются детализированные описания, а одним из образцов для них служит «История» Фукидида²⁷.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается использование риторической фигуры «наглядность» (enargeia) – детализированных описаний – в повествовательных частях «Истории» Фукидида. В целях наглядности историк нередко прибегает к смене точек зрения, дает звуковую картину описываемых событий.

Ключевые слова: Enargeia, Фукидид, античная риторика, нарратология

ENARGEIA IN THE “HISTORY” OF THUCYDIDES

O.V. Osipova

The paper is focused on the analysis of the rhetorical figure *enargeia*, i.e. a vivid depiction in detailed descriptions, and its use in narrative parts of Thucydides' *History*. To improve the vividness the historian often switches between viewpoints and uses sound depiction of the events.

Keywords: *Enargeia*, Thucydides, ancient rhetoric, narratology

ЛИТЕРАТУРА

Гаспаров М.Л. 1997: Античная риторика как система // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Том 1. О поэтах. М. С. 556–590.

²⁴ *Thuc.* 1. 23. См.: Lateiner 1977: 51.

²⁵ Gray 2003: 120.

²⁶ См., например: Foucault 1972: 231–233.

²⁷ Использование фукидидовских описаний в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского рассматривается в работе: Нау 2009: 188–190.

Шмид В. 2003: Нарратология. М.

Foucault J.A. de. 1972: Recherches sur la langue et le style de Polybe. Paris.

Gray V. 2003: Interventions and Citations in Xenophon, Hellenica and Anabasis // CQ. Vol. 53.1. P. 111–123.

Hau L.I. 2009: The Burden of Good Fortune in Diodorus of Sicily: a Case for Originality? // Historia. Bd. 58. 2. S. 171–197.

Lateiner D. 1977: Pathos in Thucydides // Antichthon. Vol. 11. P. 42–51.

Lausberg H. 1960: Handbuch der literarischen Rhetorik. München.

Mejerling R. 1987: Literary and Rhetoric Theories in Greek Scholia. Groningen.

Nicolai R. 1992: La storiografia nell' educazione antica. Pisa.

Walker A.D. 1993: Enargeia and the Spectator in Greek Historiography // TAPA. Vol. 123. P. 353–377.

Zanker G. 1981: Enargeia in the Ancient Criticism of Poetry // RhM. Bd. 124. S. 247–252.

Л.Ю. Герасимова

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТОН ХРАМА ЗЕВСА В ОЛИМПИИ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДРУГИХ ЭПОХ: ВОСПРИЯТИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Западный фронтон раннеклассического храма Зевса в Олимпии довольно хорошо известен. При этом современные интерпретации темы фронтона отличаются разнообразием. Однако уже в древности не все было ясно с этим фронтоном, начиная с идентификации фигур. Мы попытаемся понять, что могли видеть во фронтоне посетители Олимпии времени его создания и их потомки. Также мы рассмотрим некоторые современные интерпретации.

Сюжет западного фронтона – битва лапифов и кентавров на свадьбе Пирифоя; на фронтоне храма в Олимпии появляется один из первых известных нам монументальных образцов фессалийской истории. Описание фронтона есть в тексте Павсания¹. Данный автор – наш единственный письменный источник по скульптурам храма Зевса, но именно описание скульптурного оформления этого храма содержит больше ошибок, чем в среднем у Павсания. Перизгет называет центральную фигуру Пирифоем, по обе стороны от которого помещает Тесея и Кеня. Сейчас считается доказанным, что в центре фронтона скульптор изобразил Аполлона, величественным жестом руки останавливающего сражение². Бог невидим для участников сражения; он один на западном фронтоне статичен, его фигура контрастирует с динамичными группами левой и правой сторон фронтона. Рядом с богом представлены Пирифой и Тесей. Их идентификация основывается на современной фронтону (470–440 гг. до н. э.) вазописи с изображением кентавромахии, где мы видим героев в аналогичных позах.

¹ Paus. V. 10. 8.

² Для подобной идентификации имеются иконографические свидетельства.

Почему же Павсаний, объясняя выбор сюжета Алкаменом, которому он приписывает создание скульптур на фронтоне, ошибся в идентификации фигур? Возможно, Перизгет что-то перепутал, описывая фронтоны по памяти или на основе своих записей, но это кажется маловероятным. Он (видимо, как и его гиды) не мог поместить западный фронтоны в контекст храма и святилища: связь кентавромахии с Олимпией проследить довольно трудно, а связь Аполлона с кентавромахией – еще трудней. Павсаний, вообще не говоря об Аполлоне, ищет сюжетно-генеалогические обоснования выбора сюжета: Перизгет объясняет появление Пирифоя и Тесея на фронтоне главного храма Олимпии происхождением первого от Зевса, а второго – от Пелопса.

Впрочем, и современные исследователи, интерпретируя западный фронтоны с учетом того, что на нем присутствует Аполлон, зачастую отталкиваются от устоявшихся концепций древнегреческого искусства, религии или истории, берут за основу отдельные критерии.

Г. фон Айнем, опираясь на некие общие представления об Аполлоне, подчеркивает величественность образа бога как гаранта законности и порядка. Победа лапифов над пьяными кентаврами – это победа Аполлона над Дионисом и в то же время победа над варварством. Аполлон противопоставляет кентаврам, как упорядоченность и сдержанность противопоставляет беззаконию и несдержанности. Культура побеждает природный хаос³. Положения Г. фон Айнема можно отнести к комплексу распространенных интерпретаций западного фронтона в свете бинарных противопоставлений.

В случае с западным фронтоном речь нередко идет об оппозиции «греки-варвары», ставшей, как считается, особенно актуальной во время греко-персидских войн. К таким же популярным «общим местам» относятся «панэллинизм» и «превосходство греческой цивилизации». Считается, что тема кентавромахии, как и тема борьбы с амазонками (этот сюжет также неоднократно встречается в Олимпии), получила распространение в греческом искусстве в связи с греко-персидскими войнами, символизируя победу над ὑβρις – наглостью, бесчинством, оскорблением⁴. Предполагалось, что кентавромахия на западном фронтоне храма Зевса появляется в ознаменование побед при Марафоне, Саламине и Платеях⁵.

Исследователь греческого искусства Р.Р. Холлоуэй считает неудачными попытки связать тему западного фронтона с какой-либо отдельной победой. Ставя своей целью комплексную интерпретацию всей скульптурной программы храма, в противоположность тем исследователям, которые акцентирова-

³ Einem 1967.

⁴ Herrmann 1972: 135.

⁵ Colvin 1880: 109.

ли внимание на отдельных элементах, исследователь предлагает посмотреть на храм глазами древнего грека, приехавшего в Олимпию, и утверждает, что скульптурная программа была нацелена на то, чтобы через выбор сюжетов (географические ассоциации) подчеркнуть связи Олимпии со всем греческим миром⁶. Но и здесь встает вопрос: посмотреть на храм глазами какого грека, какого времени? Ведь Павсаний не увидел того, что увидел современный ученый.

Х. Кнелль в монографии об отражении полисной идеологии в греческом искусстве характеризует скульптурную программу храма Зевса как демонстрацию общегреческого этоса, его уникальности и превосходства; это не была программа какого-либо отдельного полиса, хотя она отражала определенное влияние Афин⁷.

Н. Терсини считает темой фронтонов храма Зевса справедливость – δίκη, представленную, однако, через свою противоположность – ὕβρις: зрителю показывается, что не подобает делать. Ὑβρις рассматривается как нарушение устоев семьи⁸.

Существуют и агональные трактовки композиции западного фронтона, прославляющей, в соответствии с данными трактовками, идеалы Олимпийских игр, спортивную борьбу, которая ведется по определенным правилам⁹. Г.Ф. Геррманн связывает скульптурное оформление храма Зевса с темой победы, которую приносит тяжелая борьба и которую боги дают только лучшему. Эта тема является основополагающей, скрепляющей три сюжета: древнее местное предание о борьбе Пелопса и Эномая (восточный фронтон), историю подвигов Геракла – «национального героя» владеющих Пелопоннесом дорийских племен (метопы) и «панэллинский» миф о кентавромахии (западный фронтон). В этой ступенчатой композиции находит отражение роль Олимпии, прошедшей стадии локального, пелопоннеского и, наконец, общегреческого святилища¹⁰.

Для многих интерпретаций западного фронтона характерна, как мы видим, абстрактность, оторванность от конкретной исторической ситуации и от контекста конкретного святилища.

Один из немецких исследователей – В. Гауэр – ищет ключ к пониманию всех скульптур храма в их политических коннотациях, делая попытку привязать явление художественной культуры к конкретным историческим обстоятельствам. Ученый отмечает, что в Олимпии идет речь о подвиге фессалийских героев, совершенном при помощи афинянина Тесея и под защитой дельфий-

⁶ Holloway 1967.

⁷ Knell 1990: 79–94.

⁸ Tersini 1987.

⁹ См., например: Aschmole, Yalouris 1967: 181.

¹⁰ Herrmann 1987: 28.

ского Аполлона, об убийстве аргивянином Пелопсом тирана и утверждении своей власти в Олимпии и на Пелопоннесе, о деяниях Геракла, по происхождению своему связанного с Фивами и Арголидой и часто изображаемого в архаическом искусстве Афин. Программа храма представляет, таким образом, те силы, которые противостояли в Дельфах радикальному антиперсидскому курсу Спарты, – Фессалии, Аргоса, Афин, Дельф, возможно, также Фив. И шит, посвященный спартанцами после битвы при Танагре в 457 г. до н. э. и укрепленный на коньке храма, явился воплощением протеста спартанцев против данной скульптурной программы¹¹. В композиции западного фронтона видят и другой политический подтекст: олимпийская кентавромахия следует афинским образцам, поскольку афинское государственное устройство стало образцом для Элиды после синойкизма и установления демократии¹².

В Олимпии кентавромахия впервые появляется в композиции западного фронтона; вообще, именно в это время данная версия кентавромахии (в доме Пирифоя на свадьбе) начинает фигурировать в искусстве¹³. Но в Олимпии с кентавромахией соединен Аполлон, и значение фронтона можно понять только исходя из реалий Олимпии¹⁴, в контексте святилища, с учетом топографии и коммуникативных аспектов.

Такую попытку предпринимает У. Зинн, который полагает, что западный фронтон отражает роль Олимпии как арбитра в отношениях между греческими полисами в эпоху греко-персидских войн: в святилище существовал некоторое время третейский суд¹⁵. Для гипотезы немецкого ученого имеется ряд оснований, которые приводятся далее.

Олимпия являлась центром обнародования межгосударственных договоров и таким образом была причастна к сфере политики¹⁶. Роль Олимпии в отношениях между греческими государствами освещает, в частности, обнаруженный в 1960 г. архаический документ, являющийся договором Сибариса и сердайев (Σερδαῖοι)¹⁷. В качестве гарантов договора призываются полис Посидония и боги, из которых по именам названы Зевс и Аполлон.

Такие договоры, как вышеупомянутый, лишь «публиковались» в панэллинском святилище, однако у нас есть свидетельство того, что решения относительно межгреческих отношений могли приниматься в самой Олимпии. В 1965 г. в юго-восточной части археологического комплекса была обнаружена

¹¹ Gauer 1994: 178.

¹² Raschke 1988: 45.

¹³ Aschmole, Yalouris 1967: 181.

¹⁴ Sinn 1994: 593.

¹⁵ Sinn 1994.

¹⁶ Hönlе 1972: 191.

¹⁷ Kunze 1961.

бронзовая пластина с решением должностных лиц святилища относительно спора беотийцев и фессалийцев с афинянами, феспийцами и их союзниками¹⁸. Время появления этого решения – первая половина V в. до н. э., скорее всего, – 470-е гг. Согласно документу, фессалийцев освободили от наложенного прежде штрафа в пользу Феспий¹⁹. Одна археологическая находка позволяет раскрыть атмосферу периода, который длился совсем недолго и который трудно было бы вычленивать исходя из общих тенденций древнегреческой истории. Применительно к западному фронтону речь идет, прежде всего, не о реалиях эпохи, а о надеждах греков того времени на лучшее устройство их полисного мира, об их идеалах²⁰. Храм Зевса стал воплощением олимпийской идеи в ее наиболее совершенной форме, соответствовавшей эпохе, когда он создавался, – эпохе расцвета греческой цивилизации²¹.

Противоречат гипотезе У. Зинна положения некоторых исследователей. Основную мысль А. Хенле можно сформулировать так: несмотря на панэллинский характер игр, в Олимпии никогда не проводилась панэллинская политика²². Г. Филипп пишет о том, что Олимпия, в общем, никогда не использовалась прежде всего в политических целях. Олимпия, как и другие святилища, служила выражению «общего политического веса», который следует отличать от текущих политических интересов²³. В.А. Тронкосо считает, что в политическом и дипломатическом плане Олимпия являлась нейтральной величиной: от панэллинских игр не исходил импульс к совместному политическому действию²⁴. Однако, по-видимому, о панэллинской политике в святилище все-таки можно говорить.

Что же касается отнесения кентавров к стихийным, необузданным силам природы или к варварам, то они не очень подходят на эту роль: лапифы и кентавры, отмечает У. Зинн, в равной степени принадлежат к греческому племенному миру, кентавры были приглашены на свадьбу Пирифоя как соседи и родственники лапифов. Но при этом кентавры олицетворяют как светлые, так и темные стороны греков, их менталитета²⁵.

Между лапифами и Аполлоном есть родственная связь: лапифы происходят от Аполлона²⁶, – поэтому интерпретаторам фронтона кажется вполне ес-

¹⁸ SEG XXXI, 358.

¹⁹ Sinn 1994: 599; Anm. 55.

²⁰ Sinn 1994: 600.

²¹ Sinn 1994: 602.

²² Hönle 1972.

²³ Philipp 1994: 89.

²⁴ Troncoso 2001.

²⁵ Sinn 1994: 598.

²⁶ Schol. Hom. II. II. 266; Schol. Apoll. Rhod. I. 41; *Diod. Sic.* IV. 69; V. 61.

тественным то, что он приходит на помощь своим потомкам. Однако в поздней историографии встречается версия происхождения не только лапифов, но и кентавров от Аполлона²⁷. Если такая версия имеет право на существование, то Аполлон появляется на фронтоне не просто как бог, связанный с порядком и законностью, но и как прародитель участников сражения с обеих сторон.

Наконец, мнение У. Зинна подтверждает расположение интересующего нас фронтона. Топография ряда святилищ свидетельствует о том, что паломники (как отдельные посетители, так и участники священной процессии), входя в теменос, видели сначала именно западный фронтон храма: композиция фронтона обеспечивала посетителю позитивный настрой на пребывание в священном участке²⁸. Поэтому сюжет западного фронтона храма Зевса имеет общегреческое звучание, в противовес сюжету восточного фронтона, привязанному к Олимпии.

Приведенная интерпретация западного фронтона, по сути, тоже вписывается в число тех интерпретаций, которые основаны на противопоставлении цивилизации, порядка и законности дикости, хаосу и бесчинству. Но ценность гипотезы немецкого ученого заключается в том, что он указывает на конкретные, связанные с обстоятельствами места и времени особенности данного фронтона.

Вернемся к Павсанию и его эпохе. Уже тогда ученые умы не могли объяснить значение кентавромахии в скульптурном оформлении храма Зевса. Почему? Р. Осборн критикует стереотипный подход к античному искусству, восходящий к греческим и римским авторам и рассматривающий искусство как сферу, не зависимую от политической, социальной, культурной и экономической истории людей, которыми и для которых это искусство создавалось. Автор обращает внимание на необходимость анализировать взаимодействие между создателем того или иного объекта искусства и потребителем²⁹. Поэтому трудно понять произведение искусства без рассмотрения его в контексте конкретного исторического периода. Следует заметить, что вышеописанный подход можно считать характерным скорее для поздних авторов, а в классической Греции искусство было неразрывно связано с другими сферами жизни и включалось в социальный, политический, культурный, религиозный контекст.

²⁷ *Diod. Sic.* IV. 69; см. также: *Schol. Hom. Od.* XXI. 303: Иксион – родственник лапифов.

²⁸ *Sinn* 2000: 63.

²⁹ *Osborne* 1998. Также и Дж. Таннер считает неправомерным взгляд на классическое искусство как на автономную сферу со своими специфическими эстетическими ценностями: искусство определялось гражданскими целями и ценностями; собственно эстетические ценности взаимодействовали с политическими и социальными (*Tanner* 2000). В противном случае выбор сюжета и персонажей мог бы объясняться логикой Павсания, искавшего тематические связи.

Как же мог рассуждать заказчик фронтоной композиции, ее создатель и, наконец, зритель, гость Олимпии? Думается, что У. Зинн приблизился к тому, чтобы посмотреть на западный фронтон глазами грека того времени, когда этот фронтон создавался. Но стоит ли сужать значение фронтоной композиции до отражения политической роли Олимпии? Возможно, символика образа была связана и с конкретной политической ситуацией, и, в то же время, с общими идеями классической эпохи касательно космического и социального (в рамках космического) порядка³⁰.

Р.Р. Холлоуэй пишет, что к началу V в. до н. э. греки разработали программное оформление скульптуры, украшавшей архитектурные произведения, но тематические связи еще были простыми и конкретными, и только через столетие они стали более абстрактными и допускающими различные варианты толкования³¹. Такая трактовка представляется не совсем верной. Божество классической эпохи – уже *не* конкретный мифологический образ, а «идеальный концепт» мировоззрения того времени. В этом смысле боги могут становиться чистыми персонификациями политических представлений и понятий – Т. Хельшер говорит о «концептуальном языке» эпохи³². Изобразительное искусство из мотивов культа и иконографических традиций создает новый художественный язык, который выходит за рамки конкретных ситуаций и героев. Элементы реального мира включаются в новые сверхреальные связи³³. То же можно сказать и о классической трагедии. Н. Ялурис указывает на концептуальную близость композиций фронтонов храма Зевса и трагедий Эсхила: в изобразительном искусстве больше не пересказываются мифы, как это было в эпоху архаики; под влиянием трагедии и доминирующего духа эпохи мифологические сюжеты становятся средством выражения идей и чувств³⁴. «Миф, понятый не буквально как жизненная реальность отдаленной архаики, а в его художественно-общественной значимости, уже есть символически преобразованный миф»³⁵.

В таком духе Г. Кириляйс, в частности, интерпретирует восточный фронтон храма Зевса: композиция фронтона фокусирует внимание на значении мифа, а не иллюстрирует его; нарративная техника скульптора нацелена скорее на интеллектуальный подход к мифу, а не на его воспроизведение³⁶.

³⁰ Собственно, и У. Зинн говорит о визуализации на фронтоне некоего идеала – представлений о лучшем устройстве греческого мира (см. выше).

³¹ Holloway 1967: 93.

³² Hölscher 1997: 159–163.

³³ Hölscher 1997: 157, 162.

³⁴ Aschmole, Yalouris 1967: 186.

³⁵ Тахо-Годи, Лосев 1999: 359.

³⁶ Kyrieleis 1997.

Современники не оставили описания западного фронтона, однако, например, тексты договоров между греками с упоминанием Аполлона указывают на уместность появления этого бога в скульптурном оформлении храма Зевса в роли блюстителя законности и соглашений, символизирующего роль Олимпии как посредницы между греками. А тексты Пиндара, как нам кажется, соответствуют духу западного фронтона.

В мифологических сюжетах од Пиндара можно проследить аналогии с восточным фронтоном (состязание Пелопса и Эномая) и с метопами (связь Олимпии и Геракла)³⁷. Вполне естественно также усматривать в VI оде сходство с западным фронтоном в том, что касается роли Аполлона в Олимпии: Пиндар делает бога, не имевшего культа в Олимпии, учредителем Олимпийских игр и Олимпийского оракула через его повеления своему сыну Иаму³⁸. Во всяком случае, связь Аполлона с Олимпией для поэта должна была быть яснее, чем для Павсания.

Итак, композиция западного фронтона – это не указание на какое-то конкретное событие или мифологический сюжет, а визуализация картины мира (ее фрагмента), преобладавшей в данном обществе в данное время. Но эта картина мира «описана» не абстрактным отвлеченным языком, а образным языком мифа. Аполлон, косвенно связанный с Олимпией, – не конкретный мифологический образ (в этом случае можно было бы искать сюжетные привязки, как делает Павсаний), а «идеальный концепт» – выступает как пророк Зевса, вершащий его волю, наказывающий тех, кто нарушает законы Зевса, в том числе закон гостеприимства. И с высоты фронтона Аполлон призывает греков к правовому урегулированию конфликтов между ними.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются варианты интерпретации западного фронтона раннеклассического храма Зевса в Олимпии. Уже Павсаний не мог поместить сюжет фронтона – битву лапифов с кентаврами – в контекст храма и святилища. Современные исследователи зачастую отталкиваются от устоявшихся концепций древнегреческого искусства, религии или истории. Попытку понять смысл фронтонной композиции исходя из конкретного историко-культурного контекста предпринимает У. Зинн, который полагает, что западный фронтон отражает роль Олимпии как посредницы между греческими полисами после греко-персидских войн. Возможно, однако, что символи-

³⁷ *Pind. Ol. I; III. X.*

³⁸ *Pind. Ol. VI. 59–70.*

ка образа была связана и с конкретной политической ситуацией, и, в то же время, с общими идеями классической эпохи о космическом и социальном порядке.

Ключевые слова: греческая скульптура, храм Зевса в Олимпии, Аполлон, Павсаний

THE WEST PEDIMENT OF THE TEMPLE OF ZEUS AT OLYMPIA THROUGH THE EYES
OF CONTEMPORARIES AND THE REPRESENTATIVES OF OTHER EPOCHS:
PERCEPTION AND INTERPRETATIONS

L.Ju. Gerasimova

The article is dedicated to various interpretations of the west pediment of the early Classical Temple of Zeus at Olympia. Even Pausanias was not able to place the subject of the pediment – the battle of the Lapiths and Centaurs – into the context of the temple and the sanctuary. Modern scholars often base themselves on common concepts of Ancient Greek art, religion or history. U. Sinn makes an attempt to understand the pediment composition from the specific historical and cultural context: he believes that the west pediment reflects the role of Olympia as an arbiter in the interrelations of Greek poleis after the Persian Wars. It is possible, however, that the symbolism of the pediment was connected both with the specific political situation and general ideas of the Classical period, regarding the cosmic and the social order.

Keywords: Greek sculpture, temple of Zeus at Olympia, Apollo, Pausanias

ЛИТЕРАТУРА

- Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф.* 1999: Греческая культура в мифах, символах и терминах. Составление и общая редакция А. А. Тахо-Годи. СПб.
- Aschmole B., Yalouris N.* 1967: Olympia. The Sculptures of the Temple of Zeus. London.
- Colvin S.* 1880: On Representations of Centaurs in Greek Vase-Painting // JHS. 1.
- Einem H. von.* 1967: Zum "Apoll" vom Westgiebel des Zeustempels in Olympia. Berlin.
- Gauer W.* 1994: Die Perserkriege und die klassische Kunst der Griechen // Griechische Klassik: Vorträge bei der interdisziplinären Tagung des Deutschen Archäologenverbandes und der Mommsengesellschaft vom 24.–27.10.1991 in Blaubeuren / Hrsg. von E. Pöhlmann und W. Gauer. Nürnberg. S. 167–187.
- Herrmann H.V.* 1972: Olympia: Heiligtum und Weltkampfstätte. München.
- Herrmann H.V.* 1987: Erläuterungen zum Pausanias-Text // Die Olympia-Skulpturen / Hrsg. von H.V. Herrmann. Darmstadt. S. 21–28.
- Holloway R.R.* 1967: Panhellenism in the Sculptures of the Zeus Temple at Olympia // Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham. 8. № 2. P. 93–101.

- Hölscher T.* 1997: Ritual und Bildsprache. Zur Deutung der Reliefs an der Brüstung um das Heiligtum der Athena Nike in Athen // AM. 112. S. 143–166.
- Hönle A.* 1972: Olympia in der Politik der griechischen Staatenwelt: Von 776 bis zum Ende des 5. Jahrhunderts. Bebenhausen.
- Knell H.* 1990: Mythos und Polis: Bildprogramme griechischer Bauskulptur. Darmstadt.
- Kunze E.* 1961: Eine Urkunde der Stadt Sybaris // VII. Bericht über die Ausgrabungen in Olympia. Von E. Kunze mit Beiträgen von E. Goethe, Ch. Habicht, A. Mallwitz, F. Willemsen. Frühjahr 1956 bis 1958. Berlin. S. 207–210.
- Kyrieleis H.* 1997: Zeus and Pelops in the East Pediment of the Temple of Zeus at Olympia // The Interpretation of Architectural Sculpture in Greece and Rome / Ed. by D. Buitron-Oliver. Washington. P. 13–27.
- Osborne R.* 1998: Archaic and Classical Greek Art (Oxford History of Art). Oxford; New York.
- Philipp H.* 1994: Olympia, die Peloponnes und die Westgriechen // JDAI. 109. S. 77–92.
- Raschke W.J.* 1988: Images of Victory: Some New Considerations of Athletic Monuments // The Archaeology of the Olympics. The Olympics and Other Festivals in Antiquity / Ed. by W.J. Raschke. Wisconsin. P. 38–48.
- Sinn U.* 1994: Apollon und Kentauromachie im Westgiebel des Zeustempels in Olympia. Die Wettkampfstätte als Forum der griechischen Diplomatie nach den Perserkriegen // AA. H. 4. S. 585–602.
- Sinn U.* 2000: Der griechische Tempel: Kulisse für den Altar // Kunst und Liturgie im Mittelalter. Akten des internationalen Kongresses der Bibliotheca Hertziana und des Nederlands Instituut te Rome. Rom, 28.–30. September 1997 / Hrsg. von N. Bock, S. de Blaauw, Chr.L. Frommel und H. Kessler. München. S. 55–64.
- Tanner J.* 2000: Social Structure, Cultural Rationalisation and Aesthetic Judgement in Classical Greece // Word and Image in Ancient Greece / Ed. by N.K. Rutter and B.A. Sparkes. Edinburgh. P. 183–205.
- Tersini N.D.* 1987: Unifying themes in the sculpture of the Temple of Zeus // CA. 6. P. 139–159.
- Troncoso V.A.* 2001: Die neutralen Staaten in den Perserkriegen und das griechische Völkerrecht // Gab es das griechische Wunder? Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der Mitte des 5. Jahrhunderts v. Chr.; Tagungsbeiträge des 16. Fachsymposiums der Alexander von Humboldt-Stiftung, veranstaltet vom 5. bis 9. April 1999 in Freiburg im Breisgau / Hrsg. von D. Papenfuß und V.M. Strocka. Mainz am Rhein. S. 365–377.

Я.Л. Забудская

АЛТАРЬ В СЦЕНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГРЕЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ: ИКОНОГРАФИЯ И ТЕКСТ

Соотношение слова и образа в греческой трагедии очевидно и безусловно: этот литературный жанр как никакой другой предполагал зрительное воплощение текста – сценическое. Однако попыткам реконструкции сценического воплощения дошедших до нас драм афинских трагиков противостоит очевидная, но не всегда осознаваемая дихотомия: те немногие тексты трагедий, которыми мы располагаем, относятся к эпохе классики и непосредственно к Афинам, а архитектурные и письменные свидетельства театральной обстановки – к эпохе эллинистической и греко-римской, будучи при этом рассеянными по довольно обширному ареалу. До сих пор устройство и пространственное соотношение таких конструкций, как логейон, теологейон, проскений, механе, экиклема в классическую эпоху в трудах, посвященных устройству театра, остаются предметом дискуссий. Правда, семантическая наполненность театрального пространства в эпоху греческой классики сейчас уже, кажется, никем не отрицается, а некоторые элементы этого пространства оказываются в ряде случаев сюжетообразующими.

Важный элемент, организовывавший сценическое пространство, – алтарь, называемый также фимелой (Θυμέλη). На начальных этапах становления драматического жанра алтарь-фимела был, скорее всего, единственным сооружением театрального пространства (характерная для традиционных представлений о греческом театре конструкция сцены появилась только около 460 г. до н. э., при реконструкции театра Диониса в Афинах¹).

¹ Gaulty В. u. a. (Hrsg.). 1991: 25; Flickinger 1918: 226; Hammond 1972: 387–450.

При всем обилии научной литературы, посвященной античному театру, особое внимание функциям алтаря уделялось нечасто. Мы укажем на статью Рое 1989, в которой приведена, в том числе,

Версия ритуального происхождения трагического жанра неизбежно повлекла за собой представление об изначально сакральных функциях алтаря². Однако нельзя не отметить, что «театральный» алтарь с удивительной быстротой приобрел и функцию сюжетную. В первую очередь это так называемая «гикесия», «просьба у алтаря» (в выполнении которой нельзя отказать, не оскорбив богов, а алтарь служит защитой просящему). Реалия, связанная с религиозно-социальными институтами Древней Греции, стала у трагиков драматургическим приемом, в равной мере и эффективным для сюжета, и эффективным для постановки. В качестве дополнительного сюжетного элемента, влияющего на развитие действия, гикесия не раз появляется в трагедиях (из сохранившихся, к примеру, в «Эвменидах» Эсхила, в «Эдипе в Колоне» Софокла, в «Андромахе», «Ионе», «Просительницах», «Гераклидах» Еврипида). Из несохранившихся трагедий в качестве самого яркого примера можно привести еврипидовского «Телефа», где мотив гикесии был усложнен еще и похищением заглавным героем младенца Ореста в качестве заложника. Это «злоупотребление» алтарным мотивом у Еврипида было потом высмеяно в аристофановских «Фесмофоризусах». Впрочем, и у Эсхила имелась трагедия на тот же сюжет, но о ее сценографическом решении ничего не известно.

Обычно считается, что для такого рода сцен в поздних драмах особые «театральные» алтари сооружались отдельно. Но у нас есть пример и более раннего использования мотива гикесии, до реконструкции, в ходе которой была расширена театральная обстановка, а именно «Умоляющие» Эсхила, датируемые 465 г. до н. э. Если в это время в рамках театрального пространства мог находиться только один алтарь – фимела, то, видимо, именно этот алтарь является (и сюжетно, и пространственно) центром драмы, что подчеркивается и репликами персонажей (Даная и самих просительниц-Данаид, Suppl. 190, 222, 365, 463).

и библиография на данную тему. Основная задача, которую ставит перед собой автор указанной статьи – доказать наличие в сценографии V в. двух алтарей – алтаря на оркестре и алтаря особой конструкции (ἀγυεύς) перед сценой. Изображения на вазах как средство аргументации автором отклоняются из-за сложности в интерпретации (Рое 1989: 117).

² Само название театрального алтаря должно было указывать на его связь с жертвоприношениями (от θύω, «приносить жертву», что, впрочем, не признается многими лексикографами). Однако функционирование фимелы указывает на ее связь с не столько непосредственно с «жертвенной», сколько с «исполнительской» частью ритуала: фимела – это возвышение, которое может быть очагом, алтарем, но еще и постаментом (βῆμα, τράπεζα, pulpitum), с которого выступают. С фимелы декламировали гомеровские поэмы рапсоды. См: Sommerbrodt 1876: 22–34; Fensterbursch 1936: 700–704.

Современные исследователи настаивают, что даже на ранних этапах формирования античного театра алтарь в центре оркестры не имел сакрального значения и сооружался в театральных целях. Rehm 2002: 41.

Функции фимелы были разнообразными, и собственно «алтарная» – лишь одна из них. Судя по всему, именно Эсхил придал фимеле сюжетообразующую роль и преобразовал ее функционально (в Vita Aesh., p. 6 Dindorf.); утверждается, что Эсхил первым украсил («упорядочил») сцену и поразил зрителей «картинами, устройствами, алтарями и могилами». Именно расширение функций алтаря стало отправной точкой для преобразования сценического пространства и формирования сценической вертикали.

В «Умоляющих» дополнительным элементом этой вертикали является возвышение над площадкой орхестры, κοινὸβωμῖα или λάγος, упоминаемое персонажами (189, 222, 457, 713). Предполагаемые крупные размеры этого сооружения (алтарь служит убежищем для целого хора, Данай видит с его вершины корабль Египтиадов) заставили предположить в нем не центральный алтарь, а скалистый холм в восточной части орхестры, находившийся в театре Диониса вплоть до реконструкции времен Перикла³. Менее отчетливо выражено (но тем не менее предполагается) присутствие сходного сценического элемента – κοινὸβωμῖα – в «Семерых против Фив»⁴.

В «Персах» (472 г. до н. э.) организующим элементом драматического пространства является уже не алтарь, а могила⁵ Дария, и ее функциональное значение проявляется на всех уровнях произведения: образном, сюжетном, композиционном. Образ Дария в трагедии, посвященной поражению персов, важен для создания контраста, оттенения крушения былой мощи⁶. Сюжетное значение появления именно Дария в «Персах» подчеркивается тем, что Эсхилу приходится погрешить против исторической правды и переместить могилу царя из Персеполя в Сузы, где происходит действие трагедии⁷. Композиционно сцена «психагогии» – вызывания души Дария из могилы – является центром драмы, что подчеркивается музыкальным оформлением (ῥῆμος κλητικὸς) и хореографией⁸.

Существует несколько противоречащих друг другу версий сценического воплощения этого эпизода. Первая основана на том, что появление Дария

³ Hammond 1972: 447–450.

⁴ Pœe 1989: 120.

⁵ Объединение функций алтаря и могильного камня было вполне допустимо в греческой религиозной практике, особенно применительно к культу героев (Reisch 1894: 1652–1653).

Риджвэй рассматривал этот прием – сосредоточение действия вокруг могилы – как подтверждение теории происхождения драмы от культа героев, прославлявшихся на могилах (Ridgeway 1966: 110).

⁶ «Когда Атосса и хор обращаются к Дарию, то этот образ победоносного царя и память о великом прошлом (обставленные двумя бодрыми песнями) оттеняют последующее появление разбитого Ксеркса и картину прискорбного настоящего» (Гаспаров 1997: 455).

⁷ Flickinger 1918: 249. Заметим также, что настоящая усыпальница Дария, высеченная в отвесной стене, и по конструкции отличалась от фимелы.

⁸ Taplin 1977: 115.

сходно с эпифанией божества, а значит, и явление этого персонажа сходно с божественным, и для него используется крыша сцены⁹. Вторая версия – применение эккиклемы¹⁰. Обе версии опровергаются последними предположениями об этапах реконструкции театра Диониса: первая сцена была построена на десятилетие позже, чем были поставлены «Персы». Исходя из лаконичности оформления театрального пространства в ту эпоху, некоторые ученые¹¹ полагают, что «в роли» могилы была та же фимела.

Так формируется условность театрального пространства: став из религиозного объекта частью зрелища, фимела сохранила специфичность, сакральность пространства орхестры, на котором находится, что и отличает его от исключительно драматического пространства актеров у сцены¹². «Сакральное» пространство представляется отделенным от драматического¹³, что становится особенно важным при усложнении театральной обстановки и появлении сцены-«дворца» – иначе трудно объяснить, например, сценографию «Хоэфор», в которых могила Агамемнона оказывается прямо перед дворцом, где живут его убийцы¹⁴. Возможно также, что в «Хоэфорах», как и в «Эвменидах», происходит смена места действия – только выражается это не в перемещении персонажей из Дельф в Афины, как в последней части трилогии, а в смещении точки, вокруг которой сосредоточены события¹⁵: сначала алтарь-могила, а затем сцена-дворец выступают своего рода образными «фокусами» в различных частях действия.

В более поздние времена эта сакральная условность пространства утрачивается, и в «Елене» Еврипид специально объясняет расположение могилы отца царя Феоклимена непосредственно перед дворцом:

1165 ὦ χαῖρε, πατὴρς μνημ' ἐπ' ἐξόδοισι γὰρ
 ἔθαψα Протеῦ σ' ἔνεκ' ἐμῆς προσήσεως
 ἀεὶ δέ σ' ἐξίῳν τε κάσιῳν δόμους
 Θεοκλύμενος παῖς ὄδε προσεννέπω, πάτερ.

⁹ Bethe, Groenenboom, Spitzbarth, см.: Taplin 1977: 117.

¹⁰ Webster 1956: 165.

¹¹ Murrey, Arnott, см.: Taplin 1977: 117. Отдельная версия – все тот же холм или скала на восточном краю орхестры – при всей своей привлекательности представляется не до конца убедительной. См.: Poes 1989: 120; Taplin 1977: 448–449.

¹² Существует, однако, и противоположная точка зрения: алтари и могилы подчеркивают вовлеченность пространства орхестры в действие. См.: Ley 2007: 63.

¹³ Целая система взаимодействующих и разделяющихся театральных пространств представлена в книге: Wiles 2003.

¹⁴ Flickinger 1918: 248 рассматривает такое размещение могилы перед дворцом как своего рода нарушение «единства места», создающее театральную условность.

¹⁵ Этой точки зрения придерживается Тэплин: Taplin 1977: 104.

Привет тебе, отцовский гроб! Тебя
 Я схоронил, Протей, у входа, чтобы
 Приветствовать почаше. Всякий раз,
 Как покидаю дом или готовлюсь
 Войти в него, молюсь тебе, отец!

(Перевод И. Анненского)

Но два алтаря – один «театральный», другой настоящий – возможны только при наличии проскения, визуально отделяющего «драматическое» пространство от оркестры. Когда религиозное значение театральной постановки перестало ощущаться и «драматичность» пространства распространилась и на оркестру, возникла сложность со значением алтаря, поэтому в некоторых театрах алтарь оказался смещенным к краю оркестры (так, к примеру, устроен театр в Приене). А на проскении по мере надобности стали строиться специальные алтари, неоднократно изображенные на вазах с театральными сценами.

Однако «Персы», драма ранней классики, дают нам пример лаконичной сценографии, в которой именно алтарь, представляющий могилу Дария, выступал «локальным фокусом» на протяжении довольно длительного эпизода драмы. Как и в «Хозфорах», эта сфокусированность внимания зрителей на алтаре является временной, то есть означает смену места действия¹⁶. Но в случае с «Персами» нам важна еще одна особенность театрального пространства – появление призрака Дария вводит дополнительный уровень сценической вертикали – подземный. Был ли он условен или имел некое физическое воплощение? Необходимость ответа на этот вопрос напрямую связана с частотой использования этого приема в классической драме. В сохранившихся трагедиях призраков по меньшей мере три – Дарий в «Персах», Клитемнестра в «Эвменидах», Полидор в «Гекубе», еще несколько примеров из несохранившихся («Вызыватели душ»¹⁷ и «Этнеянки» Эсхила, «Поликсена» Софокла, «Протесилай» Еврипида).

Как же мог появляться призрак? В эллинистическое время для этого явления, ставшего, видимо, частым сюжетным приемом в силу своей эффектности, использовались так называемые «ступени Харона», описанные у Поллукса (Χαρῶνετοῖ κλίμακες, Pollux Onomasticon IV §132) как лестницы, через которые из подземных проходов появлялись призраки (εἴδωλα). Такие проходы-туннели обнаружены в нескольких театрах: в Сикионе, Коринфе, Эретрии, Филиппах, Сегесте, Аргосе, причем в Эретрии, Филиппах и Сикионе они вели к центру оркестры.

¹⁶ Тэплин предполагает, что начальные эпизоды трагедии обозначены как происходящие в помещении (Taplin 1977: 105–106).

¹⁷ Hall 1996: 152.

Рис. 1

При описании «ступеней Харона» ученые подчеркивают¹⁸, что они не использовались в классические времена. Основанием для такого утверждения является в том числе и отсутствие в сохранившихся драмах соответствующих сцен¹⁹. Тем более возникает необходимость объяснения театральной реализации сцен из «Персов», «Эвменид» и «Гекубы».

При обращении собственно к текстам мы видим следующее: если в тексте «Эвменид» и «Гекубы» не содержится прямых указаний на то, откуда и каким

образом появляются Клитемнестра (Тэплин придерживается версии о том, что в этой сцене призрак Клитемнестры был представлен лишь голосом²⁰) и Полидор (возможно, и через пароды), то в «Персах» Дарий подчеркивает, что ему «трудно выбирать» (683 ἐστὶ δ' οὐκ εὐέξοδος), и описывает свои передвижения именно как вертикальные (839 ἐγὼ δ' ἄπειμι γῆς ὑπὸ ζόφον κάτω).

Помимо указаний в тексте, для решения проблем сценической реализации драматических сцен существует еще одна возможность – иконографические свидетельства. Сцена, схожая с рассматриваемой, изображена на кратере «Базельские танцоры», который датируется от 490 до 480 г. до н. э. (рис. 1).

Если в случае некоторых изображений на вазах мы можем сомневаться, театральная ли сцена перед нами²¹, то в данном случае сомнений практически нет²². На одной из сторон кратера, найденного в Южной Италии, изображены три стоящие в линию пары мужчин, одетых в военные костюмы с похожим, но не идентичным орнаментом, протягивающих руки к постаменту, на котором (или за которым) находится еще одна фигура, меньшего размера (рис. 2). Одинаковые танцевальные позы и открытые в пении рты свидетельствуют, что перед нами хор. Хор этот трактовался и как дифирамбический, и как трагический; в первом случае фигура, к которой он обращается, – это статуя

¹⁸ Sifakis 1946: 64.

¹⁹ Reisch 1899: 2183.

²⁰ Taplin 1977: 366–367. Этот эпизод вообще очень сложен драматургически – единственная из сцен в сохранившихся трагедиях, в которой Тэплин признает восходящие к V в. ремарки (παρεπιγραφαί) (Taplin 1977: 15).

²¹ Taplin 1997: 72.

²² Однако По в своем исследовании, посвященном алтарям, сомневается в драматическом происхождении изображения (Poe 1989: 139).

Диониса, во втором – призрак умершего героя²³. При этом в пользу дифирамбического происхождения изображения не говорит ничего, кроме ранней датировки: этот хор не киклический, специфическая линия от повязки к подбородку наводит на мысль о масках²⁴, надпись КАЛО(Σ) (в данном рисунке расположенная на средней ступени постамента) характерна для ваз с театральным сюжетом²⁵. Таким образом, перед нами трагический хор (правда, уменьшенный вдвое), обращающийся к фигуре, по пояс выступающей над алтарем (или могилой).

Рис. 2

Сходство настолько очевидно, что все, кто описывает вазу, указывают на соответствующую сцену из «Персов», – а далее начинаются разногласия. Какая именно трагедия послужила источником для вазового изображения, неизвестно (сразу оговорим, что данные о происхождении и датировке вазы приблизительны и не могут служить аргументом, напротив, атрибуция сцены могла бы служить их уточнению). Костюм хоревтов исключает «Персов», где хор состоял из персидских старцев. Некоторые исследователи предполагают сцену из «Юношей» (Νεανίσκοι) Эсхила²⁶. О содержании этой трагедии настолько мало известно, что возможны практически любые предположения: хор – товарищи сына царя эдонян Ликурга Дрианта, убитого в припадке дионисийского безумия собственным отцом. Тогда фигура, к которой они обращаются, должна была бы представлять скорее Диониса, чем Дрианта, так как юноши в греческой вазописи изображаются безбородыми.

Тэплин указывает на другой эсхилевский сюжет, утраченную драму «Вызыватели душ» (Ψυχαγωγοί), в которой Одиссей вызывал призрак

²³ Corpus vasorum antiquorum. Basel, Ant. Museum. Berne, 1984–1988. Vol. 2 ad loc. (ppl. 6. 1–2; 7. 3–5).

²⁴ Впрочем, сам характер рисунка на вазах не позволяет твердо отличить лицо от маски. См. дискуссию по поводу одного из южноиталийских вазовых изображений в : Трубочкин 2005: 159.

²⁵ Для «театральной» интерпретации подобной надписи необходимо смысловое расхождение с изображенным: мужское имя рядом с женской фигурой или же обычное имя рядом с фигурой очевидно мифологической. В этих случаях надпись КАЛО(Σ) рассматривается как комплимент актеру (Taplin 1997: 71–72).

²⁶ Hammon – Moon, Smidt. См.: CVA ad loc.

Тиресия. Правда, хор, если исходить из дошедших отрывков (Schol. RV Aristoph. *Batr.* 1266), в «Вызывателях душ» состоял не из ахейских воинов, а из представителей «приозерного народа», живущего у озера при входе в подземный мир:

Ἑρμῆν μὲν πρόγονον τίομεν
γένος οἱ περὶ λίμναν.

Мы, приозерный народ,
чтим Эрмия, нашего предка.
(пер. М. Л. Гаспарова)

Таким образом, мы имеем дело либо с «добавочным» хором, примеры которого встречаются и в более поздней, Еврипидовой, драме, либо – с еще одной, неизвестной трагедией.

Так или иначе, но изображенная сцена несомненно театральная и весьма вероятно представляет собой эпизод вызывания призрака из могилы. Как отмечает Тэплин, «очень похоже, что это могила, а не алтарь, и что призрак выходит из нее, а не стоит за ней»²⁷. Неуверенный тон вполне объясним – при такой интерпретации приходится предположить использование в ранней классике элементов кукольного представления (фигура по размеру несколько меньше, чем хоревты) или специальной конструкции, соответствующей «ступеням Харона», ведущей к алтарю. Сомнения Тэплина в существовании подобной конструкции в афинском театре основаны на трудах таких авторитетов, как Дёрпфельд, Фихтер и Пикард-Кэмбридж²⁸. Тем не менее, есть указания на то, что похожий туннель, правда, очень узкий и не оснащенный ступенями, имелся и в театре Диониса в Афинах²⁹.

Существенным представляется также и то обстоятельство, что алтарь смещен в левую часть изображения. Обычно центр вазовой картинки театрального происхождения совпадает с центром оркестры / сцены³⁰. Если мы признаем такую мысленно проведенную ось и в данном изображении, то алтарь оказывается размещенным в восточной части оркестры – что соответствует версии о передвижном алтаре, который перемещался в зависимости от требований постановки, уже в эпоху классики³¹.

²⁷ Taplin 1997: 70.

²⁸ Taplin 1977: 447.

²⁹ Flickinger 1918: 106; Shleif 1937: 36–37.

³⁰ Очень редко сцена изображается в профиль. См.: Трубочкин 2005: 150.

³¹ Рое 1989: 121, 124–126. Отверстие же в центре оркестры, традиционно обосновывавшее центральное расположение алтаря, объясняется использованием ее в качестве внутреннего двора христианской базилики, построенной на месте театра Диониса (Ashby 1999: 47–48).

Наличие подобной конструкции меняет отношение к значению алтаря в его религиозной и театральной функции. Главный алтарь Диониса, возможно, был вынесен за пределы оркестры и театрона³², стало быть, функции алтаря на оркестре были главным образом «внутренними», театральными и могли варьироваться в зависимости от потребностей постановки, в том числе, и для визуальной реализации подземного уровня.

Рис. 3

Сцены с «явлениями» из-под земли были присущи как трагедии, так и сатировой драме. В трагедии вновь укажем на сцены из «Эвменид» и «Гекубы», из несохранившихся – на «Вызывателей душ», «Этнеянок» и «Сизифа» Эсхила, «Поликсену» Софокла, «Протесилая» Еврипида. На вазописные свидетельства такого рода сцен в сатирических драмах указывают Пикард-Кембридж и Тэплин³³ (см., например, изображение на гидрии из Пестума (рис. 3). Заметим, что место появления персонажа (в данном случае Эринии) – рядом с алтарем). И если в сатирических драмах сценографический прием «явления из-под земли» необязательно был связан с некромантией, то на сцене трагической алтарь-могила в эпизодах явления призраков (εἶδολον) визу-

Рис. 4

ально отражал представления о бытовании «души» в покинутом ею мире; см., с одной стороны, лишенное всякой театральности изображение (480 г. до н. э.) души воина над могильным курганом (рис. 4), а с другой, – кратер из Апулии (приблизительно 330 г. до н. э.), с очевидно театральной, трагической версией «Медее», не соотносящейся при этом с текстом Еврипида и представляющей в том числе и призрак Ээта, стоящего на покоем на алтаре³⁴ постаменте (рис. 5).

³² Ashby 1999: 57.

³³ Pickard-Cambridge 1988: 185; Taplin 1977: 447.

³⁴ Впрочем, существует интерпретация этого «постаumenta» как столба дыма, сопровождающего появление призрака, см.: Bardel 2000: 141.

Рис. 5

Исходя из всего вышеизложенного, приходится признать, что при внешней простоте изначальной конструкции театра, сценография отдельных эпизодов могла быть довольно сложной. Возможно, начало формирования сценической вертикали следует отнести к значительно более раннему времени. Конструкция, аналогичная эллинистическим «ступеням Харона» (проход или углубление под алтарем, откуда показывалась фигура актера или куклы), должна была существовать уже в эпоху ранней классики, до реконструкции 460 г.

Нельзя, конечно же, упускать из виду и «сицилийский» след – предположительно южноиталийское происхождение вазы. Традиционно считается, что аттическая сцена – образец сицилийской, и крупные сицилийские театры обнаруживают наличие подземных конструкций (Сегеста, Таормина³⁵). Важно и то, что, по античным свидетельствам, Эсхил во время своего пребывания на Сицилии не только написал трагедию со специальным локальным сюжетом («Этнеянки», также имевшие, видимо, своего рода экспериментальный характер: несколько смен места, согласно гипотезе³⁶, и «подземный» уровень сценической вертикали), но и поставил одну из прежних своих драм, и, что особенно важно, – это были все те же «Персы»³⁷. Можно, в числе прочих гипотез, предположить в изображенной на вазе сцене эсхилиовских «Персов», значительно переделанных для постановки на Сицилии (хотя, конечно же, трудно представить, как именно можно было преобразовать известный нам сюжет, чтобы совместить призрак Дария с греческими воинами). Особый характер южноиталийской театральной сцены (выраженный, в том числе, и в активной роли сценографии) уже отмечался в исследовательской литературе³⁸.

Принадлежит ли описываемый эпизод сцене афинской или сицилийской, его визуальное воплощение нарушает «трагическую строгость», вернее, наши представления о ней, – зато вполне соответствует представлениям об арха-

³⁵ В театре Таормины, правда, проходы не скрыты и служили в свое время для проведения наумахий (как в римских амфитеатрах), но возможно, исходно они были расширены из проходов со схожей задачей – ступеней Харона или их разновидности, так называемой анапизмы, которая служила, по свидетельству того же Поллукса, для появления Эрний или речных божеств.

Сложное строение имели сцена и орхестра в Сиракузах. См.: Шуази 1937: 372; Anti 1947: 86–89.

³⁶ Taplin 1977: 104.

³⁷ Naigh 1946: 50.

³⁸ Трубочкин 2005: 160.

ических формах театра, театра вещей и изображений³⁹, предшествовавших классической литературной драме. Для архаического типа театра изображений характерна демонстрация вещей, и статуй в том числе. В этом типе театра отчетливее сохранялись элементы ритуала. Конструкция, способствовавшая визуальной реализации «подземного уровня», могла быть принадлежностью именно этого типа театрального зрелища. Сильный элемент экзотики и «церемониального» у Эсхила следует, таким образом, объяснять не новаторством, а напротив, воспроизведением отдельных явлений архаического театра (аттического или, возможно, сицилийского, знакомство с которым Эсхила относится к 476 г. до н. э., времени первого путешествия на Сицилию).

Вернемся теперь к вопросу соотношения слова и образа, изображения и текста в драме. Трагедия развивалась на пересечении устной и письменной традиции бытования литературы. Внимание к словесному выражению сочеталось в ней с требованиями к зрелищности, ориентации на «картинку». Поэтому до сих пор нет ответа на вопрос о функции описаний-экфрасисов, иногда появляющихся в трагедиях (представляли они собой нечто вроде рекомендаций к постановке и в конечном итоге дублировали декорации или же заменяли собой декорации, апеллируя к фантазии зрителей)⁴⁰.

Архаический театр – это подчинение словесной стороны зрительному ряду. Переход от начальных форм театра к классическим был переходом от изображения к действию; классическая аттическая драма шла по пути развития именно действия настолько, насколько это позволяли технические условия; в сценографии развитие действия вылилось в формирование многоуровневой вертикали (орхестра – алтарь – проскений – сцена (логейон) – дистегия («второй этаж») – теологейон) и привело к возвращению «подземного уровня» в его архитектурном выражении, «ступеней Харона». Мы видим, что театральное пространство легко осваивалось и преобразовывалось, что подтверждает предположение об «экспериментальном» характере греческого театра.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются функции таких элементов античной сценографии, как алтарь-фимела и «ступени Харона», с учетом указаний в текстах сохранившихся трагедий и иконографических свидетельств, представленных на вазовых рисунках Греции и Южной Италии. Анализ вазописных сюжетов, соотносимых с эпизодами из трагедий,

³⁹ Брагинская 1979: 35–58.

⁴⁰ Аргументация в пользу последнего утверждения приводится в: Webster 1956: 15.

позволяет внести уточнения в сценический облик классической трагедии V в. до н. э. и высказать предположение о наличии в сценической вертикали театра ранней классики «подземного» уровня, являющегося наследием архаического театра.

Ключевые слова: трагедия, сценография, вазапись, алтарь, сценическое пространство

THE ALTAR IN THE SCENIC SPACE OF GREEK TRAGEDY: TEXT AND ICONOGRAPHY

Ya.L. Zabudskaya

In this article the functions of such elements of ancient theater scaenography as an altar-thymele and Charonean steps are considered, with direct attention to the indications in the texts of the remained tragedies as well as the iconographical testimonies presented in vase drawings of Greece and Southern Italy. The analysis of the vase paintings referred to the episodes from tragedies allows to clarify the scenic shape of classical tragedy of the 5 century BC and to assume that the underground level as a heritage of archaic theater was represented in a “scaenic vertical” of early classics.

Keywords: tragedy, scaenography, vase-painting, theatrical altar, theatrical space

ЛИТЕРАТУРА

- Брагинская Н.В.* 1979: Театр изображений: о неклассических зрелищных формах в античности // Театральное пространство. Материалы научной конференции ГМИИ им. А.С. Пушкина (1978). М. С. 35–58.
- Гаспаров М.Л.* 1997: Сюжетосложение греческой трагедии // Избранные труды. Т. 1. О поэтах. М.
- Трубочкин Д.В.* 2005: «Все в порядке! Старец пляшет...»: Римская комедия плаща в действии. М.
- Шуази О.* 1937: История архитектуры. М.
- Anti C.* 1947: Teatri Greci Arcaici. Da Minosse a Pericle. Padova.
- Ashby C.* 1999: Classical Greek theatre: new views of an old subject. Iowa City.
- Bardel R.* 2000: EIDŌLA in epic, tragedy and vase-painting // Word and image in ancient Greece / Ed. by N.K. Rutter, Brian A. Sparkes. Edinburgh.
- Fensterbursch C.* 1936: Θυμέλη // Paulys Real-Encyclopädie der classishen Altertumswissenschaft. Zweite Reihe. Elfter Halbband. Stuttgart. Sp. 700–704.
- Flickinger R.* 1918: The Greek theater and its drama. Chicago, University of Chicago Press.
- Gauly B. u. a. (Hrsg.).* 1991: Musa Tragica. Die griechische Tragödie von Thespis bis Ezechiel; ausgewählte Zeugnisse und Fragmente griechisch und deutsch. Göttingen.
- Haigh A.* 1946: The Tragic Drama of the Greeks. Oxford.

- Hall E.* 1996: *Aeschylus Persians* / Ed., intr., transl., comm. by Edith Hall. Warminster.
- Hammond N.G.L.* 1972: *The Conditions of Dramatic Production to the Death of Aeschylus* // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 13. P. 447–450.
- Ley G.* 2007: *The Theatricality of Greek Tragedy: Playing Space and Chorus*. Chicago.
- Norwood G.* 1946: *Greek Tragedy*. London.
- Pickard-Cambridge A.* 1988: *The Dramatic festivals of Athens*. Oxford, Clarendon Press.
- Poe J. P.* 1989: *The Altar in the Fifth-Century Theatre* // *Classical Antiquity*. 8. P. 116–139.
- Rehm R.* 2002: *The play of space: spatial transformation in Greek tragedy*. Princeton.
- Reisch E.* 1894: *Altar* // *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung. Begonnen von Georg Wissowa. Erster band. Stuttgart. Sp. 1652–1653.
- Reisch E.* 1899: *Χαρώνειοι κλίμακες* // *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Dritter Band. Sechster Halbband. Stuttgart. Sp. 2183.
- Ridgeway W.* 1966: *The Origin of Tragedy: with Special Reference to the Greek Tragedians*. Cambridge University Press.
- Schleif H.* 1937: *Die Baugeschichte des Dionysostheaters in Athen* // *Archäologischer Anzeiger*. 52. S. 36–37.
- Sifakis G.M.* 1967: *Studies in the history of Hellenistic drama*. London.
- Sommerbrodt J.* 1876: *Scaenica*. Berolini.
- Taplin O.* 1977: *The Stagecraft of Aeschylus. The dramatic use of exits and entrances in Greek Tragedy*. Oxford.
- Taplin O.* 1997: *The Pictorial Record* // *The Cambridge companion to Greek Tragedy* / Ed. by P. Easterling. Cambridge.
- Webster T.B.L.* 1956: *Greek theatre production*. London.
- Wiles D.* 2003: *A Short History of Western Performance Space*. Cambridge.

Михаэль фон Альбрехт

АНТИЧНАЯ ЛИРИКА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ*

Антология античной лирики в русских переводах, составленная писателем и философом Я.Э. Голосовкером (1890–1967), вышла из печати лишь недавно (2004–2006)¹. Эта публикация заслуживает внимания не только русскоязычных читателей. Во-первых, в этих трех томах представлена общая картина античной лирики: 2000 текстов на почти 1600 страницах. Опыты столь широкого размаха редки и в других странах. Во-вторых, этот труд – сокровищница ценных материалов для сравнительных исследований проблем художественного перевода. В-третьих, предлагаемые переводы XVIII–XX веков освещают исторические перемены эстетических и общественных критериев в рецепции античных текстов. В этом отношении показательно, что рукопись, оконченная в 1955 г., была напечатана с опозданием на полвека. Таким образом, она для нас является ценным документом забытых страниц культуры XX века. Казалось бы, содержание книги было политически безопасно. Даже если непосредственные причины задержки публикации были не политические, сама невозможность опубликовать столь важную книгу, охватывающую большую часть античного наследия русской культуры, характеризует ту эпоху, в которую на Руси не осталось ни одной классической гимназии. Бесспорно, антология носит печать своего времени и относительно выбора текстов и переводчиков. Среди последних было много преследуемых (сколько талантливых поэтов, которым не разрешалось публиковать свои собственные тексты, стали писать переводы! Таким образом, личное несчастье подчас способствовало возрождению античной поэзии на русском языке XX века). Да и особое внимание, оказанное Голосовкером ссыльному Овидию, – многие элегии которого он переложил мастерски, – не могло ускользнуть от читателей того времени.

* Автор благодарит Нину Владимировну Брагинскую и Екатерину Сергеевну Федорову за полезные критические замечания.

¹ Голосовкер Я.Э. Антология античной лирики в русских переводах. 1–3 тт. М., 2004–2006. О Голосовкере см. интересное введение С.О. Шмидта: там же. Т. 1. С. 6–20.

Приведем также стихи Алкея о Питтаке, свергнувшем тирана, – но только для того, чтоб самому стать тираном. Красноречив перевод Голосовкера (т. 1, стр. 96): как удары молота повторяются одни и те же корни слов (*свергнут, низвергнут, низвергатель*), образуя четкую архитектуру, которая подчеркивается ассонансами (*-им, -ам, -аном, -адом*). В самом конце архаизм *град* неминуемо напоминает о современных названиях городов (окончающихся на этот слог). Неслучайно выбран и глагол *царевать*, косвенно указывающий на превращение освободителя в нового «царя»:

Пусть злорадетель родины свергнут им:
 Меланхр низвергнут! Но низвергатель сам
 Попрал тирана, чтоб тираном
 Сесть царевать над печальным градом.

Первые два тома дают читателю яркую и богатую картину греческой лирики от первых памятников до эпохи императоров. Переводчики – первоклассные поэты и ученые, например, Вячеслав Иванов, Иннокентий Анненский, Фаддей Францевич Зелинский, причем в данном случае ученые в них соревнуются, часто удачно, с поэтами, и нельзя сказать – за редким исключением, – чтобы здесь напрашивался блестящий стих Остроумова: «лебедь в ученых устах здесь уступил гусаку» (т. 3, стр. 461). Вообще в томах, посвященных греческой лирике, критику редко приходится жаловаться на что-либо, кроме как на отсутствие важных новых отрывков древней лирики, открытых недавно на папирусах, о которых – разумеется – составитель в свое время знать еще не мог. Поскольку в краткой рецензии невозможно охватить все грани столь обширного труда, ограничимся детальным разбором третьего тома, посвященного римским поэтам.

Выбор текстов

Построение антологии в целом частично придерживается практики античных издателей (например, *Гимны богам, героям ...*). Что касается понятия «лирики», оно сегодняшнему читателю может показаться очень – кто-то скажет: слишком – широким. Возможно, что это напугает – или даже рассердит – друзей литературной теории. Однако этот подход позволяет составителю открывать во многих случаях связи и параллели между различными жанрами литературы. Не довольствуясь лирикой в узком смысле слова, Голосовкер, например, справедливо приводит и хоровые пассажи из греческих трагедий и комедий. Этот широкоохватный взгляд позволил ему сделать важное открытие в латинской литературе: он оценил лирические качества хоровых песен в драмах Сенеки, пьесах, которые латинисты чаще ругают, чем читают (стр. 329–368). За это профессиональный цех должен поблаго-

дарить его, а также переводчика С. Соловьева. Возьмем, например, строфу об Орфее (стр. 357, из *Медеи* 625 сл.: в антологии этот источник не указан). Глубокомысленной игрою слов С. Соловьев устанавливает этимологическую связь между замедлением *течения* рек и движением птиц и деревьев, *стекающих* слушать певца. Эта параллель подчеркивает внутреннее единство всей строфы, которая и в русском переложении может служить хрестоматийным примером словомузыки: переводчик понял значение гармонии гласных (которое Голосовкер подчеркивает в принципе: стр. 472), ср. отмену гласных *о*, *е*, *а* в первом стихе, *а* и *е* в третьем (*замедляя течение, смолкали ветры*), а также значение аллитераций (*птицы песни позабывали; слушать его стекаясь*) и ассонансов (*чьим – ручей; песни – вместе*).

Кто рожден Каменою сладкогласной,
 Тот, чьим струнам внемля, ручей бегущий
 Замедлял течение, смолкали ветры,
 Птицы песни позабывали, вместе
 С деревьями слушать его стекаясь,
 Он давно растерзан в полях фракийских;
 Гебр главу в кровавых волнах лелеял;
 Отошел к знакомому Стиксу, в Тартар
 Он без возврата.

Ille vocali genitus Camena,
 cuius ad chordas modulante plectro
 restitit torrens, siluere venti,
 cum suo cantu volucris relicto
 adfuit tota comitante silva,
 Thracios sparsus iacuit per agros,
 et caput tristi fluitavit Hebro:
 contigit notam Styga Tartarumque
 non rediturus.

Порядок слов, ритм и даже звуковые качества гласных и согласных удивительно близки оригиналу: *siluere venti* – *смолкали ветры*; *sparsus* – *растерзан*; *в Тартар / он без возврата* – *Tartarumque / non rediturus*. Опущен только плектр, палочка, которой ударяли по струнам кифары или лиры, – техническая деталь, которая не слишком касается русского читателя. «Печаль» (ср. *tristis*) реки Гебра в переводе передается читателю путем наслаения двух образов, так что он ее ощущает остро и непосредственно: он как бы «видит» кровь в воде и как бы осязает волны, лелеющие главу Орфея. В этом переложении суть оригинала воссоздана с живостью.

Ввиду широкого использования хоров Сенеки возникает вопрос, почему в антологии отсутствуют «кантики» Плавта, ранние и обильные источники древнелатинской лирики. Исключены и отрывки древнеримской трагедии, а также древнейшие римские молитвы, сохранившиеся у Катона и на надписях, как и первые латинские эпиграммы. В греческих томах находятся отделы «фрагменты и сентенции», (1, стр. 107 сл., 117–120), в латинском их нет, несмотря на наличие обильного материала всех эпох.

Разумеется, что Голосовкер – следуя примеру издателей греческой лирики – включил и множество латинских элегий: они занимают среднюю треть книги (стр. 167–321). Музыкальный Тибулл ему особенно дорог (вместе с Лигдамом и Сульпицией), тогда как он, хоть и справедливо хвалит мастерство Проперция, может быть, недооценивает иногда его эмоциональную выразительность. Овидий ему близок.

Эпиграмма представлена обильно, что объясняется и традицией греческих антологий и тем фактом, что и элегия, и эпиграмма пользуются одной и той же формой – дистихом. Первое место в антологии занимает Катулл (Голосовкер уделил ему 63 страницы, только Горацию – еще больше: 98). Приводятся полиметрические стихи, элегии и эпиграммы, в том числе не только «лирические», но и изрядно грубые. И на долю Марциала тоже выпало немало страниц (26).

Разумеется, столь объемистый труд в каких-то местах может вызвать критические замечания. Было бы трудно ожидать от творческой личности, независимого мыслителя и писателя, наделенного художественным видением, каким является Голосовкер, чтобы его выбор текстов иногда не оказывался произвольным. Читатель, бесспорно, рад тому, что буколический жанр, подчас близкий поэтическому чувству Нового времени, представлен двумя эклогами Кальпурния и двумя Немесиана (в отличных переложениях Н. Зерова, С. Шервинского и некоего блестящего, но не идентифицированного Анонима). Но тем удивительнее, что в антологии нет ни единой эклоги Вергилия, родоначальника этого жанра в Риме (хотя сам Голосовкер на стр. 479 указывает на то, что Кальпурний и Немесиан – *подражатели* не очень высокого поэтического уровня). Вообще Вергилию досталось всего только 6 страниц с выдержками из *Энеиды* и *Георгик*, более чуждых лирике, чем его *Буколики*. В защиту тому, что вообще помещаются эпические отрывки, можно, наверное, привести тот факт, что повествование Вергилия в самом деле исполнено столь насыщенным эмоциональным участием, которое способно произвести либо «драматическое», либо «лирическое» впечатление. Но трудно понять, почему в предисловии на страницах, посвященных введению и в римскую поэзию (т. 1, стр. 46–50), Вер-

гилий вовсе не упомянут. (См. на стр. 46: «Список больших поэтов Эллады не мал. Список больших поэтов Рима весьма короток»).

Можно было бы долго рассуждать о том, следовало ли целиком включить в антологию лирики эпос («эпиллий») Катутла о Пелее. Некоторым обоснованием такого включения является жалоба Ариадны, а также песня Парок: *мчитесь, ведущие нити, вертись, веретена, жужжите!* [65 f.]; изящный, нередко высокопарный стиль перевода Б. Никольского иногда прикрывает отсутствие регулярных цезур расточением аллитераций: *лживые бросив обеты в жертву бушующей буре*: 58. Можно задуматься и о том, справедливо ли включены отрывки из других эпических поэм, кажущиеся составителю лирическими: например, миф о Дедале из *Метаморфоз* Овидия. Характерно, что в данном случае опущен конец рассказа. Там Овидий нарочно нарушает «лирическое» – или скорее: трагическое – участие слушателей, сообщая нам, что Дедал наказан за то, что он в свое время из зависти убил своего лучшего ученика. Читателю антологии таким образом не сообщается трезвое, ироническое видение Овидия-рассказчика.

Удивляет отсутствие в сборнике лирики *Сильв* Стация. Ведь Стаций – единственный крупный языческий лирик Рима после Горация. Пусть лирика Стация, часто связанная с описаниями вилл или памятников, была еще недооценена в пятидесятые годы, но мастерское его обращение к богу сна (*Silv.* 5, 4), стихотворение, чьи высокие поэтические качества бесспорны, должно было бы обязательно войти в антологию римской лирики. Ввиду того, что в сборнике приводится много элегий, остро чувствуется отсутствие Рутилия Намациана (*De reditu suo*), стихотворения, может быть, подчас переоцененного, которое, однако, справедливо считается лебединой песнью античного Рима. Существует оно и в русском переводе Базинера².

Христианской лирики в книге нет, хотя она и является новой вершиной латинской поэзии. Объясняется это либо тем, что сборник составлен, когда пытались превратить атеизм в государственную религию, либо тем, что в тогдашнем поколении и в других странах многие филологи занимались исключительно т. н. классической античностью – подход, который сохранился еще в наше время у авторов *Oxford Latin Dictionary*. Рим воспринимается и Голосовкером преимущественно как «отзвук Эллады» (в этом отношении римляне – предшественники всех европейских литератур). Но ведь и христианская Эллада повлияла на римлян.

² Об этом упомянул А. Белецкий в приложении к III тому, стр. 521.

Зато языческие поэты императорских времен превосходно представлены в Антологии (в переводах Валерия Брюсова). Этим последним примером, может быть, и объясняются некоторые неровности в выборе текстов. Пытаясь дать русскому читателю адекватное представление о поэтических качествах античной лирики, составитель не был совершенно свободным. Приходилось ему нередко – и даже в первую очередь – считаться с наличием первоклассных русских переводов.

Что касается самих переводов, придется ограничиться немногими примерами и замечаниями.

Художественные переводы: шансы и риски

Голосовкер убежден в том, что хороший перевод обязан передавать не все слова подлинника, а его дух. Русский перевод – в первую очередь *русский* текст. Следовательно, он должен иметь художественную форму и быть способным «отвечать за себя» как часть русской литературы. Каждый новый перевод – не копия, а вариация на тему, ценный документ встречи нового писателя с древним. «Окончательного» перевода быть не может. Эти принципы отнюдь не облегчают задачи переводчика, а делают ее почти невозможной. Замечательно, что в нередких случаях поэты-переводчики достигают утопической цели, соединяя «русскость» текста даже с дословностью перевода.

Строгость художественных критериев составителя подтверждается включением *Аттиса* Катулла (с. 63), стихотворения, которому ученые уделили сравнительно мало внимания. Высоко ценя этот текст, Голосовкер оказывается в отличном обществе (см. статью Александра Блока «*Катилина*»). Наряду с переложением А. Пиотровского (58–60) – высокоодаренного сына знаменитого филолога Ф.Ф.Зелинского – в настоящее время существует второй отличный перевод, вышедший из-под пера С. Шервинского³. Нередко Пиотровский захватывает читателя яркими образами и красочными оборотами. Однако в целом ряде мест рецензент предпочитает версию Шервинского.

П. Нам туда помчаться надо! Нас туда желанья зовут!

Ш. Нет иной для нас дороги. В путь скорее! Ног не жалеть!

П. в исступленьи...

Ш. себя не помня...

³ В издании Катулла С.В. Шервинского и М.Л. Гаспарова, М., 1986.

П. ослепленный, я убежал.
 Ш. свой направил горестный путь.

Правда, в последних двух строках читателю трудно сделать выбор:

П. Пусть пребуду в отдалении от твоих чудовищных тайн!
 Пусть других пленит твой ужас! Твой соблазн безумит других!

Ш. Пусть мой дом обходят дальше, госпожа, раденья твои!
 Возбуждай других к безумству, подстрекай на буйство других!

В иных случаях Голосовкер предлагает читателю два равноценных перевода, например, старый – рифмованный – и современный – метрический. В принципе Голосовкер – сторонник подражания античной метрике, несмотря на отсутствие различия долгих и кратких слогов в русском языке.

Можно ли в русских стихах заменять дактили спондеями? Некоторые переводчики допускают спондеи, точнее: двусложные стопы (подчас даже там, где они в античных текстах не встречаются: во второй половине пентаметра!), иные ограничиваются одними «дактилями» (точнее: стопами из трех слогов). Так поступает И. Аралов в переводе автобиографической элегии Овидия (стр. 252–255), и часто весьма успешно:

То, что я прозой писал, в стих выливалось само.

...

Нежное сердце имел я; противиться стрелам Эроса
 Долго не мог, и меня повод пустой распалл.

Однако совершенный отказ от двусложных стоп («спондеев») приводит к обеднению ритмической выразительности текста. Да и оказывается невозможным обойтись без лишних словечек, заполняющих пустые места, вроде: *то, лишь, уж* (удивится читатель, найдя столько «ужей» в античной лирике):

Рим от него отстоит на девяносто *лишь* миль.

...

Первенцем не был в семье и родился я после *уж* брата.

Необходимость заполнить стих способствует плеоназмам, которые отдаются прозой:

Тихий досуг коротать *очень всегда* я любил.

Дактилический размер принуждает переводчика подчас неестественно переставлять слова (не говоря уже о неприятных уху столкновениях звуков), выворачивая фразу, как перчатку, наизнанку:

Дружбе то дань он платил, *коей был связан с ним я.*

Иногда приверженец «чистых» дактилей поневоле помещает ударяемые, даже важные, слова в неударяемых местах, что сугубо усложняет чтение вслух. В следующем примере приходится произносить слова «мой брат» менее «веско», чем следует, «редуцированно»:

Только удвоить успёл своих лёт *мой брат* пёрвый десяток.

Чаша терпения переполняется, когда нагромождения согласных отягощают произношение неударяемых слогов (стр. 58, стих 6):

Отрасль, привёт мой вам.

Трудно представить в гексаметре, каким образом второй слог этого текста может считаться «кратким» или «легким», когда на его гласную следует 4 согласных... Вдобавок, когда это читается вслух, уже слово «отрасль» воспринимается почти как дактиль. Но нет, переводчик принуждает несчастного декламатора втиснуть в этот дактиль дальнейший слог, да еще начинающийся с двух согласных. В обращении с русским языком, столь богатым гласными, такие скопления согласных отнюдь не необходимы... скорее непростительны.

В текстах, написанных в иных размерах, встречаются подобные же затруднения. Поэтому рецензент в некоторых случаях, в которых Голосовкер предлагает две версии, склонен предпочесть рифмованную, свежую и менее принужденную. В метрических переводах стиль подчас менее естественный. Кроме того, ввиду метрических законов трудно обойтись без лишних украшений.

Показательны переводы одной оды Горация, вышедшие из-под пера Крешева (стр. 138–140) и Церетели (140–142). Слова *Quid leges sine moribus vanae proficiunt?*... Крешев переводит коротко и ясно: *К чему ведет закон без нравов?* Однако Церетели: *Что без нравов, без дедовских, / Значит тщетный⁴ закон?* Такие имена прилагательные, которые – увы! – уже римляне охотно вставляли в свои переводы с греческого, лишают слова поэта свойственной им трезвости и монументальности. Правда, Голосовкер иногда даже рекомендует такой прием (стр. 472), стремясь подчеркнуть «аффективный» элемент, который в оригинале выражался словомузыкой. На практике в каждом отдельном случае такие вопросы решает хороший вкус, свойственный составителю в высокой мере.

⁴ В другом месте слово *тщетно* некстати вставлено переводчиком: *ardorem cupiens dissimulare teum* (Sulpicia, Corp. Tib. 4, 12) *жаркое пламя любви тщетно стараясь сокрыть*. Не «тщетно», потому что ей тогда удалось сокрыть любовь (о чем она теперь сожалеет).

Не умолчим, однако, о том, что на самом хребте Парнаса справа и слева грозит опасность: того и гляди упадешь в плоскую долину прозы или избытых метафор. И чем более возвышен слог, тем горестнее пробуждение. Даже у С. Соловьева, мастера стиля, встречается следующая строфа (стр. 356):

Никакая сила огня, и ветра,
И стрелы летящей не так ужасна,
Как когда отвергнутая супруга
Гневом пылает.

После удачных первых двух строк предпоследняя неожиданно отдает прозой (*Как когда...супруга*), а последняя – напыщенностью, так что читателю мнится, будто он вдруг из трагедии попал в комедию.

При переводе – как известно, непереводаемого – Горация риск «падения в прозаичность» особенно велик в тех местах, в которых идет речь о праве и гражданских доблестях (стр. 449):

Немногим *каждый лично* владел тогда,
Но процветала общая собственность.

Для римлян такие пассажи дышали святостью и возвышенностью, а нынешний читатель – нехотя и, разумеется, несправедливо – воспринимает их почти как газетную статью.

Как выражать юридические соображения изящно и достойно, показывают следующие отрывки из Овидия в переводе Надежды Вольпин (стр. 305):

Жизни я не лишен, ни наследья, ни прав гражданина ...
Не преступленье, проступок свершил я...
И не изгнанником он меня называет, а ссыльным...

Голосовкер подчеркивает значение аллитераций и ассонансов в поэтическом слоге. В этом нельзя не согласиться с ним. Однако такие приемы наиболее приятны, когда они читателю не слишком бросаются в глаза. Очень легко переборщить, дав «хорошенького» не «понемножку»: возьмем, например, следующую строку Горация в переводе Крешева (в Антологии стр. 135).

На *высах вязов висли* рыбы.

Тройная аллитерация, быть может, еще сносна – но, по-моему, более подходит к пестроватому стилю Энния, чем к гораццианскому слогу. А явно неудачна попытка (к счастью, единичная) рифмовать в целых элегиях две половины пентаметра (256–259). Такие «гомеотелевты» (так греки называли рифмы) на

латинском языке получают почти сами собою благодаря сходству окончаний имен существительных и соответствующих прилагательных. Бесспорно, поэты могут пользоваться этим явлением сознательно, но, когда переводчик *беспрестанно* ищет рифм в пентаметре, читатель чувствует нарочитость, и это не только расстраивает его, но и отвлекает от содержания.

Большинство переводчиков обращает внимание на главные цезуры в гекзаметре, что русский язык позволяет без затруднений. Однако некоторые менее тщательны, например, на стр. 58: *лживые бросив обеты в жертву будущей буре*. Несмотря на отсутствие цезуры, этот стих звучит неплохо – благодаря аллитерациям и ассонансам. Небрежная трактовка цезур встречается и в переводах Валерия Брюсова, но и там поэтичность слога вознаграждает слушателя.

На каждом шагу в *Антологии* встречаются блестящие сентенции (стр. 304, А. Артюшков, из Овидия): *Кроме того, здесь мечом неправое право диктуют*. Подчас перемещение римских представлений в мир русского языка удается совершенно, например, когда *fas nefasque* смело передается архаическим сочетанием *правда – кривда* (стр. 145, Ф. Петровский).

Имена переводчиков (которые, к сожалению, приводятся только в оглавлении) и в латинском отделе книги в основном обеспечивают высокий литературный уровень: Пушкин, Анненский, Блок, Брюсов, Гинзбург, Пиотровский, Шервинский. Остроумову (заслуженному переводчику и Лукана) мы обязаны многими изящными строками: *ты в колеснице летишь на белоснежных конях* (стр. 175); *вьющей в песке, как змею, тихой лазури струю* (там же); *спрятанный в оползне туч темя небесных вершин* (стр. 176); *сладчайший напиток, / выжатый грубой пятой из виноградных кистей* (там же); *близится долгая ночь, твой не воротится день* (стр. 222); *слава таланта и блеск вечным бессмертьем горят* (стр. 230). К упомянутым мастерам достойно присоединяется Яков Голосовкер (стр. 212):

Там благозвучие струн, там Кибéлы гремящие диски,
В митрах колеблется хор – плектром лидийским звенит.

Или (стр. 220):

Плакали, но разлучить сам бог не мог бы влюбленных
Сердцу наперекор – необорима любовь.

Его переложения Горация, Овидия, Проперция и других вполне оправдывают строгие критерии художественного вкуса, изложенные в его вступительных статьях и послесловиях. Эти переводы останутся, они переживут

бесконечные споры о том, что это такое – лирика. Ибо статьи автора являются не теоретическими очерками, а исповеданиями его задушевных убеждений, не боятся субъективности, не стремятся докучать читателю пространными доказательствами. Зато они своими блестящими сентенциями манят его следовать ходу мыслей поэта. Пусть изречения Голосовкера фрагментарны: с одной стороны, он в духе поэтики XIX в. ссылается на непосредственность, аутентичность переживания, подчас противопоставляя поэзию риторике (почти как Б. Кроче), хотя для римлян поэзия и риторика нераздельны. С другой стороны, он знает (как англичане со времен Колриджа), что задача писателя – заботиться о том, чтобы правильное слово попало на правильное место. В-третьих, ему хорошо известны и многопланность поэзии, и глубинное значение подтекстов (стр. 471). Противоречия (может быть, мнимые?) между этими подходами он здесь не разрешает теоретически (что, вероятно, никому еще не удалось). Но принципы художественного перевода, изложенные там же, заслуживают общего внимания. Главное: своей убедительной практикой перевода, непосредственно захватывающей читателя, он оказал и античной, и русской поэзии громадную услугу, подтверждая убеждение Пушкина, что только поэт может понять поэта. Сверх того, он представил друзьям литературы широкую панораму античной лирики в достойной форме. Греческая и латинская лирика нашли столь богатое эхо в России, что само собой здесь напрашивается высказывание Э.Г. Шмидта о «приобретенном», вполне усвоенном наследии⁵. Хотелось бы, чтобы этот труд нашел самый обширный круг читателей, побуждая и другие нации к составлению подобных сборников, а молодых писателей всех стран – к живому состязанию с древними лириками. Каждый народ и каждое поколение имеет право, идя по стопам отечественных поэтов, питаться вечно свежими античными источниками и, в поисках точного слова, открывать дремлющие сокровища родного языка⁶.

⁵ Дополнением может служить: Любжин А. Римская литература в России в XVIII – начале XX века. М., 2007. О «приобретенном наследии» см.: Schmidt Ernst Günther. Erworbenes Erbe. Leipzig, 1960; Goethe, Faust I, Nacht: *Was du ererbt von deinen Vätern hast, / erwirb es, um es zu besitzen.*

⁶ Недосмотры редки:

Стр. 142 (Ног. сагм. IV 3, 9) не «средства», а: средств.

Стр. 225 не «пролет», а: прольет.

Стр. 273 не «Что же?» а: Что ж? (метрически необходимо).

Стр. 280 «Дом»: Залива нет.

Стр. 291 строка 9 читать: Или пусть кара моя.

Стр. 299 не «Читатель», а «Чтитель» (так).

Стр. 300 строка 5 опустить второе «прибавь».

Стр. 322 строка 11 не «подходит», а: подходят.

Стр. 357 не «Этна», а: Эта. (Обеих гор нет в списке имен).

Стр. 425 дважды не «Мирон» а: Марон (т. е. Вергилий).

Стр. 459 стих 7 не «кровь» а: кров.

Стр. 499 не «Аттол», а: Аттал.

Стр. 549 не «882», а: 382.

Рецензия на книгу: Лев Клейн. Трудно быть Клейном: автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История, 2010. 733 с., илл.

Исследователи древности редко пишут автобиографии. Тем интересней получить объемный том, документирующий путь в науке выдающегося ученого, подготовленный им самим. Автобиография Л.С. Клейна составлена из многочисленных интервью, данных научным зарубежным журналам и другим периодическим изданиям, преимущественно в 90-е гг.; из отзывов ученых на его работы, протоколов научных заседаний, из переписки с коллегами и друзьями, некоторых других документов и, наконец, воспоминаний автора, написанных в 2007 г. Повествование строится главным образом вокруг тех научных проблем, которые на протяжении своей жизни Л.С. Клейн пытался решить, – как возникали те или иные идеи, как они разрабатывались, какой встречали прием и какова была их дальнейшая судьба. Вместе с тем биография Л.С. Клейна – это не только его труды. В книге есть и многое другое: фронт (совсем коротко), тюрьма (не сталинская, а брежневская), университет, ученики, коллеги, раскопки, заграничные поездки. Отображенные в ней обстоятельства и ситуации будут интересны как тем, кто хорошо помнит неприглядный уклад советской общественной, в частности, научной жизни, так и тем, кто знает о нем понаслышке. Читателю будет также интересно заметить, что полвека назад люди, выбиравшие для себя путь науки, больше читали, лучше учились и предъявляли к себе более строгие требования, – но дело тут не в советском образе жизни, а в другой исторической эпохе. Завершается книга диагнозом современного состояния России – каким оно было на 2006 г. и с тех пор мало переменялось.

Основные причины, почему трудно быть Клейном, очевидны: с одной стороны, государственный антисемитизм в послевоенном Советском Союзе создавал множество осложнений на жизненном пути каждого еврея; с другой стороны, путь любого независимо мыслящего ученого в стране всепроникающей идеологии неизбежно становился тернистым. В споре о роли скандинавов в ранней русской истории Л.С. Клейн встал на сторону правды. Это принесло ему преданность учеников, но и множество неприятностей со стороны офи-

циальных инстанций. Автор рассказывает о такого рода эпизодах не только с естественным увлечением, но и с осознанием тех компромиссов, на которые ему приходилось идти. Мы узнаем, например, что другим вольнодумцем в норманнском вопросе был Андрей Амальрик, исключенный за это из МГУ (с. 136), и что Л.С. Клейн не пошел в сопротивлении официальной идеологии и стоявшим за ней властям так далеко, как автор «Доживет ли СССР до 1984 года?», – научные вопросы его волновали еще больше, чем политические. К трудностям, обусловленным еврейским происхождением и вольнодумством, следует прибавить трудности, которые обыкновенно навлекает на себя всякий амбициозный ученый: в то время как одни восхищаются его смелостью, другие считают, что он слишком много на себя берет. Но как ни трудно быть Клейном, автобиография написана ученым, в полной мере себя реализовавшим – выпустившим и продолжающим выпускать множество первоклассных трудов, воспитавшим плеяду учеников и получившим мировое признание.

Л.С. Клейн – прежде всего археолог, и именно археологам подобает высказывать суждения о соответствующих разделах рецензируемой научной автобиографии. Однако Л.С. Клейн не раз обращался и к вопросам греческой истории и литературы, что также получило отражение, сравнительно скромное, в его книге. Он вспоминает свои идеи, высказанные еще в дипломной работе, относительно интерпретации сообщений Геродота о родине скифов. Идеи эти были неоднократно обнародованы в печати, но изначально не им самим, а его научным руководителем, который как-то не нашел подходящего способа отметить роль высоко ценимого ученика (с. 184–186). В другой раз Л.С. Клейн выступил со смелыми идеями относительно Генриха Шлимана. На родине его работу не захотели напечатать, зато опубликовали на немецком языке в ГДР, однако же автором значился совсем другой человек (с. 180–184)!

Более видное место в автобиографии уделено занятиям гомеровским вопросом (с. 421–432), что совершенно естественно, поскольку здесь Л.С. Клейну, помимо ряда статей, принадлежат две монографии, одна из которых на полтысячи страниц¹. Автор кратко формулирует свои позиции, рассказывает об обстоятельствах своей работы и о том, как его идеи и методы были восприняты коллегами, – от энтузиастической поддержки со стороны И.М. Дьяконова («труд Л.С. Клейна означает начало новой эпохи в гомероведении») до разгромной рецензии В.Л. Цымбурского и В.В. Файера, опубликованной в ВДИ. Суть возражений и претензий критиков излагается, и на них приводится краткий ответ, который каждый раз выглядит убедительным. Однако на правах рецензента я позволю себе возобновить спор.

¹ Клейн Л.С. 1) Бесплотные герои. Происхождение образов «Илиады». СПб., 1994; 2) Анатомия «Илиады». СПб., 1998.

Л.С. Клейн выступает как последовательный антиунитарий. По его убеждению, единства стиля и сюжетных линий в «Илиаде» нет, «а есть разные авторы и разные фрагменты текстов» (с. 425). К этой позиции, широко распространенной в XIX в., он приходит своим особым путем. Л.С. Клейн обратился к статистическому исследованию дублетов и синонимов в «Илиаде» и в особенности к их систематической корреляции. Выясняется, например, что воины, осаждающие Трою / Илион, не только попеременно называются то ахейцами, то данаями, то аргиевцами, но и что в книгах, отмеченных высокой частотностью «данаев», на переднем плане Диомед, тогда как Ахилл, тесно связанный с «ахейцами», там отсутствует. Эти герои дублируют друг друга и практически не пересекаются в поэме; даже ранены они оба в щиколотку. Л.С. Клейн усматривает здесь «две версии одного повествования» (с. 422).

Критики Л.С. Клейна больше останавливались на его общих идеях и методах, нежели на его конкретных наблюдениях и результатах, а между тем некоторые из них попросту неоспоримы. Другое дело – как их интерпретировать. Ценнейшая работа по вычленению отдельных вкладов в «Илиаду», осуществленная Л.С. Клейном, на мой взгляд, не требует возвращения к общим позициям аналитиков. Продолжим, например, рассмотрение повествований об Ахилле и Диомеде. Сопоставляя два образа, Л.С. Клейн фиксирует их сходство по шестнадцати пунктам. Некоторые из сходств специфичны: в «Илиаде» только этим героям Афина покровительствует лично; у обоих – и только у них двоих – Афина зажигает пламень вокруг головы; оба заявляют о покорности богам, и тем не менее оба дерзают сражаться с богами; на них обоих обращается несправедливый гнев Агамемнона, и оба срамят Агамемнона; каждый из них полон решимости, оставшись вдвоем с товарищем, взять Трою; каждый из них имеет опыт безрезультатных встреч с Гектором – когда троянцу удается избежать смертоносного удара. Все это побуждает Л.С. Клейна прийти к выводу, что некогда существовала не только «Илиада» с Ахиллом, но и «Илиада» с Диомедом. Очевидно, в другой «Илиаде» именно Диомед убивал Гектора, но поскольку Гектор мог погибнуть лишь раз, этот элемент был элиминирован при слиянии двух версий в нашу «Илиаду». Представление унитариев, согласно которому второй «Илиады» не было и оба образа были созданы одним автором, Л.С. Клейн отвергает на том основании, что уподобление двух рассматриваемых персонажей «слишком полное, слишком детальное», к тому же «взаимное избегание героев слишком бросается в глаза»². Взвесим, однако, две возможности, что кажется более правдоподобным, – то, что два разных поэта сочинили два образа, столь сходные даже в мелких деталях, или то, что

² Анатомия «Илиады». С. 120–126.

мы имеем дело с одной рукой, одним почерком, набором ходов и художественных средств, характерных для одного поэта? Я отдаю предпочтение второму варианту. Что же касается «взаимного избегания героев», то здесь все просто: Диомед выступает на передний план именно тогда, когда Ахилл, в гнев на Агамемнона, отказывается сражаться; и художественный такт побуждает поэта «забыть» о Диомеде, когда наступает черед протагониста всей поэмы.

Однако у Л.С. Клейна есть в запасе решающий довод против допущения в обсуждаемом случае единого авторства: «то, что Диомед связан с данаями, Ахилл же с ахейцами, начисто исключает эту гипотезу». Так ли уж начисто? Связь Диомеда с данаями убедительно объяснена самим Клейном: Диомед – аргосский герой, и данаи точно так же ведут в Аргос. Следовательно, у поэта, который разрабатывал материал, связанный с Аргосом, Диомед и данаи могли оказаться в тесной ассоциации. И если такой поэт пожелал ввести в число важных действующих лиц «Илиады» Диомеда, – нет ничего удивительного в том, что Диомед привел за собой частое упоминание данаев. Был ли этим поэтом автор «Илиады» с Ахиллом? Как отмечает сам Л.С. Клейн, аргосец Диомед – один из героев фиванского цикла. Герои, двинувшиеся против Фив, выступили из Аргоса. Более того, древняя «Фиваида» начиналась призывом к Музе воспеть Аргос. Остается добавить, что автором то ли этой, то ли какой-то другой «Фиваиды» был не кто иной, как Гомер, по крайней мере, такова солидная античная традиция (*Paus.* IX. 9. 5 со ссылкой на Каллина). Возможно, Гомер сочинил и «Эпигонов», но здесь наши источники менее надежны. Так или иначе, вполне представимо, что Гомер, которому понадобился временный протагонист на время бездействия Ахилла, выбрал Диомеда как персонажа, близкого ему по разработке преданий, связанных с Аргосом и Фивами. Аналогия под рукой: легко заметить, что к числу поздних слоев «Илиады» относится ряд эпизодов, делающих ощутимым присутствие в этой поэме главного героя «Одиссеи». Однако если «Одиссея» создавалась тогда, когда «Илиада», в основном, была завершена, то «Фиваида», согласно обоснованным предположениям, была, напротив, сочинена раньше, чем «Илиада». С точки зрения унитария, тщательное исследование отдельных вкладов в «Илиаду» дает уникальный шанс восстановить небезынтересные обстоятельства, относящиеся к творчеству Гомера.

Всем этим рассуждением я не хочу сказать, что Л.С. Клейн обязательно неправ. Спор о происхождении «Илиады» и «Одиссеи» ведется слишком долго, чтобы верить в его легкое и быстрое разрешение. По счастью, этот спор далеко не бесплодный, причем обогащение наших знаний новыми наблюдениями и подходами является более ценным, чем солидарность с теми общими представлениями, которые нам представляются верными. Вычленение отдельных вкладов в «Илиаду» и их распределение в пространстве и времени может

не только прояснить ход работы самого Гомера (если оставаться на позициях унитариев), но и независимо от взглядов на проблему авторства оказаться важным для понимания истории эпической традиции и ее носителей³.

В общем плане моя позиция близка к приведенному в автобиографии отзыву А.И. Зайцева, особенно его второй части: «Спорность общих выводов Л.С. Клейна очевидна для каждого, кто занимается Гомером, но основная линия прогресса в этой области идет через смелые, но подробно аргументированные гипотезы, подобные тем, которые выдвигает Л.С. Клейн» (с. 428).

Смелые, хотя бы и аргументированные гипотезы не всегда, как мы знаем, встречают непредвзятое отношение. В марте 1985 г. Л.С. Клейн выступил с докладом в Ленинградском отделении Института истории. Формально доклад был адресован небольшой группе античников, но собралось довольно много народу, и доклад прозвучал в читальном зале институтской библиотеки. Л.С. Клейн развесил интригующие таблицы, и слушать его было очень интересно. Обсуждение, насколько я помню, не было агрессивным, но и не было щедрым на похвалы, хотя неординарность представленной работы была очевидной. Спротивление идеям докладчика порой сопровождалось менторским отношением к человеку, который уж точно не был новичком в науке. Под конец и сам докладчик позволил себе некоторую резкость. Разошлись все-таки мирно, а о продолжении этой истории я узнал лишь из книги Л.С. Клейна. Оказывается, античная группа Института, написав уже один отзыв на доклад Л.С. Клейна, через неделю сочинила новый отзыв, гораздо более суровый (с. 426). Конечно же, достойно сожаления, что люди специально собрались не с тем, чтобы решить научный вопрос, не с тем, чтобы опровергнуть опубликованные в печати заблуждения, а так – чтобы зачем-то дать коллективный отпор ученому, проделавшему большой труд. И если читателей автобиографии Л.С. Клейна удивит избыточная подчас настойчивость, с которой автор подчеркивает свои достижения, то я в этой связи позволю себе предположить, что эта настойчивость во многом порождена тем явно избыточным сопротивлением, которое Л.С. Клейну раз за разом приходилось встречать.

Д.В. Панченко

³ Я имел случай воспользоваться наблюдениями Л.С. Клейна относительно контраста между «пышнопоножными» ахейцами и «быстроконными» данаями в тезисно написанной статье: *Панченко Д.В. «Ахиллес быстроногий»: к исторической интерпретации компонентов эпической традиции // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XI. СПб., 2007. С. 222–225.*

Рецензия на книгу: P. Ovidi Nasonis *Metamorphoses* / Ed. R.J. Tarrant. Oxford: Oxford University Press, 2004 (*Scriptorum Classicorum Bibliotheca Oxoniensis*)

Еще не так давно можно было с уверенностью сказать, что лучшим изданием «Метаморфоз» Овидия является один из томов тойбнеровской библиотеки греческих и римских авторов, выпущенный в 1977 г. Вильямом Андерсоном¹. Эта работа давала надежное обоснование текста для исследователей и комментаторов поэмы. Однако в начале XXI в. ситуация изменилась: вышел в свет труд Ричарда Тарранта², ставший серьезным конкурентом для тойбнеровского издания.

Работа Тарранта – единственное на данный момент издание, которое благодаря хорошо составленному критическому аппарату может дать полное и точное представление о рукописной традиции. В его тексте, согласно принципам, обоснованным в *praefatio*, принимаются чтения рукописей XII и XIII вв., и, кроме того, оно является более открытым для конъектур по сравнению с весьма консервативными изданиями XX в. *Praefatio* (v-xxxviii) даёт довольно полный обзор рукописной традиции, описание сорока пяти рукописей, а также обсуждение издательских методов. Кроме того, вводная часть содержит перечень изданий (xxxix-xl), список исследований, посвященных вопросам критики текста (xl-xliii), а также *comparatio siglorum* (xlvii-xlviii) – полезную сравнительную таблицу сокращений, использованных в данном издании и в изданиях Андерсона, Магнуса³ и Слейтера⁴ (только *apparatus criticus*). В конце книги помещены *Appendix orthographica et morphologica* (483–501) и указатель имен собственных (503–534).

¹ Anderson (ed.) 1977.

² Ему принадлежит ряд статей об Овидии. Некоторые из них затрагивают темы, связанные с передачей текста непосредственно «Метаморфоз»: Tarrant 1982, Tarrant 1989, Tarrant 1995, Tarrant 2000. Он также написал разделы, посвященные Овидию, в *Texts and Transmission* Рейнольдса. См.: Reynolds (ed.) 1983: 257–284 («Метаморфозы»: 276–282).

³ Magnus (ed.) 1914.

⁴ Slater 1927.

Основным новшеством в этом издании является использование рукописи XII в. (codex Sangalensis 866)⁵, обозначенной как G, которой раньше незаслуженно пренебрегали из-за неправильной датировки. В рукописи G можно обнаружить как некоторые новые чтения, так и найти подтверждение чтений, которые ранее встречались лишь в небольшом количестве ранних рукописей либо в позднейших⁶.

В praefatio издатель сосредоточивает внимание на трёх важных обстоятельствах. *Во-первых*, рукописная традиция подвержена контаминации, при которой сравнение рукописей в процессе их копирования привело к беспорядочному обмену чтениями в копиях (хорошими вместо плохих и плохими вместо хороших). Таким образом, невозможно найти никакой «чистой ветви» текстуальной традиции. *Во-вторых*, поскольку в результате такой контаминации ни одна из рукописей, ни какое-либо семейство рукописей не заслуживают особого, привилегированного отношения к их чтениям, следует признать, что хорошие чтения можно обнаружить в поздних рукописях XII и XIII вв. *В-третьих*, наиболее эффективный в данных условиях метод издания – это эклектизм⁷.

И если задаться вопросом, что отличает данное издание от издания Андерсона, то ответ будет следующим: эклектизм Тарранта, который охватывает ранние и поздние рукописи, а также его готовность принимать конъектуры не только в тех случаях, когда рукописная традиция очевидным образом претерпела порчу, позволяют получить лучший текст. Поэтому последующие издания поэмы, как нам кажется, будут оценивать, сравнивая их с работой Тарранта.

А.С. Егоров

ЛИТЕРАТУРА

- Anderson W.S. (ed.) 1977: Ovidius. Metamorphoses. Leipzig, BSB B.G. Teubner Verlagsgesellschaft (Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
- Magnus H. (ed.) 1914: P. Ovidi Nasonis Metamorphoseon libri XV. Lactanti Placidi qui dicitur narrationes fabularum Ovidianarum. Berolini.
- Reynolds L.D. (ed.) 1983: Texts and Transmission. A Survey of Latin Classics. Oxford, Clarendon Press.

⁵ В ней отсутствует часть текста: 8. 548–10. 428.

⁶ Наиболее интересными из них можно назвать: 1. 231 domino; 2. 871 primis; 7. 30 segeti; 7. 786 morsus; 10. 637 quod; 14. 508 subitarum; 14. 648 iurares; 15. 502 finxit uoluisse; 15. 729 omnis.

⁷ «Ex iis quae supra memorauī apparet textum ἐκλεκτικῶς constituendum esse» (xxxii).

-
- Slater D.A.* 1927: Towards a Text of the Metamorphosis of Ovid. Oxford.
- Tarrant R.J.* 1982: Editing Ovid's Metamorphoses: Problems and Possibilities // CPh. 77. P. 342–360.
- Tarrant R.J.* 1989: Silver Threads Among the Gold: A Problem in the Text of Ovid's Metamorphoses // Ill. Class. St. 14. P. 103–117.
- Tarrant R.J.* 1995: The Silence of Cephalus: Text and Narrative Technique in Ovid, Metamorphoses 7. 685 ff. // TAPhA. 125. P. 99–111.
- Tarrant R.J.* 2000: The Soldier in the Garden and Other Intruders in Ovid's Metamorphoses // HSCPh. 100. P. 425–438.

ЕВРОКЛАССИКА И РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ШКОЛЬНЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ

Евроклассика – это международная ассоциация школьных преподавателей древних языков, которая построена по принципу федерации, объединяющей национальные ассоциации разных стран Западной и Восточной Европы. Сегодня в состав *Евроклассики* входят 25 стран Европы. Ассоциация возникла 1 сентября 1991 г. с целью поддержки и распространения идей классического образования, обмена информацией, программами, учебниками, создания обще-европейских проектов и т. д. *Евроклассика* стремится устанавливать контакты с представителями власти на разных уровнях, министерствами образования, общественными организациями для защиты и пропаганды классического образования в Европе. Одним из проектов *Евроклассики* является организация и проведение летних школ для гимназистов старших классов и студентов: *Academia Latina* в Риме, *Academia Homerica* на Хиосе, *Academia Ragusina* в Дубровнике (Хорватия), в прошлом *Academia Aestiva* в Афинах. В деятельность *Евроклассики* входит также поддержка ряда международных олимпиад по латинскому и древнегреческому языкам: с их перечнем, а также с другими программами и проектами ассоциации можно подробнее ознакомиться на сайте <http://www.euroclassica.eu>, где, в частности, также выложены ежегодно публикуемые бюллетени *Евроклассики*¹.

Санкт-Петербургская классическая гимназия и кафедра классической филологии СПбГУ оказались вовлеченными в программы *Евроклассики* уже в начале 90-х гг. благодаря активности президента голландской ассоциации и тогдашнего секретаря *Евроклассики*, проф. Антона ван Хоффа.

Конференции *Евроклассики* ежегодно проходят в одной из стран, входящих в ассоциацию; помимо обсуждения вопросов, связанных с проектами *Евроклассики* и проблемами преподавания древних языков в школах Европы, эти встречи предполагают своего рода презентацию преподавания древних язы-

¹ (<http://www.euroclassica.eu/?TITEL=newsletter&artikel=1&kthid=5190>)

ков в стране-организаторе. Л.Я. Жмудь, один из основателей СПб. классической гимназии, представлял Россию на конференции *Евроклассики* в Мадриде в 1993 г., Е.Л. Ермолаева в Наймегене в 1996 г., Н.М. Ботвинник в Праге в 2000 г. С 1996 г. контакты с *Евроклассикой* становятся обязанностью Ермолаевой, которая отвечает за участие российских гимназистов в летних школах *Евроклассики* и международных олимпиадах, а также за переписку, ежегодный взнос и отчетность перед *Евроклассикой*. С 1997 г. в работе летних школ в Афинах, Риме и Дубровнике участвовало 20 гимназистов из Петербурга, пятеро из которых впоследствии поступили на кафедру классической филологии СПбГУ. В *Academia Homerica* на Хиосе участвовали студенты Московского государственного университета.

С 2004 г. ученики 11-х классов Санкт-Петербургской классической гимназии представляют Россию на международных олимпиадах по древнегреческому языку, организованных ODEG и Министерством образования и религии Греции при патронаже *Евроклассики* (попытки привлечь к олимпиадам другие российские школы, где преподается древнегреческий, к сожалению, не имели успеха). Победители олимпиады 2004 г. от России А. Петрова, С. Александрова, Г. Воробьев, А. Евлампиева, Д. Парфенова и их учителя С.Э. Андреева, М.М. Позднев, А.С. Намойлик, Е.С. Варганова и Е.В. Желтова участвовали в церемонии награждения, проходившей в Афинах, а также в организованных для лауреатов экскурсиях. Более широким было российское представительство на конкурсе «Пифии» 2001–2005 гг., предполагающем написание творческих или научных работ на определенную тему, связанную с греческой историей и культурой. Эти состязания устраивал, опять-таки при поддержке *Евроклассики*, Европейский культурный центр в Дельфах. В российское жюри «Пифий» входили Н.Н. Казанский, А.В. Подосинов, Н.В. Брагинская и Н.П. Гринцер; победители, среди которых в эти годы были школьники из Москвы, Петербурга и Петрозаводска, награждались недельной поездкой по Греции.

В 2005 г. Санкт-Петербургская классическая гимназия приняла участие в международной олимпиаде по древнегреческому языку “*Certamen della Tuscìa*”, проводимой лицеем им. Марио Буратти и университетом г. Витербо (Италия). В этой олимпиаде ежегодно участвуют по два лучших ученика выпускного класса из классических лицеев Италии, а также представители Греции и США (всего от 90 до 100 конкурсантов). Пятичасовое состязание предусматривает перевод со словарем большого отрывка из греческого автора и составление разностороннего комментария к нему; по итогам “*Certamen della Tuscìa*” присуждаются 10 призовых мест. В 2005 г. гимназистка А. Дмитрикова заняла 10-е место, в 2006 г. М. Шляхтер – 7-е, а в 2007 г. А. Ветушко-Калевич

стал победителем олимпиады. Несколько месяцев спустя Арсений поступил на кафедру классической филологии СПбГУ².

Местом проведения конференции *Евроклассики* в 2007 г. был определен Санкт-Петербург, куда приехали 33 представителя из 14 стран Европы (Англия, Германия, Бельгия, Австрия, Чехия, Испания, Македония, Португалия, Швеция, Швейцария, Голландия, Дания, Хорватия и Румыния), а также представители США и Чили. Кроме того, конференция собрала преподавателей древних языков из разных городов России и Украины (Москва, Пермь, Саратов, Томск, Петрозаводск, Симферополь). Мероприятия конференции проходили на филологическом факультете СПбГУ, в Эрмитаже и в Санкт-Петербургской классической гимназии; с докладами, читавшимися на английском и французском языках, выступили петербургские и московские ученые и преподаватели, сотрудники СПбГУ, РГГУ, Института лингвистических исследований РАН, Института истории РАН, Государственного Эрмитажа, Bibliotheca Classica Petropolitana, а также наши европейские коллеги. Тексты всех докладов и сопровождавшие их иллюстративные презентации опубликованы на сайте *Евроклассики*³.

По традиции, последний день конференции был отдан генеральной ассамблее *Евроклассики*, в которую входят по одному официальному представителю от каждой страны. Это заседание занимает целый рабочий день: каждый член ассамблеи обязан представить отчет о состоянии преподавания древних языков в школах своей страны и ответить на вопросы коллег. Кроме того, обсуждаются программы и проекты *Евроклассики*, ее бюджет. В 2007 г. состоялись перевыборы президента организации (выборы президента проходят раз в 4 года): им стал Альфред Райтермайер (Австрия), в новый исполнительный комитет были избраны Хосе Наварро (Испания), Йадранка Багарич (Хорватия), Роль Йевен (Бельгия) и Елена Ермолаева (Россия).

В рамках конференции 21 сентября 2007 г. в Санкт-Петербургском Античном кабинете (Bibliotheca Classica Petropolitana) состоялся круглый стол российских участников, на котором заседали Н. Н. Казанский, А.И. Солопов, А.К. Гаврилов, А.Л. Верлинский, А.В. Подосинов, В.В. Зельченко, Е.Л. Ермолаева, Н.А. Алмазова, С.Э. Андреева, В.И. Кашеев, Л.Т. Леушина, А.Ю. Братухин, М.А. Филиппенко и другие коллеги. Было принято решение принципи-

² Голубев Е. Гимн гимназии // Санкт-Петербургский университет. № 12 (3760), 17 сентября 2007. С. 11.

³ <http://community.schule.at/index.php?PHPSESSIONID=&design=euroclassica&url=community&cid=4325&modul=1&folder=78863>

альным образом расширить представительство России в *Евроклассике*, сделав его из петербургского – общероссийским. Российская ассоциация в составе *Евроклассики* утвердила свое новое имя *Российская ассоциация школьных преподавателей древних языков* (*Societas Russica magistrorum linguarum classicarum*). Координаторами ассоциации были избраны А.В. Подосинов, Е.Л. Ермолаева и В.В. Зельченко, секретарем С.Э. Андреева, затем в оргкомитет ассоциации вошел В.В. Файер. Цели ассоциации: контакты, обмен информацией, программами, методическими и учебными материалами; организация летних школ по древним языкам и изучению античности; сохранение и развитие школьного классического образования в России. Одной из задач ассоциации стало составление базы данных о преподавании латинского и греческого языков в российских школах. Члены ассоциации при вступлении в нее заполняют анкету, в которой сообщают сведения о своей гимназии или школе, о продолжительности курса латинского / греческого языка или античной культуры, количестве недельных часов, числе и возрасте учеников, используемых учебниках и т. д.

Членство в ассоциации – личное; вступать в нее мы приглашаем в первую очередь преподавателей латыни и греческого, но также всех, заинтересованных в поддержке классического образования в России. Информация об ассоциации, ее конституции и проектах размещается на сайте <http://librarius.narod.ru>. Желающих войти в ассоциацию просим написать по адресу ее секретарю Софии Эдуардовне Андреевой srmlc@yandex.ru, указав имя, фамилию, место работы и электронный адрес для рассылок и связи.

Члены ассоциации, представители разных регионов страны, имеют возможность обсудить проблемы и услышать отчет ее координаторов в Москве на заседаниях УМО, которые много лет ежегодно проводятся под эгидой кафедры классической филологии МГУ их неизменным организатором М.Н. Славянской.

Одним из первых дел ассоциации стало создание Летней школы по древним языкам и античной культуре⁴. Идея летней школы родилась давно, однако осуществление ее оказалось возможным лишь благодаря усилиям ассоциации и спонсорской поддержке М.В. Поваляева, президента «Русского фонда содействия образованию и науке». Первая школа была проведена 1–9 августа 2009 г. Ее участниками стали 34 гимназиста, победители Всероссийской олимпиады по латинскому языку, а также ученики, показавшие отличные успехи в изучении древних языков. Они приехали из разных городов России: Москвы, Петербурга, Вологды, Саратова и Семёнова Нижегородского.

⁴ Об ЛША 2009, 2010 см. на сайте <http://www.librarius.narod.ru>: информация и фотографии; а также на сайте *Евроклассики*: <http://www.euroclassica.eu/?modul=news&all=1&showTITEL=news+archive>

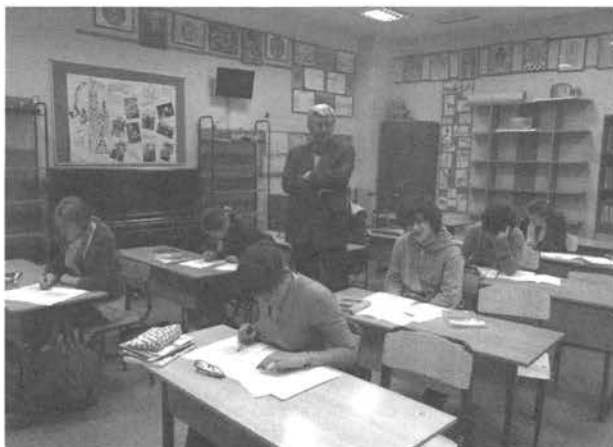
Подробнее о первой Летней школе можно прочесть в статьях В.В. Файера, Л.Ю. Зориной, М.А. Филиппенко, Е.Л. Ермолаевой (см. сн. 5). Дебют удался – и 1–10 августа 2010 г. в селе Рождество прошла вторая Летняя школа. В ней приняли участие лекторы из Москвы и Петербурга: Б.Л. Фонкич, Д.В. Панченко, С.А. Иванов, А.В. Подосинов, Е.Ю. Басаргина, М.М. Позднев, Е.В. Шевцова,

*Участники Евротеста по латинскому языку
в гимназии 1567 г. Москвы*

А.Ю. Енбекова, С.Д. Клейнер, М.А. Филиппенко, Н.Е. Самохвалова (директор ЛША), С.Э. Андреева, В.В. Файер, В.В. Зельченко, Е.Л. Ермолаева. Судя по отзывам детей и взрослых, школа пользуется большой популярностью. Во всяком случае в Санкт-Петербургской гимназии уже через три дня после объявления записи в ЛША 2011 квота была исчерпана, а желающих оказалось больше, чем мест.

Следующим проектом ассоциации стало участие в общеевропейском тестировании по латинскому языку. *Евроклассика* разработала общеевропейские стандарты преподавания латинского и древнегреческого языков в гимназиях и лицеях. С ними можно познакомиться на сайте ассоциации: <http://www.euroclassica.eu> – Curricula, далее European Curriculum for Latin. Для каждого из четырех уровней (Vestibulum, Ianua, Palatium, Thesaurus) был определен объем знания морфологии, лексики, синтаксиса и так называемый культурный background. Эти стандарты представляют собою результат компромисса между различными системами преподавания, принятыми в разных странах Европы. Тем не менее, они дают возможность ученикам оценить свои знания латыни в сравнении с ровесниками из других стран и получить Европейский сертификат по латинскому языку. 26 сентября 2010 г. *Евроклассика* впервые провела тестирование по латинскому языку на первом уровне. Такое тестирование предполагается проводить в системе он-лайн, а если это технически невозможно, то представитель страны, ответственный за проведение экзамена, получает задание по факсу накануне дня экзамена. Задание представляет собою текст и 40 вопросов; из 4 вариантов ответов на каждый вопрос нужно выбрать правильный. Тест длится 40 минут. В этом году в таком экзамене по латинскому языку участвовало более тысячи человек из разных стран Европы. Наша ассоциация тоже приняла в нем участие. В основном, это были московские гимназисты и школьники – ученики А.В. Подосинова, Н.Л. Кацман, В.В. Файера, М.А. Фи-

Работа над Евротестом в Московской школе № 57

липпенко, И.И. Барсуковой, Г.И. Самсоновой, Т.А. Михайловой, Д.И. Сидоренко, а также семиклассники СПб. классической гимназии и пять учеников из 17-й гимназии г. Калуги (преп. Е.А. Савина). В общей сложности тестирование выдержали 162 ученика. С результатами тестирования можно познакомиться по адресу: <http://www.eccl-online.eu/4.html:Russia>. Победители получили

сертификаты (трех уровней: золотая, серебряная и бронзовая награда, в зависимости от количества набранных баллов) с подписью президента *Евроклассики* Альфреда Райтермайера (Австрия).

На сайте *Евроклассики* можно найти пробный тест для первого уровня латинского экзамена (<http://www.eccl-online.eu/1.html> – ELEX). Пробный тест для второго уровня появится в скором времени (мы продублируем его на сайте нашей ассоциации), а в сентябре состоится тестирование уже по первому и второму уровням. Кроме того, в сентябре планируется провести такой же экзамен по древнегреческому языку, пробный вариант которого будет предварительно помещен на сайте *Евроклассики* и на сайте нашей ассоциации.

Члены ассоциации стараются сделать ее деятельность известной общественности в своих статьях, интервью, выступлениях на радио («Эхо Москвы» – М.А. Филиппенко)⁵.

Хочется избежать излишнего пафоса, но тем не менее главная задача ассоциации – защита классического образования в нашей стране. 90-е годы двадца-

⁵ Ермолаева Е.Л. Международная конференция преподавателей древнегреческого и латинского языков в Санкт-Петербурге “Classica Petropolitana” // ЯЛИК. № 73. Декабрь 2007. С. 4–5; Ермолаева Е.Л. Euroclassica в Петербурге // Абарис. № 9. 2008. С. 24–26; Ермолаева Е. The Annual Conference “Classica Petropolitana” in Saint-Petersburg 2007 // Euroclassica. Newsletter 16. January 2008. P. 47–50; Ермолаева Е.Л. Первая летняя школа по латинскому языку и античной культуре // ЯЛИК. № 80. Январь 2010. С. 4–5; Файер В.В. О Первой летней школе по древним языкам и античной культуре // Аристей. Т. I. 2010. С. 185–188; Самохвалова Н.Е. О Второй летней школе по древним языкам и античной культуре // Аристей. Т. II. 2010. С. 179–183; Зорина Л.Ю. Летняя школа античности как средство упрочения и дальнейшего расширения позиций классического образования в России // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Ч. 2. Вологда, 2010. С. 65–70; Русский журнал. Игры с античным уклоном. Интервью с М.А. Филиппенко от 1. 09. 10 <http://www.russ.ru/pole/Igry-s-antichnym-uklonom>.

того века, положившие начало возрождению классического образования в России, сделали возможным преподавание латинского языка в гимназиях, школах и лицеях, проведение ежегодной общероссийской олимпиады по латинскому языку, объединение школьных преподавателей древних языков в ассоциацию, работе которой помогает общий информационный сайт и средства интернета. Сейчас мы снова переживаем не лучшие для среднего и высшего образования времена. Введение ЕГЭ, сокращение часов для преподавания древних языков в высшей школе, грядущая реформа школьного образования, вызывающая недоумение и протест, грозят сделать классическое (и не только классическое) образование труднодоступным и невостребованным. В этих условиях «цеховое» объединение учителей древних языков становится более чем актуальным. Нужно осознавать, что объединение учителей должно стать той общественной силой, которая будет противостоять профанации и развалу в школьном образовании и добиваться того, чтобы в принятии решений приоритет был не за чиновниками, а за учителями.

Е.Л. Ермолаева

ВАЛЕНТИНА ИОСИФОВНА МИРОШЕНКОВА:
ЧТО Я ПОМНЮ О НЕЙ

Валентина Иосифовна Мирошенкова преподавала нам древнегреческий язык в первом семестре первого курса. Это были осень и зима 1990 года. Мы оказались последней группой классического отделения, которую В.И. обучала в университете, да и то очень недолго: всего три месяца с половиной. После было еще несколько встреч с ней – и все. В 1991 году она умерла. Не мне бы, конечно, лучше писать воспоминания о ней поэтому, а тем, кто знал ее десять, двадцать, сорок лет, кто помнит разные стороны ее жизни. Тем, кто работал с ней бок о бок как с коллегой, или тем, кто знал ее семью, или тем, для кого она была лучшим советчиком и опорой. (Николай Алексеевич Федоров, ее коллега и соавтор, сказал как-то, например, что она была «нравственный камертон».) Но, думаю, и моя капля воспоминаний будет не лишней. По крайней мере, может быть, они подтолкнут к записыванию тех, кому действительно есть, что вспомнить, хотя и тяжело идти против течения реки времен. И тогда имя В.И., может быть, будет напоминать новым поколениям филологов больше, чем учебник латинского языка Мирошенковой–Федорова.

В.И. Мирошенкова

Период, когда мы учились, был для нашего отделения, как мне кажется, чем-то вроде безвременья или затянувшимся концом безвременья – по разным причинам. История безвременья (как и история «роковых минут») может быть очень интересной, не говоря уж о том, что поучительной, и написать ее непременно нужно. Но этого я, конечно, сделать не смогу и не собираюсь. А написать о В.И. стоит уже потому, что такие люди, как она, скрашивают безвременье и помогают его пережить. Позже, на втором и третьем курсах, мы увидели в учебных аудиториях преподавателей, которые были и настоящими учеными, исследователями (Гринцер, Россиус); но при вхождении в мир классической

учености нас встретили те, чьим искусством было пестование в древнем языке, и среди них прежде всего Валентина Иосифовна. Некоторые оговорки к восторженным воспоминаниям о ее преподавании можно и следует сделать, да они уже и бывали сделаны. Сейчас я считаю, что преподавание греческого языка взрослым и заинтересованным людям может быть построено по-другому. Но тот метод, который практиковала В.И., нашел в ней полное осуществление. В целом пройти начальное обучение у нее было, конечно, большим везением.

Какой она была тогда внешне? Не такой полноватой дамой, которую нам показывают старые фотографии, а скорее легкой, подвижной старушкой, очень живой, с лицом морщинистым, как печеная свеколка, с голубоватыми волосами (тогда еще многие старушки подсинивали седину). Она носила длинные серые юбки и светлые блузки, иногда с кофтой. Очки на ней почему-то помню не с пластиковой оправой, как на более поздних снимках, а без оправы. Вид бы в целом был «профессорский», если бы она не казалась такой стремительной и маленькой.

Выражение «профессорский вид» В.И. применила к себе сама в одном из разговоров у себя дома, когда она уже не вела у нас занятий. Во время одного из визитов к ней (о которых будет сказано позже), она рассказала случай из своей дачной жизни. Дачный участок был далеко, обрабатывала его В.И. неохотно, что вызывало косые взгляды соседей. Раздражение соседей была сильно подогрето, когда однажды на собрании дачного товарищества (или чего-то в этом роде) предложили записываться на покупку кабанчика. В.И. живо представила нам, что должны были чувствовать другие хозяева, которым кабанчик очень даже был кстати, когда она, чужеродная дама «профессорского вида» с недоумением и обстоятельным негодованием начала выступать: ведь если, мол, приобрести кабанчика, то за ним нужно ухаживать, растить и кормить, – а как это делать, живя в Москве? Один приятель сделал ей такие глаза, что она заподозрила неладное, а потом тихо сказал ей, чтобы она не позорилась. Ей невдомек было, что кабанчиком называется вид облицовочной плитки.

Прежде чем говорить о том, как она нас учила, нужно сказать несколько слов о том, как тогда строилось и какими пособиями было обеспечено преподавание древнегреческого языка, потому что вскоре произошли некоторые изменения к лучшему, а старое стало приятно забыть.

Сносного русского учебника не было в пределах досягаемости, и даже грамматику достать было трудно. В библиотеке если и было несколько экземпляров Соболевского, то они доставались знающим, ловким и кому повезет. Того же Соболевского и краткую грамматику Попова можно было читать в читальном зале «стекляшки», но не к каждому же занятию там было готовиться (а копировальные машины еще не были так обычны, как теперь, не говоря

уж о компьютерах; в нашей библиотеке копий не делали). В комплекте учебников для первого курса мне выдали учебник Козаржевского – им-то там, в библиотеке, откуда знать, что выдавать? Это было то издание, в котором уже автором значился только Козаржевский, без Соколова, но еще напечатанное на машинке, с диакритическими знаками, вписанными от руки, с ошибками. Мой экземпляр был неудобно и топорно переплетен в синий клеенчатый твердый переплет. И по сути своей мало на что годный, в этом «издании» учебник был полным (неизвестно чем) недоразумением¹. Впрочем, В.И. сразу исключила его из списка полезной литературы.

Словари греческо-русские были еще менее доступны. Работать со словарем Дворецкого можно было в читальном зале, но нельзя же бегать туда за каждой полудюжиной новых слов. В комплекте учебников мне выдали словарь Йоаннидиса: кто стал бы выяснять, что за названием «Греческо-русский словарь» стоит словарь современного греческого языка? Кстати, так как в нем было много слов в кафаревусной форме, некоторое время я им все-таки пользовался, иногда забавляясь такими курьезами, как значение слова *knemis* – 1) гетра; 2) ист. поножа. По словарю Йоаннидиса я тогда же составил первое представление о странной исторической судьбе глаголов на *-mi* в активном залоге.

Репринт словаря Вейсмана был выпущен греко-латинским кабинетом в том же учебном году, но позже, после окончания нами первого семестра. Мы тотчас же, как объявили подписку, подписались на него в Греко-латинском кабинете (тогда ГЛК был на Никитской), поверив В.И., что на такое *ktema es aiei* стоит потратиться. Да, тогда и Вейсман оказался подарком небес. Правильно ли я помню, что подписка стоила семнадцать рублей? Или это столько стоил «Лингвистический энциклопедический словарь»? Про готовящееся тогда переиздание ЛЭС тоже В.И. нам рассказала. А когда он вышел, просмотрела его и объявила нам с так шедшей к ней пародийно-менторской интонацией, что «выход словаря не стал событием в науке». Статьи про латинский и греческий язык раскритиковала по пунктам, как и библиографию к ним. Я тогда же пометил некоторые пункты в своем словаре карандашом, но того экземпляра у меня больше нет. Конечно, и это переиздание сослужило нам службу, и для курса введения в языковедение, служило и потом (да я и сейчас им пользуюсь), но замечания В.И. тут вовремя предостерегли от чрезмерного доверия.

¹ Все равно, конечно, любое соприкосновение с греческим языком было восторгом, и он, видимо, заслонял от нас убожество подобных «средств обучения», да и всего нашего положения. Со страниц любого пособия сразу глядело волшебство: все эти греческие буквы и непонятные правила письма и ударения, не говоря уж о словах. Ведь для большинства из нас это было все совершенно новое. Помню, как Таня Васильева (моя однокашница, а не историк философии, конечно) стояла в коридоре с греческой книгой и тетрадь в руках, мелко сотрясала ими и с возведением очей горе говорила, что теперь она поняла: греческий язык для нее самое-самое на свете...

В.И. Мирошенкова

Итак, поначалу у нас никаких полезных пособий на руках не было (только у некоторых, наверное, было что-то нужное в домашней библиотеке). Основным пособием, то есть сборником текстов и упражнений, был Вольф в немецком издании, но его у нас не было как книги, были только страницы ксерокопии, которые нам изготавливали и выдавали порциями. К каждому уроку по Вольфу В.И. объясняла грамматику сама, лишь изредка оставляя некоторые темы на самостоятельное изучение («посмотрите у Соболевского или Попова»). Но лишь изредка, и такое задание всегда было точно и определено.

То, что я говорил выше о безвременье, не касалось общего интереса к изучению древних языков, особенно греческого. Наоборот, он был в начале 90-х, кажется, особенно силен. Кроме нашей большой группы (а группа у нас была для классического отделения очень большая), в аудитории присутствовали еще студенты других отделений. (В.И. пришлось даже попросить некоторых вольнослушателей не посещать наши занятия, а пойти на курсы.) Хорошо помню, что тут было несколько человек с исторического факультета (среди них Аня Ванькова, с которой мы потом работали вместе в Институте всеобщей истории) и, кажется, с русского отделения (помню Михаила Гронаса, поэта). Они хотели изучать греческий язык именно у В.И. Да, это была своего рода марка. Когда в конце девяностых я стал работать в ГЛК, то, доверив мне начальную группу греческого языка, Елена Федоровна Шичалина поинтересовалась, кто вел у меня в университете элементарный курс. Когда я ответил, что греческий преподавала нам В.И., хотя всего только один семестр, Елена Федоровна, казалось, стала смотреть на меня как на преподавателя еще более благосклонно.

Был ли какой секрет в преподавательском мастерстве В.И.? Секрета никакого не было, а было вот что.

Во-первых, она очень хорошо знала преподаваемый предмет, то есть элементарный курс греческой грамматики. (Знала она, конечно, не только его, но о нем тут речь.) Все твердо помнила наизусть (сколько я помню, стареющая память ей не мешала или почти не мешала). Очень строго соблюдала последовательность в том, что нужно сказать, и – главное – чего говорить пока не нужно, чтобы не запутать нас окончательно. Например, о долготе дифтонгов *oi* и *ai* В.И. рассказывала в три приема, в трех частях, причем третья была отделена

от второй, наверное, полутора месяцами. То же и с ударением в родительном падеже женского рода первого склонения. Причем каждый раз, когда что-то оставлялось на потом, В.И. специально отмечала это, подчеркивала, что тема еще не закрыта, а будет продолжена через некоторое время. Такая точность не означала, что В.И. никогда не отвлекалась на темы, не имеющие прямого отношения к изучаемой части грамматики и лексики. Отвлекалась охотно, но очень умеренно. И большинство ее отступлений в конце концов тоже оказывались полезными для дела, но пока помещались на полях. (Большие поля в тетради были таким же обязательным требованием В.И., как четырехколонные вокабуляры. На каждом занятии то и дело слышался клич: «на полях!» или «nota bene!» – тут и нужно было записывать на полях).

Во-вторых, у В.И. был большой опыт в том, что эффективно, а что не эффективно при изучении той или иной темы. Так, при изучении слитных глаголов знание правил слияния гласных полезно, может быть, даже нужно, но малоэффективно, а эффективно знание парадигм всех трех типов глаголов (с основами на о, а, е). Это один общеизвестный пример, но у нее, видимо, многие подобные случаи были взвешены на весах опыта и проверены.

В-третьих, была жизнь, легкость, веселость, напор. Не тот напор, который измощает и выматывает учащихся постоянным напряжением, неосновательной требовательностью, тревогой, держит их в эмоциональных тисках, а не отделимый от легкости и веселости. Это дается дорого, отнимает много сил у самого преподавателя, но придает их слушателям. Почти никогда на занятиях не было тяжело, почти никогда, сколько я помню, не было и скучно. (А то, что рассказывал в интервью Кибрик про зевание на лекциях истории греческого языка, еще проверить нужно.) И если иногда ей приходилось тянуть за язык нас, то ее никогда не пришлось бы, пока она была в добром здоровье. По всякому поводу ей было что сказать забавного и любопытного. Много из того, что она по ходу дела или *extra causam* рассказывала, представляя с особым подчеркиванием или почти заговорщически как нечто новое или мало кому известное, так и запоминалось: как нечто особенное, редкостно-важное, имеющее быть специально отмеченным в памяти. Это была некая золотая бусина, отдаваемая нам по секрету, и потом уже сами мы, став преподавателями, рассказывали о том же так же, как будто делились золотыми бусинами, даже если речь шла всего лишь о правиле среднего рода или недословившемся согласовании наклонений. Создаваемая В.И. атмосфера «свежести новизны» (как называла это Клара Петровна Полонская), то есть постоянного узнавания чего-то нового и удивительного, не только способствовала вниманию, но и делала сообщаемое – незабываемым.

На счет этой же целесообразной легкости и веселости можно отнести и шуточки-прибауточки, хохмочки и ужимочки, которыми пересыпались ее рас-

сказы и реплики. Большая часть памятна всем, кто их слышал (иронические «филологическое чутье» и «радость узнавания», например). Это иногда было несколько изъезжено и подчас отдавало некой вульгарностью, но все-таки веселило и поддерживало легкость общения. Иногда тут был и некий методический смысл. Когда она облекала грамматическое правило в нарочито нарушенную, искривленную форму («в придаточном может ставиться оптатив, а может, и необязательно»), то, хотя повторение этих оглушенных «формулировок» было, очевидно, не в рамках хорошего вкуса, зато они легко врезались в память, врезая вместе с собой и само правило. Было ли это сознательным обучающим приемом? Не знаю.

Был у В.И. и некий нехитрый артистизм. Кто видел, как она поглаживала себя ладонью по солнечному сплетению и сладким полупшепотом говорила, что такое-то греческое слово связано с чувственным наслаждением, у того, я думаю, в сознании это слово останется связанным с наслаждением чувственным. Наиболее удачным проявлением артистизма было пародийно-сатирическое. При изучении второго склонения В.И. упомянула о том, что в прилагательных на *-ikos* ударение всегда на последнем слоге. Закрепить это сообщение она решила примером «от противного»: она изобразила, как ведущая слышанной ею недавно радиопередачи, объясняя происхождение слова «полемический», сказала, что оно происходит от греческого «полэмикос». Трудно описать, как В.И. произнесла это «палэмикэс» (с русскими редукциями). В этом были и Анна Шатилова, и Игорь Кириллов, и весь институт дикторов, ласково и умиротворенно, но уверенно и учительно сообщавших народу о том, что ему нужно и можно знать. В другой раз, насмехаясь над псевдоученым произношением «Крѣз» вместо «Крез», она произнесла такое [ø], которое было еще смешнее, чем у «Альфрѣда» в исполнении Эраста Гарина: в нем не было напряжения, а была вальяжность и легкость безмятежного полузнания.

В дополнение к методу у В.И. была еще и строгость – это помнят все. Общеизвестна ее система оценок от пяти до минус единицы («За гранью рационального!»). Незаслуженных хороших отметок она не ставила, и, насколько я могу судить, не одобряла тех, кто ставил. Мне удалось заработать максимум 4+ (может, натяжка в этом и была небольшая). На 5 контрольную работу при нас написала только одна девушка: как выяснилось потом, она уже училась на пятом курсе и писала с нами просто так, чтобы проверить себя. При нас и по отношению к нам уже не было тех баснословных выходов, которые устная летопись нашего отделения соединяет больше с Николаем Алексеевичем, но иногда и с ней: выбрасывания неопрятных тетрадей из окна, разрывания не удовлетворяющих требованиям вокабуляров, крика, изгнания из аудитории. Но возмущение, иногда раздражение, увещевания к тем, кого она считала неспособными, и призывы «соблюсти интеллектуальное достоинство» (никогда

не понимал этого выражения) и перевестись на другое отделение, – это все было. Прибавим к тому и постоянное подчеркивание во-всем-особости греческого языка, его не-всем-посильности, необходимости непрестанно упражняться в нем на письме и вслух (ради ударения), все эти *шпрюхи* вроде «ничто так быстро не рассыпается, как греческий язык в голове» или «учить латинский язык нужно быстро – почему? – чтобы больше осталось времени на греческий»². Все это имело, кроме очевидных положительных, и некоторые отрицательные последствия, но здесь писать о них не будем.

Чтобы завершить этот краткий очерк образа преподавания В.И., нужно сказать еще три вещи, и хотя бы упомянуть еще одну.

С самого начала, с самых первых уроков изложение греческой грамматики умело приправлялось элементарными сведениями из сравнительно-исторического языкознания. Так и вижу теперь, как В.И. начинает новую тему или отвлекается от разбора текста, поднимая вверх палец и устремляясь к доске с мелом: «В индоевропейском языке-основе...» Тут опять нужно было воспользоваться пресловутыми большими полями³. Конечно, изучение языка как такового ни в коей мере не подменялось исторической грамматикой (историко-грамматические сведения, сообщавшиеся В.И. в курсе греческого языка, по объему сопоставимы с теми, которые приводятся для латинского языка в грамматическом справочнике к учебнику Мирошенковой-Федорова, то есть не очень обширны), но привлечение данных из нее имело двойную пользу. С одной стороны, оно позволяло некоторые темы изложить одновременно компактнее, объемнее и осмысленнее, без умножения механических правил (вроде «растягиваний», «выпадений/вставлений» и т. п.). Во-вторых, расширяло наш кругозор в филологии и лингвистике. Про деление языков на «кентум» и «сатэм», про архаичные черты литовского языка, про основную схему индоевропейского аблаута (конечно, на уровне младограмматики, без учета ларингальной теории; впрочем, и она упоминалась), про тематические гласные, про большинство фонетических процессов и законов (метатезу, заместительное удлинение, закон Грассмана и т. п.), как и про многое другое, мы впервые услышали именно во время занятий греческим, а не где-нибудь еще. Это было очень кстати: на семинарах по введению в языкознание для таких подробностей мало времени, а до курса собственно исторической грамматики греческого языка ждать было еще два года.

² Или вот еще такое мнение, высказанное в частном разговоре: что греческому языку нужно начинать учить только «мальчиков» и только не старше двадцати.

³ Это называлось «делать заделы». Потом перед курсом, скажем, исторической грамматики смотришь, что у тебя на полях по греческому языку, – и видишь: у тебя большой задел по исторической грамматике.

С самого же начала проводились параллели или отмечались различия с латинским языком. Общеизвестна максима о том, что филолог-классик стоит крепко, если крепко стоит на двух ногах, латинской и греческой, хотя на самом деле это, кажется, бывает нечасто. Метода В.И. включала в себя, хотя и в простейшем виде, опору сразу на эти две ноги: греческая грамматика пояснялась через сравнение с латинской и наоборот, выявлялось общее и различное; это способствовало и лучшему запоминанию, и лучшему пониманию общих закономерностей. Правда, в течение первого семестра В.И. успела сделать таких сопоставлений не очень много: сопоставлялись падежные функции, состав окончаний именных и глагольных, система и функции времен, употребление и строение инфинитивных конструкций, степень формализации в употреблении времен и склонений в придаточных, кое-что еще, но, в общем, немного. Вообще, В.И. скучала по латинскому языку, Макс С. считал, что из-за того, что ей давно не приходилось его преподавать.

Кроме того, В.И. не забывала делать сопоставления древнего греческого языка с современным греческим. Кажется, она свободно на нем говорила, и мужем у нее, как известно, был грек. Новогреческая линия не была в ее преподавании навязчивой, но присутствовала, давала, так сказать, дополнительную историческую перспективу. На первом же занятии она начертила на доске длинную горизонтальную черту и разметила, где какой период греческого языка, как он называется, как соотносились (приблизительно) книжный и народно-разговорный язык в тот или иной период. А потом, на следующих занятиях, любила упоминать случаи, в которых особенно курьезно проявлялась судьба греческих слов, или с опережением программы рассказывать про судьбу приращения, конъюнктива и т. п. после конца древнегреческого периода. Кажется, только раз новогреческий язык сослужил ей злую службу: древнегреческое слово *gepanos* «журавль» она произнесла и написала с ударением на последнем слоге, как в новогреческом, а не на первом, как в древнем. Тут виновата, наверное, популярность песни «Журавли» в новогреческом переводе Янниса Рицоса, которого В.И. знала лично. Ох, чего только не бывает на свете! Да, точно, имя Янниса Рицоса она упомянула уже на первых занятиях. Помнится, я даже после из любопытства взял в библиотеке сборник переводов из Рицоса, но читать это не смог. Два слова о Рицосе В.И. еще сказала уже в частных беседах. Рассказывала, как он рисовал тушью на камушках, балетной походкой ходил между высоких стопок книг, которыми был заставлен его дом, и как она из русофильства подарила ему детскую табуреточку, расписанную под хохлому. Он ее (табуреточку) ценил, поставил на нее цветы и показывал гостям с комментарием «*rosiko*» («русское»).

И последнее о преподавательских приемах В.И.: она много греческих и латинских текстов знала наизусть и от нас хотела добиться знания наизусть

некоторого количества текстов. Важно отметить, что ее требование было от полноты собственных знаний: она хотела, чтобы мы знали то же, что знает она, и чтобы могли пользоваться запомненным так же свободно, а не просто требовала учить наизусть, как это делали некоторые другие (притом, что сами не очень-то знали). О выучивании я добавлю еще несколько слов позже, там, где речь пойдет уже о разговорах с В.И. вне стен университета.

Как-то раз, объясняя очередную тему, В.И. сказала, что такой-то материал мы будем изучать во втором семестре. И прибавила: «Но уже *ohne mich*». В группе, несомненно, были люди, которые немецкие слова понимали не хуже меня, но, оглядев аудиторию, я, как ни странно, не заметил, чтобы кто-то показал видом, что понял сказанное. В этот момент я окончательно убедился, что во втором семестре В.И. вести занятий у нас не будет.

У нее было два шуточных ответа на вопрос «как вы себя чувствуете»: «В пределах разумного» и «Субъективно – сносно, а объективно – по разному». Видимо, к началу 1991 г. пределы разумного были минованы, а субъективное самочувствие сблизилось с объективными показателями. Объясняя причины своего ухода, В.И. говорила, что среди прочего ее доконало наше здание – Первый гуманитарный корпус. В это легко поверить, когда вспомнишь, что большую часть осени и зимы его огромные, в три четверти стены, окна представляют вид серого, высокого и вместе с тем тяжелого неба. (В.И. говорила, что переезд в новое здание с Моховой был для тех, кто его пережил, своего рода границей эр.) В университете она появлялась уже только изредка, например, приходила на защиту дипломов того курса, где учились А.Г. Дунаев, А.И. Любжин, О.Д. Никитинский. Кажется, это был последний раз, когда мы ее видели *intra muros*.

Зато мы с Максом С. раза два или три приходили к ней домой. Макс тогда еще учился на курс старше. Он познакомился и сблизился с В.И., когда переводился с английского отделения на классическое. Она ему очень тогда помогла: во-первых, усиленно занималась с ним греческим, чтобы он сдал сессию вместе с классиками, во-вторых, просила за него Марину Леонтьевну Ремневу

В.И. Мирошенкова принимает экзамен

(которая тогда была заместителем декана по учебной работе), чтобы от него не требовали исполнения всех тяжких условий для перевода. «Мальчик-то длинный, – сказала она Марине Леонтьевне (знаю со слов Макса), – но вытянуться-то не может». Это знакомство Макса с В.И. делало возможным визиты к ней. Мы пересекали парк 50-летия Октября, пустыри и новые дома и попадали в Раменки, где жила В.И.

В.И. делала нам кофе по-гречески и усаживала напротив себя, а потом начинались разговоры, воспоминания, рассказы. Беседа текла легко и быстро и длилась несколько часов: как я уже говорил, В.И. не приходилось вообще тянуть за язык; видимо, для преподавателя это все-таки полезное свойство. Разные разности, которые мне помнятся из тех разговоров (после которых прошло уже почти двадцать лет), вряд ли имеют значительную ценность, потому что подобное слышали и должны помнить многие в гораздо большем количестве и с большей подробностью, чем мы.

Трудно придумать, как оформить эту пеструю смесь, поэтому дальнейшее будет писаться без особого плана.

Конечно, В.И. вспоминала разные случаи из прошлого, например, как к юбилею С.И. Соболевского кафедра готовила поздравление. Заказали в мастерской музея гипсовую копию античного бюста (видимо, это был тот самый Зевс Отриколийский, о котором писал М.Л. Гаспаров⁴). Изготовили почетный венок, но за отсутствием лавра пришлось удовольствоваться лавровишней из ботанического сада. В.И. тут же сострила, что нужно прикрепить к лавровишневому венку предупреждающую бирку: «В суп не класть». (Ей вообще нравилась роль *enfant terrible*.) Кроме того, В.И. и ее подруга должны были приготовить сценку из комедии Аристофана – разговор двух женщин, похожий на начало «Лисистраты», точнее не помню.

Специально для этого пригласили режиссера. Но режиссер оказался из тех, о ком В.И. говорила: «Есть такие русские люди, которые легко записывают других русских людей в антисемиты». Когда В.И. и вторая участница сценки обменялись первыми репликами, изображая оживленные приветствия («Приветствую тебя, Калоника! – И тебе привет, Лисистрата!»), режиссер заметил им, что они разговаривают, как еврейские кумушки на базаре. То ли он не обратил внимания, то ли не счел нужным учитывать, что вторая исполнительница была еврейка. После этого от услуг режиссера решили отказаться.

Не помню, была ли сценка показана Сергею Ивановичу. Во всяком случае, на праздновании перед ним извинялись, что не смогли подготовить сценку по-гречески. «А я бы все равно ничего не понял, – этот ответ большого знато-

⁴ Вполне может быть, что либо в рассказе В.И., либо в моей памяти смешались разные юбилеи.

ка Аристофана В.И. воспроизвела с преуморительной старчески-отрешенной улыбкой, – Аристофана можно понять на слух, только если знаешь наизусть».

О знании текстов греческих и латинских наизусть – здесь уместно вернуться к этой теме, потому что в наших беседах она и этого касалась, – у В.И. было твердое мнение, что оно необходимо. При всяком случае она охотно цитировала большие и малые куски «из авторов». Она считала, что читать наизусть – единственный способ жить в древнем языке, на котором не говорят. Чаще всего она цитировала тут же припоминаемые фрагменты для иллюстрации того или иного правила, конструкции, оборота или фигуры речи. (Сколько всего нужного на первом курсе можно проиллюстрировать одним только Овидиевым «*Omnia possideat, non possidet aera Minos*»! Четыре грамматические темы, как минимум, и две фигуры.) Нас В.И. хотела склонить к тому, чтобы мы не пренебрегали выучиванием хотя бы традиционных зубрилочек вроде «*Вся Галлия разделена на три части...*» и «*У Дария и Парисатиды родились два сына...*». Не раз бывало, что на занятиях, не дождавшись от отвечающего требуемого объяснения или примера, она восклицала: «*Ксенофонт, на помощь!*» – и показывала, что даже в начале первой главы «*Анабасиса*» можно найти обсуждаемое явление. От В.И. мы впервые услышали и об изобразительных возможностях гекзаметра – с примером про коз и тюленей из Овидия. (Вообще-то, не очень яркий пример, мне кажется, куда лучше греческие гекзаметры про Сизифа. Но так было. Скорее всего, при изображении «*козочек*» и тюленей интонация и жесты компенсировали недостаток изобразительности в самом размере.)

Кроме этой прямой практической цели выучивания, была и другая, косвенная. Мне она не кажется важной, но В.И. казалась. Знание одних и тех же хрестоматийных текстов наизусть как бы скрепляет общность знающих, то есть прошедших начальный курс древних языков. В подтверждение этого В.И. рассказала, как однажды, когда она еще была студенткой или молодой преподавательницей, некий пожилой человек в троллейбусе (или трамвае?) увидел у нее в руках книжку с надписью «*Ксенофонт. Анабасис*» и тотчас воскликнул: «*О! Ксенофонт!* – а потом начал декламировать: – *Дарейу кай Парюсатидос гигнонтай пайдес дюо, пресбютерос мен Артаксерксес, неотерос де Кюрос*». Как будто встретились старые знакомые...

С этим в связи можно вспомнить еще одно суждение В.И.: о том, что первые тексты, читаемые при изучении древнего языка, должны быть хрестоматийны. Поэтому и хрестоматия к ее и Николая Алексеевича учебнику составлена большей частью и в первую очередь из хрестоматийнейших отрывков (хотя попали туда и Браччолиниевы, фацеции.) Положа руку на сердце, иногда усомнишься в том, нужнее ли всего и полезнее ли многого другого знать наизусть именно про состав племен, населявших древнюю Галлию, или про династические нелады в Персидской державе. Но таково было мнение В.И.,

ее уверенность в том, что, как общие ценности, так и общеизвестные тексты составляют традицию, связующую поколения.

Таков же был ее подход к программе чтения у классиков: в первую голову более известное, потом остальное. Даже из более известного – сначала самое известное. Если Вергилий – то сначала «Энеида», а потом «Георгики». Однажды, отвечая на какой-то вопрос Макса, В.И. рассказала, что во время своего учения в университете ей так и не пришлось прочитать по-латински «Энеиду». В том году, когда подошла очередь ее группе читать Вергилия, Ф.А. Петровский решил отдохнуть от «Энеиды» и взялся со студентами за «Георгики». (Смутно помню слово «подстрочник», сказанное при этом. Может быть, Ф.А. готовил подстрочник «Георгик»?) Для В.И. это было большое разочарование. Ф.А. с интересом обсуждал земледельческие реалии, сохи, подсошники и отвалы с одной студенткой из «представителей колхозного крестьянства». А В.И. сидела и дулась от своей непричастности к происходящему (рассказывая это, она изобразила насупленную мину и тихое вырывание волос с досады.) «Энеиду» пришлось читать самостоятельно уже после университета.

Были воспоминания и о Радциге, а как же. В.И., как и все, кто знал С.И. Радцига, соглашалась, что в его лекциях по литературе и древностям было много рассказа и пересказа (то есть мало обобщений и анализа). Даже посмеялась над тем, как он экзаменовал ее по греческой литературе. Нужно было подробно пересказать содержание трагедии, и В.И. для скорости сократила пересказ реплик Кассандры, чтобы перейти к дальнейшему действию, но С.И. несколько раз останавливал ее: «Нет, а что же сказала в ответ Кассандра?» И не унялся до тех пор, пока В.И. не ответила: «А Кассандра сказала: Увы мне, увы!»

Но в этом отношении к «старикам» было резкости, и в «пересказывательной» манере В.И. видела даже положительные стороны. Говорила: вот готовитесь сдавать античную литературу; все равно ведь не успеете прочесть все к экзамену – так полистайте учебник Радцига, будете хоть знать, о чем в какой трагедии говорится. (По моим позднейшим наблюдениям, впрочем, с трагедиями дело обстоит вполне сносно: их студенты часто и прочитывать успевают, даже с интересом. Хуже всего с прозой – исторической и философской.)

Словом, хотя В.И. и понимала все несовершенство прежних методов, она ценила – не преувеличивая – то хорошее, что было раньше. Это можно было бы продемонстрировать и ее отношением к курсу мифологии, и тем, что она говорила о принципах построения своего с Николаем Алексеевичем учебника. Для будущего же развития возлагала надежды, с одной стороны, на более раннюю и более глубокую специализацию студентов, а с другой стороны, на более активное усвоение достижений западной филологии. Второе мало-помалу происходит, про первое – трудно сказать. Из «молодых» она считала самым замечательным и много для кафедры обещающим А.А. Россиуса.

Некоторые имена филологов-классиков, живых и ушедших, я, конечно, впервые услышал именно от В.И., даже если она упоминала их мимоходом. Точно помню, что от В.И. мне впервые пришлось услышать о Жюстине Севериновне Покровской, с таким комментарием: «Сказать, что она была хороший человек – значит, ничего не сказать». Прочитанные позднее воспоминания о Ж.С. согласовывались с этим мнением, особенно скупые, но теплые слова С.С. Аверинцева, который, к его большой чести, умел отдать дань памяти не только «главным и славным», но и просто хорошим учителям.

Но и о живой тогда еще Кларе Петровне Полонской я, кажется, услышал впервые от В.И. Она многозначительно внушала нам, что, если только представится возможность пройти школу Клары Петровны (то есть написать под ее руководством курсовую, дипломную работу), этим всенепременно нужно воспользоваться, что эта школа – единственная в своем роде. Кстати, Макс исполнил завещанное и написал у К.П. курсовую за третий год. Не знаю уж про пользу, а некоторые неприятности это ему точно доставило. Я же побоялся Клары-Петровниных строгостей и тогда же написал курсовую о мотиве прихода весны в одах Горация у Натальи Андреевны Старостиной, с которой мы как раз в том году Горация читали.

В.И. Мирошенкова на ученом совете

Однажды речь зашла почему-то то ли об английском отделении, то ли о самой его заведующей О.С. Ахмановой. В первый мой учебный год (1990–1991) она была еще жива и даже читала лекции для англичанов – введение в специальность. Несколько раз мне довелось наблюдать процесс препровождения уже очень дряхлой Ольги Сергеевны по коридору от английской кафедры до аудитории 1060 (где читались эти лекции) или обратно (это добрых двести метров, между прочим). С одной стороны ее поддерживает А.А. Липгарт, тогда еще студент четвертого курса, с другой – какой-нибудь преподаватель с их кафедры (Давыдов, например), оба в костюмах. За ней идет вся свита профессоров и докторов, кто-то из них несет специальную подушечку – сиденье от стула. Это сиденье на время лекции клали на стол, поставленный перед слушателями, О.С. не то чтобы присаживалась, а опиралась на него и так, стоя, но с опорой, читала лекцию (видимо, усаживание и вставание были бы для нее более тяжелыми, чем стояние).

Я даже дважды посетил эти лекции, мне они показались очень интересными и забавными, несмотря на то состояние, в котором уже была О.С. Забавно было, как она все время говорит по-английски, лишь изредка и скорее для создания некоторого комизма кидая несколько русских слов – да и это, по слухам, считалось делом неслыханным. (Приблизительные примеры: «Что такое перевод? Перевод это дрянь». «What is the Russian for bull's eye? Яблочко? A small apple?» «What does that mean – “составляет исключение”? Составлять можно партию в вист». «And when I told him I could not read Swedish (или Danish), he said: Оленька, вы же германист, это же не суахили.») Произношение у нее было старческое, сквозь зубы, голос хриплый и глухой, но опознавательные признаки звуков, которые она считала важными, сохранялись и утрировались: [к] звучало с подобием покашливания, гласный [з:] – с растягиванием губ до предела, гласный [а:] – из недр и т. д.

Не нравилось мне только, как она обращается со своими коллегами, но это уж пусть сами англичане вспоминают, они видели больше примеров.

Вообще же мне казалось, что подобные лекции, такое разностороннее введение в специальность, с беседами, воспоминаниями, рассказами о смысле специальности и практикуемых в ней приемах, о почитаемых в ней ценностях, – были бы кстати и у нас. У нас лекции по введению в специальность, конечно, тоже были предусмотрены, но в том году это была такая тоска, что описать я ее не берусь: жалко было не только себя, но и штукатурку на стенах аудитории.

Предвижу вопрос не по теме: почему меня занесло на лекции Ахмановой. Ну, прежде всего, занесло любопытство. О них так смешно рассказывали мои друзья-англичане со второго курса. Потом, я ведь когда-то сам собирался поступать на английское отделение. И наконец – Ахманова, насколько я помню, была одной из двух относительных знаменитостей факультета, чьи имена мне

были известны еще до поступления в университет. Второй была А.А. Тахо-Годи. Фамилия Тахо-Годи была мне известна потому, что ею было подписано предисловие к сокращенному изданию «Илиады» и «Одиссеи» в «Библиотеке школьника» (Гомер и его поэмы // Гомер. Илиада. Одиссея. Пер. В.В. Вересаева, комментарии А.А. Тахо-Годи. – М.: Просвещение, 1987). Правда, школьником я не знал, был ли автор предисловия мужчина или женщина, да и первые дни в университете не было у меня твердой уверенности. Только когда Людмила Павловна Поняева (наша преподавательница латыни) повела нас в Третьяковскую галерею на показ еще нового тогда фильма «Лосев», после которого выступала Аза Алибековна, я воочию ее узрел. Ахманова же была мне, конечно, известна как автор кратких словарей, действительно очень хороших, по-моему, но я никакого понятия не имел о том, что это такая *grande dame*. Тем более ничего мне не было известно о других сторонах деятельности О.С.

Так вот, когда разговор коснулся О.С., Валентина Иосифовна довольно спокойно высказала мнение, которое мне еще не раз приходилось слышать: что Ахманова английскую кафедру «подняла», но потом сама же своей политикой довела до того, что ее, так сказать, коснулось увяданье. Но это было сказано между делом, как всем известное и никому неинтересное. А вспомнить ей было важно другое. В незапамятные времена их обеих – В.И. и О.С. – включили в комитет по борьбе, если я не ошибаюсь, с космополитизмом. «Я сидела там вот так», – говорила В.И., опустив голову и закрыв ладонями лоб и глаза. И О.С. была единственная, по ее словам, на кого можно было поднять глаза и посмотреть без стыда, с пониманием – тогда и потом. Что за всем этим стоит – не знаю. Они умерли в одном и том же году, в одну и ту же «пору красных досок».

Остальные темы наших разговоров помнятся мне обрывками. Почему-то В.И. рассказывала о детстве, об Арбате до реконструкции Москвы, о своем школьном учителе русской словесности, который был мало того, что неучен, так еще и с дефектами дикции: говорил «Пу[θ]кин». Предложениям с однородными членами он дал такое определение: «Предложение с однородными членами – это такое, в котором можно поставить *запятую*». После этого попросил привести пример предложения с однородными членами одного детину-второгодника. (Второгодник сидел по два года в каждом классе и был такой здоровый, что если по пути из школы попадалась лужа, то брал Валентину Иосифовну под одну мышку, ее подружку – под вторую и так переносил через лужу сразу двух.) Парень, подумав, «привел пример»: «Коза пасется на лугу». Возмущению учителя не было предела, при этом возмущало не столько отсутствие однородных членов, сколько попрание принципа: «И где же тут поставить *запятую*?»

Были и другие разговоры: и о годах ее учения, и о литературе, и о театре. Всего этого мне уже не собрать из клочков, но сами клочки когда-нибудь тоже можно записать.

Недавно читал я интервью с Н.А. Федоровым, там он упоминает, что систематического преподавания западноевропейской литературы у них «на классике» не было, когда они были студентами. О том же говорила и В.И. Только на каком-то старшем курсе устроили им спецкурс по Флоберу, и преподаватель целый семестр рассказывал про «Мадам Бовари»: решил-де, что хватит с них, с классиков. В результате – а может быть, и в знак протеста – ни один зачетный реферат не был написан про «Мадам Бовари». В.И. писала про «Саламбо». (У нас уже была зарубежная литература, впервые после долгого перерыва именно на нашу группу на третьем курсе обрушились эти страшные списки, которые приучают студентов к скорочтению, поверхностному взгляду и обманыванию преподавателей. Впрочем, и Светлана Ильинична, читавшая нам Средние века и Возрождение с маньеризмом, и Наталья Тиграновна, читавшая барокко и классицизм, были к нам еще милостивы.)

Вот вспомнилось еще, что В.И. показывала нам книжечку А. Меня «Как читать Библию» и даже дала мне почитать, только под честное слово, что я верну. Я вернул в следующий раз, не дочитав до конца, мне не понравилось. (Некоторые другие его книги, которые я читал позже и в которых виднее были его таланты, были гораздо лучше, конечно.)

Было бы небезынтересно вспомнить, как мы в первом нашем семестре чуть не всем отделением (преподаватели и студенты) пошли на постановку «Илиады», которую привез какой-то итальянский театр и показывал на Таганке. Постановка была очень авангардная, местами яркая, даже красивая. О ней в другой раз стоит рассказать подробнее, если вспомнится. Как ни странно, на следующий день В.И. на занятии сказала, что ей спектакль понравился. «Я для себя решила: полюблю авангард – и полюбила», а потом объяснила, почему. Кстати, мнение о том, что филологи-классики обычно не любят и не понимают современного искусства, хотя и имеет под собой некоторые основания, в целом неверно. Самый классичный из знакомых мне филологов-классиков, например, – одновременно и самый большой любитель современного искусства. Он даже писал довольно абстрактные картины, а книгу свою (по содержанию – превосходную) оформил переплетом в таком современном вкусе, что чернее ночи и страшней разрухи.

Смерть В.И. 16 декабря 1991 г. была для меня первой в сознательном моем возрасте утратой близкого человека. Мои родные были еще почти все живы, а умершие умерли давно и далеко и были похоронены не у меня на глазах. Теперь же впервые предстояло увидеть человека, с которым я общался и даже приятельствовал, – в гробу.

От подъезда 1-го Гуманитарного корпуса на отпевание отправился автобус, на который взяли и нас. (Наверное, это деканат организовал, за что нельзя не поблагодарить его.) Помню, как садились в автобус М.Л. Ремнева и А.Ч. Козаржевский (тогда еще живой и бодрый). Они беседовали, обменивались любезностями, М.Л. говорила, что пора бы А.Ч. и у нас на факультете что-нибудь почитать. Видимо, имелись в виду какие-нибудь просветительские лекции, которыми он славился. А.Ч. говорил, что согласен, а то-де развелось всяких Флярковских, которые присваивают себе роль просветителей (передаю только общий смысл). Автобус поехал в Кузнецы, в Никольскую церковь, где я до этого не бывал. Отпевание было в левом приделе, Введенском.

В гробу лежащая, В.И. не была похожа на себя живую. Я бы ее не узнал. На лбу был погребальный венчик, волосы аккуратно скрыты белым платом. В этом обличии Валентину Иосифовну было видеть очень странно: она была из тех, кого легче представить в фетровой шляпе, чем в платке. Тело под покрывалом казалось уж очень маленьким и легким (в последующие годы я понял, что именно так всегда и бывает).

Само отпевание помню очень смутно. Кажется, оно было долгим, впрочем, так могло мне показаться с непривычки: до этого мне на отпеваниях быть не приходилось. Помню, я отметил повторение без счета слов «научи мя оправданием твоим», которые я тогда вряд ли понимал – при тогдашних моих скудных познаниях в церковнославянском. Службу вел о. Валентин Асмус⁵. О его отце, известном Валентине Фердинандовиче, которого В.И. знала лично, она говорила, что это был самый интеллигентный человек в университете («не говоря уже о том философском факультете», – прибавляла она тоном «ну вы же понимаете»), так как имела в виду «тот» философский факультет) и все говорил с придыханиями. Сам о. Валентин уже учился у нее на классическом отделении, то уходя, то восстанавливаясь. («У него были искания», – поясняла В.И.) Было много учеников В.И. и коллег. Но надгробных речей никаких я не помню почему-то. Вообще от таких событий иногда в памяти остаются какие-то пустяки. Например, что Федя К. подпалил свечкой пальто И.М. Нахову, который стоял впереди него (случайно, конечно).

После чина прощания гроб, как водится, с пением вынесли из церкви и отнесли в автобус. На кладбище я не поехал. Может быть, речи были там.

⁵ Н.А. Старостина рассказала мне вот такую подробность. Во время отпевания к ней подошла некая женщина, работающая в храме, и спросила: кто была покойная о. Валентину? Родственница? Н.А. ответила, что не родственница, а преподавательница. «Ох, как он ее отпевает!» – продолжала изумляться женщина.

Вместо эпилога расскажу случай, о котором рассказывал уже несколько раз. Но кто-то, может, не слышал (или не читал), и потом очень уж смешной случай: я тогда действовал с обмякшей волей и помутненным сознанием, и тем забавнее.

Зимой 1997 г. в поселке под одним северным городом меня сбил выскочивший сзади из-за поворота микроавтобус. Он ударил меня лобовым стеклом в затылок, причем лобовое стекло разбилось, а на затылке только кожа порвалась. Это правда, даже если выглядит как чудо. (На мне, впрочем, была кроликовая шапка. Может, конечно, и стекло было уже надтреснутое...) Удар был такой сильный, что я НИЧЕГО не почувствовал и даже не заметил, видимо, отключился в долю секунды. Но когда мне, лежащему на снегу и постепенно приходящему в чувство и сознание, подоспевшие друзья стали объяснять, что произошло, то я подумал, что удар, приведший к двадцатиминутной потере сознания, мог отшибить часть памяти насовсем, и решил ее на всякий случай проверить.

Сначала проверил, помню ли свое имя, отчество, фамилию и дату рождения. Помнил.

Потом проверил, помню ли фамилию, имя и отчество бабушки по матери. Помнил.

Потом решил проверить, помню ли основные формы глаголов «мантано» (узнавать, учиться) и «блоско» (приходить). Почему мне в голову пришли именно эти глаголы? Не потому ли, что их формы объяснила нам уже В.И. (с некоторым опережением программы)? «Мантано» – вообще первый глагол, все основные формы которого нам пришлось выучить; им открывались наши глагольные тетради. Основные формы «блоско» В.И. приводила как пример чередования полной ступени корня с нулевой; кроме того, причастие от этого глагола есть в выражении «Молон лабе» (приди и возьми), а про него тоже она нам рассказывала.

Формы глаголов, оказалось, я тоже помнил:

мантано-матесомай-эматон-мематека,
блоско-молумай-эмолон-мемблока.

Жить еще можно было как-нибудь.

Февраль – март 2010 г.

С.А. Степанцов

СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ	Вестник древней истории. М.
AA	Archäologischer Anzeiger. Berlin; New York.
ABSA	Annual of the British School at Athens.
AJPh	American Journal of Philology. Baltimore.
AM	Deutsches Archäologisches Institut. Abteilung Athen. Athener Mitteilungen. Mainz am Rhein.
CA	Classical Antiquity. Berkeley.
CAH	Cambridge Ancient History.
CIL	Corpus Inscriptionum Latinarum.
CPh	Classical Philology. Chicago.
CQ	Classical Quarterly. London.
CSCA	California Studies in Classical Antiquity. Berkeley.
CVA	Corpus Vasorum Antiquorum.
FGrHist	Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin; Leiden.
GRBS	Greek, Roman, and Byzantine Studies. Durham.
HSCPh	Harvard Studies in Classical Philology.
IGUR	Inscriptiones Graecae Urbis Romae.
ILCV	Inscriptiones Latinae Christianae Veteres.
Ill. Class. St.	Illinois Classical Studies.
JDAI	Journal of Egyptian Archaeology. London.
JHS	Journal of Hellenic Studies. London.
RE	Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Hrsg. von A.F. Pauly,
RhM	Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt am Main.
SEG	Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden.
TAPA	Transactions and Proceedings of American Philological Association. Cleveland.
TAPhA	Transactions of the American Philological Association. Baltimore.
ZPE	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Köln.

НАШИ АВТОРЫ

Альбрехт Михаэль фон – профессор Гейдельбергского университета; albrecht@urz.uni-heidelberg.de

✓ *Герасимова Людмила Юрьевна* – к.и.н., старший преподаватель кафедры древних языков Института лингвистики РГГУ; l.yu.gerasimova@gmail.com

Данилов Евгений Сергеевич – к.и.н., ассистент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, младший научный сотрудник Научно-образовательного Центра антиковедения ЯрГУ; [согах@76.ru](mailto:soгах@76.ru)

Егоров Александр Сергеевич – к.ф.н., старший преподаватель кафедры древних языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; orthomantis@yandex.ru.

Ермолаева Елена Леонидовна – к.ф.н., старший преподаватель кафедры классической филологии филологического факультета СПбГУ, преподаватель школы № 610, СПб.; elena.ermolaeva304@gmail.com

Жаворонков Алексей Геннадьевич – к.ф.н., аспирант Института философии Гумбольдтовского университета (Берлин); outdoors@yandex.ru

Забудская Яна Леонидовна – к.ф.н., доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; yanazabud@mail.ru

Малинаускене Надежда Касимовна – к.ф.н., доцент Сретенской духовной семинарии (Москва); malinauskene@gmail.com

Осипова Ольга Владимировна – к.ф.н., доцент кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ospv@mail.ru

Панченко Дмитрий Вадимович – к.и.н., преподаватель Смольного института свободных искусств и наук (СПбГУ), редактор журнала *Hyperboreus*, преподаватель школы № 610, СПб.; dmpnchenko@mail.ru

Следников Алексей Георгиевич – старший преподаватель кафедры перевода и межкультурной коммуникации академии МУБиНТ; slednicovusger@inbox.ru

Степанцов Сергей Александрович – к.ф.н., доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; stephanicus@mail.ru

✓ *Суриков Игорь Евгеньевич* – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; isurikov@mail.ru

Цецхладзе Гоча Ревазович – к.и.н., директор археологических раскопок в Пессинунте, профессор университета Мельбурна, Австралия; g.tsetskhladze@unimelb.edu.au

✓ *Шумилин Михаил Владимирович* – аспирант Института восточных культур и античности РГГУ; mvshumilin@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИСЫЛАЕМЫХ СТАТЕЙ

Редакция журнала обращается к авторам с просьбой присылать статьи по адресу aristeas.classics@gmail.com, оформленные по следующим правилам:

Объем статей не должен превышать 1,5 а. л., рецензий – 1 а. л.

Гарнитура основного (русского) текста *Times*, греческий шрифт в формате *Unicode*.

К статье необходимо прилагать список ключевых слов и краткое резюме (один абзац) на русском и английском языках, а также краткие сведения об авторе (ФИО, ученая степень, место работы, электронный адрес).

Ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора, год публикации, двоеточие, номер страницы. Ссылки на разные работы разделяются точкой с запятой.

Например: Иванов 1999: 536; Jones 1967: 67–68.

Если подряд идут ссылки на несколько работ одного автора, между ними ставится точка с запятой, а фамилия автора не повторяется.

Например: Иванов 1999: 536; 1972: 56–59.

Если в статье упоминается несколько работ одного автора и одного года, они различаются буквами латинского алфавита.

Например: Иванов 1999a: 536; Jones 1967b: 67–68.

Если необходимо сослаться на сноску или иллюстрацию, их номер приводится после запятой.

Например: Иванов 1999: 536, рис. 2; 1972: 56, примеч. 2; Jones 1967b: 67, п. 13; 1983: 45, fig. 3.

Ссылки на древних авторов даются по образцу:

Hom. II. II. 641; *Strab.* XV. 1. 7; *Arist. Poet.* 22. 3. 1458 a 22.

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Жмудь Л.Я. 1994: Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб.

Burkert W. 1962: *Weisheit und Wissenschaft: Studien zu Pythagoras, Philolaos und Platon.* Nürnberg.

Для журнальных статей и сборников статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Сапрыкин С.Ю. 2005: Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н. э. // ВДИ. 2. С. 45–81.

Меликова-Толстая С.В. 1937: Античные теории художественной речи // Античные теории языка и стиля (антология текстов) / Под ред. И.М. Троцкого. Л. С. 155–177.

Tolstoi J. 1927: Un miracle d'Achille dans l'île Blanche // RA. 26. P. 201–206.

Hershbell J. P. 2005: Philostratus's Heroikos and Early Christianity: Heroes, Saints, and Martyrs // Philostratus's Heroikos: Religion and Cultural Identity in the Third Century C.E. / Ed. by J.B. Maclean and E.B. Aitken. Leiden. P. 245–262.

Сокращения. К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке:

ВДИ – Вестник древней истории. М.

RhM – Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt am Main.

Статьи, оформленные не по правилам, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам.

ERRATA

Том I

стр.	строка	напечатано	следует читать
7	3 св.	Шеглов	Щеглов
7	6 сн.	культуре	культуре»
7	11 св.	акцентуции	акцентуации
8	11 сн.	2009-2010 гг.	2009 г.
33	19 сн.	Fragment	fragment
42	2 сн.	Egger, Émile	Egger
50	8 св.	<i>ältesten</i>	<i>ältesten</i>
50	11 св.	<i>spätgeborene</i>	<i>spätgeborene</i>
50	11 св.	<i>gewölbte</i>	<i>gewölbte</i>
50	12 св.	<i>Nägeln</i>	<i>Nägeln</i>
50	16 св.	<i>hören</i>	<i>hören</i>
52	6 св.	<i>Egger, Émile</i>	<i>Egger É.</i>
52	8 св.	<i>Jean-Luc</i>	<i>J.-L.</i>
52	9 св.	Caire	Le Caire
52	2 сн.	West, Anc. Gr. Mus., 1989.	<i>West M.L.</i> 1989: Ancient Greek Music. Cambridge.
70	8 св.	καὶ	καί
77	6 сн.	Dueck D. Ed.,	Ed. D. Dueck,
77	2 сн.	Chorographie	Chorographie /
134	1 сн.	ῥύβρις	ῥύβρις
135	5 сн.	Аненнский	Анненский
140	2 сн.	Yalouris	Γιαλούρης
141	1 св.	επίκουρος	Ἐπίκουρος
141	2 св.	αλεξίκακος	Ἀλεξίκακος
142	2 сн.	Yalouris N. 1967: Συμβολή εις την αποκαταστασιν των γλυπτων του ναου των Βασσων	Γιαλούρης N. 1967: Συμβολή εις την αποκατάστασιν των γλυπτών του ναού των Βασσών
144	1 сн.	Paulys	Pauly
153	3 сн.	Paulys	Pauly
162	6 св.	Su IV	IV
162	16-17 св.	Гизихием	Гезихием
162	12-13 сн.	хроно-графии	хронографиии

165	3 св.	Пионеры	пионеры
172	8 св.	pp.	pp.,
173	15 сн.	стародавних	стародавніх
173	16 сн.	Украпни	України
208	4 сн.	Labin	Latin
211	1 сн.	Εφημερίς	Εφημερίς.

Том II

стр.	строка	напечатано	следует читать
7	9 св.	accentvs ... regvla	accentus ... regula
36	5 сн.	ὀπόσοις	όπόσοις
47	4 сн.	Kerkhecker	Kerhecker
57	18 сн.	πολλόν	πολλὸν
66	7 сн.	nominee	nomine
71	1 сн.	οὐδαίας	ουδαίας
72	6 сн.	χρυσῶ`	χρυσῶ
76	14 св.	Beitrdge	Beiträge
78	8 сн.	Рюел (Rvehl)	Рюль (Ruehl)
103	19 св.	Evtropii	Eutropii
104	4 св.	Phililogus	Philologus
104	9-10 св.	Evtropi Breviarivm ... cvm versionibvs ... Pavli Landolfiqve ... Recensvit	Eutropi Breviarium ... cum versionibus ... Pauli Landolfique ... Recensuit
104	10 св.	Berolina	Berolini
104	6 сн.	Rvehl ... Evtropi Breviarivm ... Rvehl	Ruehl ... Eutropi Breviarium ... Ruehl
104	3 сн.	Stutgardia	Stutgardiae
112	1 сн.	<u>вижу</u>	<i>вижу</i>
124	18 сн.	Мандельштам О.Э.	<i>Мандельштам О.Э.¹</i>
124	15 сн.	Мандельштам Н. Я.	<i>Мандельштам Н. Я.²</i>
133	16 сн.	of mysteries	on mysteries

¹ С красной строки.

² С красной строки.

134	12 сн.	Imouthes	Imouthés
134	12 сн.	Psintaks	Psintaês
134	2 сн.	<i>Vandier J.</i>	<i>Vandier J.</i> (ed.)
146	10 сн.	Old Tradition in Greek and Roman Egypt	Ancient Egyptian Tradition under Greco-Roman Rule
154	8 св.	Old Egyptian Drawings On Papyri (Late Period)	Ancient Egyptian Papyrus Graphic Art of the Late Period
154	9 св.	Some Relations	Features of the Relationship
154	11 св.	art of illustration in papyrus scrolls in	graphic art on papyrus scrolls of
181	9 сн.	Папирологический	Папирологический
188	4 св.	Седегита	Седигита
210	6 св.	accentvs ... regula	accentus ... regula
212	после 5 св.		Васильева Ольга Александровна, к.и.н., зав. отделом Древнего Востока ГМИИ им. А.С. Пушкина;

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ РУССКИМ ФОНДОМ СОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ

*Более подробную информацию о наших книгах
(аннотации, оглавления, отдельные главы)
Вы можете найти на сайте: www.s-and-e.ru*

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ:

1. Назаренко А.В.: «Древняя Русь и славяне». Из серии: Древнейшие государства Восточной Европы
2. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Том I. Античные источники». А.В. Подосинов (составитель) / Под редакцией Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова
3. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Том II. Византийские источники». М.В. Бибиков (составитель) / Под редакцией Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова
4. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Том III. Восточные источники». И.Г. Коновалова (составитель) / Под редакцией Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова
5. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Том IV. Западноевропейские источники». А.В. Назаренко (составитель) / Под редакцией Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова
6. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Том V. Древнескандинавские источники». Г.В. Глазырина, Т. н. Джаксон, Е.А. Мельникова (составители) / Под редакцией Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова
7. Столярова Л.В., Каштанов С.М.: «Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.)»
8. «Древнейшие государства Восточной Европы. Пространство и время в средневековых текстах» / Ответственный редактор Г.В. Глазырина

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ТЕХНИКИ:

9. Котельников В.Р.: «Отечественные авиационные поршневые моторы 1910–2009»
10. Степанов А.С.: «Развитие Советской Авиации в Предвоенный Период (1938 – первая половина 1941 года)»

АНТИЧНОСТЬ И ВИЗАНТИНИСТИКА:

11. Люттвак Э.: «Стратегия Византийской империи». Edward N. Luttwak: «The Grand Strategy of the Byzantine Empire» / Перевод с английского А.Н. Коваль
12. Позднев М.М.: «Психология искусства. Учение Аристотеля»
13. Суриков И.Е.: «Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин»
14. Суриков И.Е.: «Античный полис»
15. «Gaudeamus Igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова» / Под редакцией Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, Г.Р. Цецхладзе
16. Ревзин Григорий: «Путешествие в Античность»
17. Смышляев А.Л.: «История Древнего Рима от Ромула до Гракхов», учебное пособие
18. Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия. Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики»
19. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал. Тома I и II

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ:

20. Антонец Е.В.: «Введение в римскую палеографию»
21. «Вопросы эпиграфики. Вып. 1» / Под редакцией А.Г. Авдеева
22. «Вопросы эпиграфики. Вып. 2» / Под редакцией А.Г. Авдеева
23. «Вопросы эпиграфики. Вып. 3» / Под редакцией А.Г. Авдеева

БЕЗ СЕРИИ:

24. Евсеева Л.М., Лидов А.М., Чугреева Н.Н.: «Спас Нерукотворный в русской иконе»
25. Рашид Ахмед: «Талибан» / Перевод с английского М.В. Поваляева
26. Биbihин В.В. «Слово и событие. Писатель и литература». Собрание сочинений. Том I
27. Фомин А.М. «Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за “Османское наследство”, 1918–1923»
28. Нориджская Юлиана. Откровения Божественной Любви / Пер., вступ. ст., примеч., подгот. среднеангл. текста Ю. Дресвиной. Julian of Norwich. Revelations of Divine love / Edition, introduction, translation and commentaries by Juliana Dresvina

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОЛЬГИ СЕДАКОВОЙ:

29. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Стихи (1-й том)»
30. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Переводы (2-й том)»
31. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Poetica (3-й том)»
32. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Moralia (4-й том)»

КНИГИ, ПЛАНИРУЮЩИЕСЯ К ИЗДАНИЮ В 2011 ГОДУ

(книги, уже готовые к изданию или находящиеся на стадии редактуры и верстки):

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Каштанов С.М.: «Исследование о молдавской грамоте XV века»
2. Мереминский С.Г.: «История Англов. Генрих Хантингдонский»
3. Баранова С.И.: «Керамическая “летопись” колокольни храма Святых Адриана и Наталии (Святых Апостолов Петра и Павла) в Москве»
4. «Каталог нательных крестов, обнаруженных в ходе археологических исследований в Москве в 1989–2009 гг.» / Под руководством Главного археолога города Москвы, академика РААСН и ААН, профессора Александра Григорьевича Векслера
5. Каталог «Скандинавские древности на территории Руси. VIII–XIII вв.» / Руководители проекта: д. и. н. Е.А. Мельникова, д. и. н. В.Я. Петрухин, к. и. н. Т.А. Пушкина, д-р И. Янссон
6. Аржанов Ю.Н.: «Сирийские ветхозаветные псевдоэпиграфы»

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ:

7. Столярова Л.В.: «Детектив XVI века: расследование причин смерти царевича Дмитрия на базе сохранившихся исторических источников»
8. В.А. Ткаченко «Некрополь Свято-Троицкой Сергиевой лавры конца XIV–начала XXI в.»

9. Евсева Л.М.: «Аналойные иконы в Византии и Древней Руси. Образ и литургия»
10. «Древнейшие государства на территории Восточной Европы». Ежегодный сборник статей, за 2008 год – посвящен юбилею В.Т. Пашуто. / Отв. ред. Е.А. Мельникова, Институт всеобщей истории
11. Монография: «Древняя Русь в свете зарубежных источников» / Под редакцией Е.А. Мельниковой. Данная монография издается в комплекте с пятитомником одноименной хрестоматии: «Античные источники», «Византийские источники», «Древнескандинавские источники», «Восточные источники», «Западноевропейские источники»

ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА:

12. Криничная Н.А.: «Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины, поверья Карелии и сопредельных областей»
13. Лобанова Н.В., Филатова В.Ф.: «Археологические памятники в районе Онежских петроглифов»
14. Лобанова Н.В.: «Петроглифы Онежского озера»
15. Кривошапова Ю.А.: «Русская народная энтомология: этнолингвистический аспект»

ЕВРОПЕЙСКАЯ МЕДИЕВИСТИКА:

16. Мереминский С.Г.: «Формирование традиции: английское историописание. Вторая половина XI – первая половина XII веков»
17. Виноградов П.Г.: «Средневековое поместье в Англии» / Подготовка книги к переизданию, комментарии и вступительная статья А.К. Гладкова
18. Виноградов П.Г.: «Римское право в средневековой Европе» / Подготовка книги к переизданию, комментарии и вступительная статья А.К. Гладкова
19. Виноградов П.Г.: «Исследования по социальной истории Англии в Средние века» / Подготовка книги к переизданию, комментарии и вступительная статья А.К. Гладкова
20. Виноградов П.Г.: «Исследование по истории феодального строя Лангобардской Италии» / Подготовка книги к переизданию, комментарии и вступительная статья А.К. Гладкова
21. Гимон Т.В.: «Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование»
22. Перевод книги: «Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934» Редактура и подготовка вступительной статьи Е.А. Мельниковой

23. Перевод книги: «Goetz L.K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922» / Редактура и подготовка вступительной статьи Е.А. Мельниковой

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ:

24. Исэров А.А.: «США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815–1830»
25. Платошкин Н.Н.: «История Мексиканской революции»: 1-й том: «Предпосылки и ход революции: 1910–1917 года»
26. Платошкин Н.Н.: «История Мексиканской революции»: 2-й том: «Революция у власти: 1917–1928 года»
27. Платошкин Н.Н.: «История Мексиканской революции»: 3-й том: «Коренные реформы: 1928–1940 года»
28. Платошкин Н.Н.: «Чили: кризисы 1964–1973 годов. Влияние США»
29. Платошкин Н.Н.: «Интервенция США в Доминиканской республике 1965 года»

АНТИЧНОСТЬ И ВИЗАНТИНИСТИКА:

30. Домановский А.Н.: «Государственный контроль и регулирование торговли в Византии IV–IX вв.»
31. Сорочан С.Б.: «Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры»
32. Гай Юлий Цезарь (книга 1): «Записки о войне с галлами» / Введение и комментарии С.И. Соболевского
33. Гай Юлий Цезарь (книга 2): «Записки о войне с галлами» / Введение и комментарии С.И. Соболевского
34. Лидов А.М.: «Росписи Ахталы»
35. Суриков И.Е.: «Античная Греция: политика в контексте эпохи. Година междоусобиц»
36. «Латинские Панегирики – XII – PANEGYRICI LATINI» / Перевод с латинского языка, статья, комментарии и приложение И.Ю. Шабага
37. Помпоний Мела: «Описание Земли» / Перевод с латыни, комментарии и подготовка текста – коллектив авторов под редакцией А.В. Подосинова

ИСТОРИЯ XX ВЕКА:

38. «Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений» / Отв. ред. Н.И. Егорова
39. «Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова» / Отв. ред. Н.И. Егорова
40. Куликов В.П.: «История Русского Военного Воздушного Флота 1885–1917»
41. Сборник статей по материалам семинара «Холодная война» / Составитель А.С. Степанов

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ:

42. «Вопросы эпиграфики. Выпуск 4» / Под редакцией А.Г. Авдеева

МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК, ГЕОПОЛИТИКА И ГЕОЭКОНОМИКА И ДР.:

43. Люттвак Э.: «Стратегия: логика войны и мира» / Перевод с английского: Edward N. Luttwak : «The Strategy: Logic of War and Peace»
44. Люттвак Э. «Политические перевороты: практическое пособие»: Edward N. Luttwak «*Coup d'Etat: Practical Handbook*»
45. Рахаев Д.Я.: «Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века»

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ:

46. Рязановский А.Р.: Пособие по математике для поступающих в «математические вузы»: «500 способов и методов решения задач по математике»
47. Абрамсон Я.И.: «Учебное пособие по математике для учащихся начальных классов»

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БИБИХИНА В.В.:

48. Бибахин В.В: «Введение в философию права». Том II
49. Бибахин В.В: «Новый Ренессанс». Том III

КНИГИ НАШЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В МАГАЗИНАХ:

В офисе нашего издательства (Москва, ул. Малая Пироговская, дом 13 (в помещении «Частной Филипповской школы», в районе метро Фрунзенская). Тел: +7 (495) 708-34-90, +7 (499) 766-46-19

1. Интернет-магазины: www.biblion.ru и www.urss.ru
2. Книжные магазины:

РОССИЯ

Москва

- «Книжная галерея «НИНА» (м. «Павелецкая», ул. Бахрушина, д. 28). www.kniginina.ru
- «ФАЛАНСТЕР» (м. «Пушкинская», Малый Гнездниковский пер., д. 12). www.falanster.ru
- «ГНОЗИС» (м. «Парк Культуры», Zubovskiy pr., d. 2; 1-й гуманитарный корпус МГУ)
- «АКАДЕМКНИГА» (м. «Академическая», ул. Вавилова, д. 55/7)
- «АКАДЕМКНИГА» (м. «Цветной бульвар», Цветной бульвар, д. 21)
- «У КЕНТАВРА» (м. «Новослободская», ул. Чайнова, д. 15: здание РГГУ)
- РОССПЭН: «Книжный киоск РОССПЭН» (ул. Дм.Ульянова, д. 19. м. «Академическая»)
- РОССПЭН: «Книжный киоск в библиотеке ИНИОН» (Нахимовский проспект 51/21, здание ИНИОН, 2-й этаж. [м. Профсоюзная])
- «ГИЛЕЯ» (123104, Москва, Тверской бульвар, д. 9). Тел: +7-495-925-81-66. <http://gileia.org/contacs>

Санкт-Петербург

- «КНИЖНЫЙ ОКОП» (Тучков пер., д. 11/5, лит. А, пом. 15-Н., Васильевский Остров)
- «ИСТОРИЧЕСКАЯ КНИГА» (ул. Чайковского, д. 55) www.aletheia.spb.ru
- «ДМИТРИЙ БУЛАНИН» (ул. Петрозаводская, д. 9: рядом со зданием исторического института) www.dbulanin.ru
- «АКАДЕМКНИГА» (Литейный проспект, дом 57). Тел.: 272-36-65
- «АКАДЕМКНИГА» (ул. Петрозаводская, д. 7 б). Тел.: 235-40-64
- «АКАДЕМКНИГА» (Менделеевская линия, д. 1. Васильевский Остров). Тел.: 328-38-12

- «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» (Васильевский Остров, 6-я линия, д. 11)
- «ПОРЯДОК СЛОВ» (Набережная реки Фонтанка, д. 15). www.wordorder.ru

Великий Новгород

- «НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО» (ул. Студенческая, Парковая: здание Гуманитарного института, книжный киоск)

Ярославль

- «КНИЖНАЯ ЛАВКА ГУМАНИТАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» (ул. Свердлова, д. 9: бывший кинотеатр «АРС»). Республика Карелия
- «ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ». (г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33: книжный киоск).

Вологда

- «ДЕЛОВАЯ КНИГА» (г. Вологда, ул. Предтеченская д. 31). Тел: +7, 8-8172-72-61-28, d.book@visp.ru

Красноярск

- «АКАДЕМКНИГА» (66049, Красноярск, ул. Сурикова, дом 45). Тел: 8 (391) 227-03-90

Томск

- «АКАДЕМКНИГА» (634050, Томск, Набережная реки Ушайки, дом 18 а)
Тел: 8 (3822) 51-60-36
- «ПОЗИТИВ» (634050, Томск, Проспект Ленина, дом 24 а). Тел: 8 (3822) 53-40-74

Новосибирск

- «АКАДЕМКНИГА» (г. Новосибирск, Красный проспект, 51). Тел: +7 (383) 2211560
- «АКАДЕМКНИГА» (630090 Новосибирск, Морской проспект, 22). Тел. +7 (3832) 35-09-22

УКРАИНА

Официальный представитель в Украине

- Филюк Олег Васильевич: тел. CDMA: +38 (044) 221-97-44,
GSM: +38 (063) 487-27-84 E-mail: Helg11@yandex.ru; RUSfondUKR@yandex.ua

Киев

- «БУКИНИСТ-ЦЕНТР» (ул. Лютеранская, д. 4: рядом с Крещатиком). Тел: +380-44-279-57-31
- «АКАДЕМКНИГА» (01030, ул. Богдана Хмельницкого, д. 42, тел.: +380-44-234-51-42
- «АКАДЕМКНИГА №7» (01025, ул. Сретенская, 17, тел.: +380-272-34-72, 272-35-82)
- «МОГИЛЯНСЬКА КНИГАРНЯ» (центральный вход: 04070, пл. Контрактова, д. 4, тел: +380-44-581-52-23, E-mail: mogilyanka@bigmir.net)
- Интернет-магазин www.artlover.com.ua, E-mail: info@artlover.com.ua
- «ЗНАННЯ» (01001, ул. Крещатик, д. 44, тел.: +380-279-10-45, 234-22-91)
- «НАУКОВА ДУМКА» (01001, ул. Грушевского, 4. Тел.: +380-278-06-96, 279-12-01)
- «КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. ШЕВЧЕНКО» (книжный магазин в корпусе Института филологии: 01030, бульвар Шевченко, д. 14)
- «КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. ШЕВЧЕНКО» (книжный магазин в главном корпусе): 01034, ул. Владимирская, д. 60
- «КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. ШЕВЧЕНКО» (книжный магазин в корпусе Института международных отношений): 04119, ул. Мельникова, д. 36/1

Харьков

- «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА» (площадь Свободы, 4: книжный магазин в главном корпусе Харьковского Национального Университета им. Каразина). Тел.:+380-44-456-84-63
- «ЛИТЕРА НОВА» («Litera Nova») (ст. м. Советская, ул. Квитки-Основьяненко 4/6: рядом с Органным залом). Тел.: (057) 731-40-59, 719-52-40; www.iar.kharkov.ua, <http://litera-book.com.ua>
- ДОМ КНИГИ «BOOKS» (ул. Сумская, 21). Тел. +38-057-714-04-71
- АВИОНИКА (61022, г. Харьков, ул. Сумская, 51)

Тернополь

- «ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ» (ул. Руська, 19). Тел. +38-0352-43-10-21

Винница

- «КОБЗАРЬ» (ул. Привокзальная, 2/1). Тел. +38-043-261-77-44

ГЕРМАНИЯ

Франкфурт-на-Майне

- «KNIZHNIK Internationale Buchhandlung» (Inhaber Dmitrij Anzupow. Verkehrsnummer 29582. Danziger Platz 2-4, 60314, Frankfurt am Main, +49(0) 69 40 80 78 70) www.knizhnik.de/ru

При оптовых закупках возможны скидки, с вопросами обращайтесь к директору издательства Андрею Гореву: andrey.gorev@bk.ru или к заместителю директора Любе Евстюничевой: L.izdat@bk.ru

Периодическое издание

Аристей: Вестник классической филологии
и античной истории

Том III

Корректор: И.В. Подосинова
Дизайн и верстка: А.В. Белоусова

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-41279

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке,
Университет Дмитрия Пожарского
119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 13, стр. 1
www.s-and-e.ru

Подписано в печать 15.05.11 Формат 170х240
Бумага офсетная, 80 гр.. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ 3234.

Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

Журнал носит имя Аристея, греческого поэта VII или VI века до н. э., происходившего из города Проконнеса, который находился на одноименном острове в Мраморном море. По свидетельствам многих античных авторов, и, прежде всего, Геродота, Аристей первым посетил северо-восточную окраину известного тогда мира, т. е. побывал на территории современной Восточной Европы, и написал поэму под названием «Аримаспея», в которой рассказал о живущих там народах. Именно Аристей заложил историографическую традицию помещать севернее Понта Эвксинского (Черного моря) реальных и легендарных скифов и киммерийцев, затем исседонов, аримаспов, грифов и гипербореев, живущих уже на берегу Северного океана. На протяжении многих веков вплоть до Нового времени эти этногеографические представления о Восточной Европе, происходящие от Аристея, оставались доминирующими.

